

Ксения Лученко

матушки

жены священников о жизни и о себе

Светлана Соколова
Ольга Ганаба
Лилия Лобашинская
Марина Митрофанова
Лариса Первозванская
Олеся Николаева
Анастасия Сорокина
Ольга Юревич
Наталия Бреева

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Ксения Валерьевна Лученко

Матушки. Жены священников о жизни и о себе

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви

В книге использованы фотографии из семейных архивов героев, а также фотографии М. Моисеева, Ю. Маковейчук, С. Чапнина, В. Ходакова

Об этой книге

Книга, которую вы держите в руках, – это рассказы девяти женщин о своей жизни. Все эти женщины очень разные: москвички и петербурженки, работающие и домохозяйки, разного возраста и воспитания, у кого-то из них много детей, у кого-то нет, кто-то вырос в православной семье, а кто-то пришел к вере в зрелом возрасте. Объединяет их одно: это жёны священников; их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников при обращении к ним называют «батюшками». Основа книги – прямая речь. Каждая героиня рассказывает о своей семье, своем жизненном пути, о доме и близких, о детстве и обстоятельствах сегодняшней жизни.

Признаюсь, с матушками было трудно договориться об интервью. Как правило, семейная жизнь духовенства тщательно скрывается от постороннего взгляда. Матушки внимательно следят за впечатлением, которое они производят, ведь по ним судят и об их муже, и о приходе, на котором муж служит. Их жизненный опыт – во многом опыт ежедневных жертв и компромиссов, с одной стороны, и постоянного творческого переосмысления семейных традиций – с другой. Кто-то готов часами делиться этим опытом, другие – лишь пунктиром намечают главное. Поэтому тексты, вошедшие в этот сборник, очень неоднородны: каждый отражает характер и личную философию героини.

И вместе с тем эта книга не сборник советов по практическому устроению православной семьи. Напротив, чем старше и опытнее матушка, тем меньше она склонна давать советы. Чтение этих историй помогает разрушить стереотипы. Нет идеальных православных семей. Есть очень разные реальные семьи, каждая – отдельный живой организм. Впрочем, книга и не о семье как таковой. Она о судьбах, о преемстве поколений – в семье и в Церкви. Поэтому многие героини стремятся как можно больше рассказать о том, откуда они родом: о предках, о детстве, родительских семьях. В рассказе Анастасии Сорокиной читателю приоткрывается мир Печор и Псково-Печерского монастыря в 1970-х годах. Ольга Ганаба говорит о подмосковной приходской жизни того же периода, но ведет свой рассказ с гораздо более раннего времени – с 1920-1930-х годов, когда ее отец, архиепископ Мелхиседек (Лебедев), начинал свое церковное служение. В рассказе матушки Наталии Бреевой предстает церковная Москва 1950-х годов, но из описания трагических страниц семейной истории читатель узнает и о коллективизации, и о блокаде Ленинграда. В этих простых рассказах обычных женщин, ставших свидетельницами времени, оживает история России и Церкви в XX веке.

Ольга Юревич и Калисса Лобашинская, обе москвички, рассказывают, как поехали за своими мужьями: одна – в Сибирь, другая – в маленький городок в Калужской области. Светлана Соколова делится воспоминаниями о том, как, будучи студенткой Московской консерватории, из далеких от Церкви кругов, входила в семью Соколовых, священнический род которых, не прерываясь, существовал триста лет, как приняли ее, некрещеную девочку, в семье будущего мужа, продолжательницей традиций которой ей суждено было стать. Олеся Николаева говорит о людях, которых встречала она и ее муж, протоиерей Владимир Вигилянский, на своем пути в Церковь.

Отдельная тема, которой так или иначе касаются все героини, – детство. Порой от кратких – всего несколько строчек, а порой подробных, детальных рассказов о своем детстве они перекидывают мостик к собственным детям. Слово «воспитание» слишком холодное, официальное, чтобы описать отношение к детям в семьях, о которых идет речь. Почти все героини книги рано или поздно столкнулись с выбором между своей

работой (чаще всего – любимой) и детьми. Кто-то, как Марина Митрофанова, не смог оставить сына в детском саду, кто-то, как Ольга Ганаба, увидел, что без маминой поддержки очень трудно дочке-подростку. Физик-ядерщик Лариса Первозванская и архитектор Ольга Юревич отказались от карьеры, потому что семьи стали многодетными.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Конечно, девять небольших рассказов не могут охватить всего многообразия семейной и церковной жизни. Но они дают возможность читателю задуматься о том, что такое семья и преемственность поколений. Пристальное вглядывание в жизненную философию современных христиан может помочь увидеть проявление живого, творческого начала в тех областях нашей жизни, о которых современная литература и публицистика говорят слишком редко.

И последнее. Я благодарю всех матушек, которые согласились участвовать в работе над этой книгой. Я прекрасно понимаю, что и для них, и для их батюшек это было непростое решение, и тем не менее они согласились рискнуть.

Очень надеюсь, что у этой книги будет продолжение.

Ксения Лученко

Олеся Николаева



Протоиерей Владимир Вигилянский (р. 1951) – руководитель пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси, клирик домового храма мученицы Татианы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, публицист и литературный критик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза журналистов России и Союза российских писателей.

Олеся (Ольга) Николаева (р. 1955) – поэт, прозаик, эссеист, автор нескольких книг стихов и романов, лауреат множества премий, в том числе Российской национальной премии «Поэт». Преподает литературное мастерство в

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей; член русского Пен-центра. Вырастила троих детей.

Я родилась в московской писательской семье. Мой отец – Александр Николаев – писал стихи, был заместителем главного редактора журнала «Дружба народов», а моя мать была журналисткой и переводчицей. Мое детство совпало с хрущевской «оттепелью» – временем, которое казалось интеллигенции очень радужным. Вот и атмосфера нашего дома всегда была праздничной: дом был полон друзей и гостей, среди которых оказывались и известные поэты, и режиссеры, и актеры. Кстати, это ощущение праздничности жизни – жизни как праздника – у меня осталось до сих пор, правда, само понятие праздника изменилось.

Из людей, с которыми дружили мои родители, кажется, никто в ту пору в храм не ходил. Единственный церковный человек, который был рядом, – это моя бабушка Надя. Но жила она с другими внучками, которых и покрестила во младенчестве, а меня как-то не очень церковно просвещала. Может быть, она считала, что этим должны заниматься мои родители. Правда, она время от времени рассказывала мне удивительные истории про святых и юродивых, про пророчество юродивой Паши Саровской Государю Императору о рождении сына, который «наследником будет, а царем – нет». Все это, как я слышала от бабушки, юродивая Паша наглядно изображала, играя в тряпичные куколки, что меня очень поразило.

Кроме того, папа, когда мне было семь лет, повез меня с собой в командировку в Ленинград, там повел в Исаакиевский и Казанский соборы, в Русский музей, в Эрмитаж, где было много икон и картин на евангельские сюжеты, и очень подробно и точно объяснял, что на этих иконах явлено, а на картинах изображено. Так я узнала о Христе, увидела Его распятым на Кресте и тогда сразу же уверовала в Него. Фреска «Избиение младенцев», картины «Страдания мученика Севастиана», «Распятие апостола Петра» и т. д. – все это меня потрясло.

А когда я училась в седьмом классе, я поехала на зимние каникулы со своим классом на экскурсию в Киев. Возвращаясь из Лавры, мы очень долго ждали трамвай, было холодно, я ужасно замерзла. А остановка располагалась прямо перед храмом. И учительница повела нас туда погреться.

Шла Божественная литургия – как раз только что началось причастие, и верующие стали подходить к Чаше. Я стояла и смотрела на них с неожиданным для себя чувством горчайшего сожаления, что я не могу быть с ними. Я поняла, что со мной происходит какая-то трагедия, потому что и этот храм, и Иисус

Христос на распятии, и эти звуки, и эти запахи, и дрожание этих свечей, – все здесь было МОИМ, а я была отрезана от этого пропастью.

С ранней юности я очень много читала. Любила я не только литературу, но и религиозную философию: мне представлялось, что это приближает меня к Богу. Читала я и толстовское переложение Евангелия, даже и не подозревая о том, что оно – еретическое. Но, может быть, Господь закрыл тогда мое сердце для нечестивых словес, потому что потом, когда я добыла Евангелие подлинное, мне казалось, что я испытываю радость УЗНАВАНИЯ, то есть что я его уже знаю и именно таким, какое оно есть.

Как только среди моих знакомых появился церковный человек, я попросила его, чтобы он помог мне покреститься. Мне было уже 23 года. Этот человек привез меня сначала к отцу Всеволоду Шпиллеру в Николо-Кузнецкий храм, а отец Всеволод благословил нас тут же отправиться в Отрадное к отцу Валериану Кречетову.

Отец Валериан задал мне несколько вопросов да сразу и покрестил меня, хотя у него только что закончились крестины и дело шло уже к вечеру. А через два дня он покрестил и моих крошечных детей, а еще через два года – уже и моего мужа, который потом стал священником – иереем Владимиром Вигилянским. И наконец, четыре года спустя он покрестил и мою умирающую мать, которая после этого буквально восстала от одра болезни и прожила еще почти 25 лет.

Однако покреститься-то я покрестилась и даже причастилась один раз, и даже детей стала водить к причастию каждое воскресенье, но самой мне что-то очень мешало стать человеком церковным. Это «что-то» было, как я теперь понимаю, усвоено мной из той же религиозной философии – во всяком случае, рассуждения Николая Бердяева о несовместимости смирения и творчества произвели на меня впечатление, и я искренне полагала, что надо выбирать что-то одно… Что историческая Церковь не для меня… Что у меня есть Церковь «внутренняя», «внутренняя молельня, по слову Владимира Соловьева… Чтобы опровергнуть это заблуждение, необходимо было какое-то сильное потрясение, должно было что-то произойти.

И тогда Господь привел меня самым чудесным образом в Ракитное, райцентр Белгородской области, где служил в Никольском храме архимандрит Серафим (Тяпочкин), человек святой жизни. Я попала туда в Страстную Пятницу, служба была очень долгой – Погребение Плащи-ницы перетекало в Божественную литургию. А я все богослужение стояла, не смея ни присесть, ни выйти из храма, потому что мне казалось, что именно сейчас решается моя судьба.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К вечеру Светлого Христова Воскресения отец Серафим умер, и на похороны к нему съехалось множество духовных чад со всего Советского Союза, среди которых были архиереи, священники и монахи. Приехал и мой муж. День и ночь в храме шли богослужения, иереи по очереди читали Евангелие над телом усопшего архимандрита. Мы исповедовались, причащались и незаметно «влились» в церковную жизнь. Можно сказать, что эти несколько дней в Ракитном изменили все мои прежние представления.

Мы стали ходить в церковь, ездить по монастырям, у нас появился духовный отец и духовные наставники из числа духовенства. Со многими монахами и священниками мы подружились на всю жизнь. Ну а потом Господь привел и моего мужа к священству. Все это так или иначе описано в моих книгах – особенно в романе «Тутти» и в повести «Корфу».

В этом же романе и в этой же повести я рассказываю о том, как Господь соединил мою судьбу с судьбой моего мужа. Дело в том, что я за несколько лет и до нашего брака, и даже до нашего знакомства получила извещение, что именно этот человек будет моим мужем.

А мой муж за несколько лет до своего священства, еще когда он об этом и помыслить не смел, получил некое уведомление от архимандрита Геннадия (затем – схиархимандрита Григория), служившего в храме села Покровское Белгородской епархии, что он из молодого человека по имени Володя превратится в иерея Владимира.

Таким образом, мой муж стал священником уже в очень зрелом возрасте, когда он вовсю проявил себя на своем профессиональном поприще литературного критика, журналиста и издателя. А я к тому времени уже была писательница, довольно известная, во всяком случае, мое имя уже успело попасть во всякие литературные энциклопедии, словари и антологии поэзии, не только российские, но и зарубежные. Кроме того, я преподавала литературное мастерство в Литературном институте им. Горького, где вела семинар поэзии.

Наша жизнь всегда была очень насыщенной – работой, заботой о детях, общением с людьми, но когда мой муж стал священником, она стала невероятно богатой трудами в поте лица своего, событиями, человеческими судьбами, с которыми пришлось соприкасаться вплотную. А вот всякими материальными удобствами и развлечениями она сделалась сразу невероятно скудна. Мы жили под Москвой в писательском поселке Переделкино, и мне пришлось послужить моему мужу в качестве шофера – я возила его то на богослужение, то на беседы с прихожанами, которые проводились в храме, то на лекции в Православный университет, где он тогда читал лекции и был деканом факультета церковной

журналистики. Ездила я на машине «Москвич», которая, как ее ни чини, непрестанно ломалась. Это были постоянные приключения – никогда не знаешь, каким образом доберешься до дома – на машине ли, или на буксире. Зимой, когда мы рано-рано утром выезжали на богослужение, машина подчас застревала в глубоком снегу, и отцу Владимиру в рясе приходилось ее толкать. Да и дом наш, ветхий и обшарпанный, никак не был пригоден для зимнего проживания – в нем чуть только мороз, тут же норовили замерзнуть трубы, поэтому их надо было постоянно дополнительными ухищрениями разогревать – я придумала для этого собственное «ноу-хау»: наливала в двухлитровые полиэтиленовые бутылки очень горячей воды, но не кипятка, потому что от кипятка они деформировались, а потом раскладывала эти бутылки по «слабым» участкам труб. Однако вода быстро остывала, и поэтому ее надо было менять не реже, чем через каждые три часа. Кроме того, надо было пускать струйку воды, чтобы не замерз водопровод. То есть это было целое трудоемкое дело – чуть зазеваешься, и трубы замерзли, надо их теперь долго и упорно отогревать «ветерком», феном… Ну и кроме того, в доме было ужасно холодно, несмотря на рефлекторы. Так что жизнь в первые десять лет священства отца Владимира была у нас очень тяжелая, особенно зимой. Я так подробно останавливаюсь на этих, вроде бы мелких, бытовых трудностях, но ведь они – составляют тот фон, на котором происходит и без того очень напряженная жизнь священника, постоянно окруженного людьми, подчас очень проблемными, порой невротичными, с запутанными обстоятельствами, трагическими судьбами, непрестанными скорбями, ужасными болезнями. И от этих людей никуда не уединишься – отец Владимир не мог ни пропустить богослужение, ни «прогулять» дежурство в храме, ни дома выключить телефон даже из-за высокой температуры – так больной и продолжал нести свое иерейское послушание. А однажды, когда некем было его заменить, так даже служил литургию на следующий день после операции, со свежими, еще неснятыми на руке швами.

Что касается меня, то я с юности привыкла ложиться очень поздно, порой под утро, поскольку писала именно по ночам – днем работать мне не давали дети, да и вообще всякие дневные заботы.

А тут пришлось перестраиваться – вставать ни свет ни заря. Но поскольку писать я все равно продолжала, то подчас получалось так: работаю часов до трех ночи, а потом надо вставать в половину шестого утра, садиться за руль и мчать себе по обледенелой дороге на тяжелой неповоротливой и почти не умеющей тормозить машине.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Автомобилизм, собственно, никогда не был моим «увлечением» – в какой-то момент жизни нашей семьи стало необходимым, чтобы я села за руль. Был у меня и такой период – практически весь Великий пост, когда я работала шофером у игуменьи Серафимы (Черной) – настоятельницы Новодевичьего монастыря: она попросила – я согласилась. Вот я и гоняла по делам монастыря с раннего утра до глубокой ночи: тогда монастырю только-только отдали подворье неподалеку от Домодедова, и его надо было использовать как подсобное хозяйство. Я возила туда и обратно матушку-игуменью, священников, послушниц, а также всякую живность – гусей, коз, которых жертвовали благочестивые миряне.

Но вообще, что касается автомобиля, то в условиях мегаполиса, когда на поезде легче доехать из Москвы в Петербург, чем добраться от одного конца города до другого, автомобиль стал необходимостью, особенно при наличии большой семьи. Все мои дети теперь тоже водят машину: ездят на работу, возят своих детей. А что касается меня, то мне почему-то всегда «мужские» занятия удавались лучше, чем женские, и устройство машины мне понятнее и интереснее, чем, скажем, выкройка, узор для вышивания или какой-нибудь тип вязания. Ну что ж, оказалось, что именно такое устроение больше подходит именно к моей жизни. А может быть, это какие-то издержки моей профессии – несомненно, скорее мужской, чем женской.



Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая всю эту жизнь, с ее бурными обстоятельствами, искушениями, трудами, бременами, я порой не верю, что мы это могли преодолеть. Что касается меня, то я не могу понять, как практически можно было при таком образе жизни, при скорбях, которые всегда выпадают на долю священников и его семьи, в гуще людей с их психологическими особенностями и проблемами не только растить детей и читать лекции, но и писать книги. Конечно, без помощи Божьей – и явной, и прикровенной – это было бы никак не возможно. Тем более что мой духовник – и до священства моего мужа и уже после принятия им сана – неизменно благословлял и даже вдохновлял меня на писательские труды.

Ну а с другой стороны, конечно, если бы мой муж стал священником еще в совсем молодом возрасте, сразу после нашего венчания, и не нависала бы над нами тень нашей писательской профессии, которая оказалась востребованной и в лоне Церкви, то наша жизнь, быть может, была бы более похожа на жизнь священнической семьи: батюшка бы служил в храме, вел духовную работу с прихожанами, а матушка просто растила бы детей и держала двери своего дома распахнутыми, потчуя духовных чад мужа и пирогами, и блинами, и борщами, и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

картошечкой с соленым огурчиком. Я знаю такие семьи священников, и сердце всегда радуется возле них.

Дети всегда участвовали в нашей жизни – они дружили с нашими друзьями, с некоторыми из них с раннего детства, и до сей поры они на «ты». Поскольку к нам приезжало много дружественных монахов, а как известно, нет людей более чистосердечных, радостных и мудрых, чем монахи, дети никогда не чувствовали себя обделенными радостями жизни – им было интересно слушать удивительные истории о том, на какие каверзы пускается лукавый, чтобы искусить и навредить христианину, и о том, как Господь помогает каждому человеку, спасая его от беды, предупреждая и увещевая, удивляя и утешая. Порой они воочию могли убедиться, что Господь наш бесконечно любит нас, заботится, как милостивый Отец, знает тайные помышления нашего сердца, как истинный Сердцеведец, что Он действительно еще на нашем веку и на наших глазах «возводит низверженного» и «возносит смиренного», а «богатящегося» отпускает ни с чем. Очень важно научить ребенка видеть связь греха с его тяжелейшими последствиями, а также с неизбежным возмездием за этот грех. И все это так. Но еще важнее явить ему, что суть подлинных отношений с Богом – в нашей любви и нашей свободе. «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдете», – говорит Своим ученикам Сам Господь. Так вот – поставить любовь к Господу главной мотивировкой к исполнению закона есть, может быть, самое существенное в наших отношениях и с Богом, и с миром, и самими собой.

И если ребенка наставлять в Законе Божьем, то непременно нужно делать это в процессе живой жизни – прежде всего учить его отыскивать следы Промысла Божьего, свидетельства Божьего попечения о нас. Тогда и будет преодолен разрыв между теоретическим научением и практическим существованием дитяти в мире, тогда он и не будет себя ощущать в некоем «православном гетто», выйдя из которого ребенок рискует обнаружить себя в чужом враждебном стане и накопить в себе агрессию против него: Господь равно дождит на злых и добрых, солнце сияет и праведникам и нечестивцам. Верующие родители имеют власть вручить своим детям ключ живой веры, которым отпираются запертые двери жизни, но такой способ понимания мира возможно передать лишь личным примером.

Потом дети вырастают, и оказывается, что они хотят жить собственной жизнью: они забывают какие-то практические вещи, которым ты их учил, они выбирают себе не ту профессию, которую ты бы хотел для них, но у них остается самое главное – это навык пытаться интерпретировать события своей жизни в свете Промысла Божьего. Лишь тогда жизнь становится путем самопознания и

Богопознания – послушание и дерзновение, чувство личной ответственности и уверенность, что судьба твоя находится в крепких руках Промыслителя.

Конечно, все мои дети ходили и в воскресную школу, и в православную гимназию, но главное религиозное воспитание они получали и дома, и в храме, и в монастыре, куда ездили на каникулы на послушание, то есть в течение самой их жизни.

А что касается отношений родителей со своими взрослыми детьми, то тут очень важно, с одной стороны, не стремиться к тому, чтобы втянуть детей в собственную жизнь и растворить их в ней, а с другой стороны, при всем своем участии, сострадании и реальной помощи не пытаться самим жить за них, жить вместо них.

Сейчас наши с отцом Владимиром дети уже взрослые. Старшая – Александрина – преподает в лицее, пишет сценарии для телеканала «Культура», печатается как литературовед в толстых журналах и сотрудничает с православными изданиями как журналист. Сын Николай – уже диакон, у него есть своя фирма под названием «Тектон», занимающаяся строительством деревянных храмов по старинным технологиям – без гвоздей. Младшая дочь Анастасия – студентка Литературного института им. Горького. Помимо того, что она студентка, она еще и макетирует книги.

У каждого из них уже есть свои дети: всего – восемь. Так что дети наши унаследовали от нас представление о жизни как череде подвигов и трудов, но ведь если ты любишь дело, которым занимаешься, то оно оборачивается для тебя праздником.

До 1988 года я писала исключительно стихи. Но потом я почувствовала, что не все может быть выражено этим видом литературы. И я написала свой первый роман. В начале 90-х, когда произошел государственный, общественный и культурный слом и наступило «время публицистики», я стала писать эссе параллельно со стихами и прозой. Мне кажется, что такая «смена языков» очень полезна для писателя, ставя перед ним каждый раз новые художественные и интеллектуальные задачи и не позволяя окостеневать в ранее освоенных границах.

В 2008–2009 годах я вела на телеканале «Спас» по очереди с Дмитрием Дибровым телепередачу «Основы православной культуры», главная задача которой была просветительская. Совместно с приглашенным гостем программы мы пытались донести до наших телезрителей и вероучительные истины Православия, и основы экклесиологии, и этапы истории Церкви, а при этом

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

обсудить церковные проблемы в контексте современной жизни… За годы атеистической пропаганды вокруг Православия наросло огромное количество превратных представлений. Это и заведомо ложные, и просто искаженные суждения. Моя цель была в том, чтобы попытаться кое-какие мифы развенчать, кое-какие языческие взгляды разоблачить, кое-какие наветы упразднить и хотя бы отчасти через гостей, которых я приглашаю на передачу, дать образ Православия как религии любви и радости, творчества и свободы.

А в 2009 году я написала сценарий по своей повести «Куке из рода Серафимов», который был куплен для кинопостановки. Теперь, когда у меня есть хоть какой-то опыт в этом деле, мне хочется написать драму. Тем более что жизнь подкидывает так много сюжетов и посылает таких удивительных людей, которые вполне могли бы стать литературными персонажами.

Ольга Ганаба



Протоиерей Александр Ганаба (р. 1956) – секретарь Московского Епархиального управления, настоятель Троицкого собора г. Подольска, ректор воскресной школы при Троицком соборе г. Подольска.

Ольга Ганаба (р. 1954) – переводчик. Закончила Институт иностранных языков имени М. Тореза (теперь МГЛУ), много лет работала в Отделе внешних церковных связей. Проректор воскресной школы при Троицком соборе г. Подольска. Вырастила четверых детей.

Слово благодарности

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Прежде всего мне хотелось бы сказать о родителях. Когда я соглашалась на интервью, я подумала, ну что такого особенного в нашей семье, да, конечно, семья священническая, традиционная, династия. Когда я прихожу в наш приходской храм и вижу четыре поколения нашей семьи в алтаре за службой (отец моего мужа протодиакон, муж и дети у престола, внуки прислуживают, подают кадило, выходят со свечами), дочь – на клиросе, меня охватывает трепет и огромная благодарность Богу, я сама порой не верю, как это со мной так произошло, что у меня такая семья. Но надо понимать, что мы не были бы такими, какие мы есть, без наших родителей, без неустанной молитвы наших бабушек и дедушек. Им мы обязаны всем. Им, этому поколению родившихся в конце 1920-х годов, людям, детство которых пришлось на суровые тридцатые и военные сороковые, а молодость, взросление и становление характеров – на хрущевские годы, когда всей стране обещали показать последнего попа. Да, в этой среде нет мучеников и исповедников (или они пока еще не явлены!), – потому очень часто людям с неофитским пылом в крови кажется – ну что такого особенного они сделали? Есть даже те, кто дерзает обвинять то поколение в соглашательстве и конформизме, а то и в прямом предательстве Церкви… А на самом деле они долгие годы без видимых миру страданий, в ежедневном служении несли на своих плечах Церковь и просто жили по-христиански в атеистическом окружении. А еще они умели молиться по-настоящему, как мало кто из нас умеет молиться. Они были глубоко укоренены в церковной жизни, поскольку церковный богослужебный круг определял весь строй их жизни. Как мне кажется, они имели подлинное богообщение, о котором мы сейчас и понятия не имеем! И все, что сейчас у нас есть: храмы, воскресные школы, социальные диаконические центры – все заложено их трудами, их молитвами, их чаяниями. Это поколение тех людей, кто были учениками, друзьями, детьми и духовными чадами тех великих и святых людей, кого мы почитаем сейчас как новомучеников и исповедников Церкви прошлого века. Они положили основание всему тому, что мы имеем сейчас в наших приходах и общинах. Наша обязанность, наш долг воздать слово благодарности нашим родителям, сказать им наше спасибо, пока они еще живы, пока они с нами.

Мой отец, Василий Михайлович Лебедев, – священник, а затем – архиерей, епископ. Сейчас ему пошел 83-й год. Со своей последней кафедры (архиепископа Брянского и Севского) он ушел на покой уже очень больным человеком, перенеся не один инфаркт и несколько инсультов. Практически был недвижим и не говорил. Но мы не теряли надежды поставить его на ноги. Когда близкий вам человек впадает в такое состояние, вы понимаете, что он может уйти, а вы не расспросили его о самом важном – о его жизни! И вы со страхом чувствуете, что время упущено… Ведь когда ваш отец монах, а затем архиерей, он не принадлежит вам, как принадлежат обычно отцы детям, его жизнь была

отдана Церкви, епархии, служению. Ухаживая за ним, я поняла, как драгоценно наше общение с близкими, которое мы зачастую воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Мы с отцом очень много разговаривали, когда он стал восстанавливаться… Как ни странно, он не вспоминал ни заграничные поездки, ни какие-то блестящие моменты своей карьеры, а больше всего – свое детство. Нищее детство, в нужде, во время социальных перемен.

Он родился на стыке Московской, Владимирской и Рязанской областей в маленькой деревне Ново-Черкасово. Сейчас это Шатурский район Московской области. Его отец и дед из поколения в поколение занимались плотничеством. Когда же после гражданской войны всех загоняли в колхозы, они остались единоличниками. В результате семья была обложена огромным налогом, платить который они не могли. Так они оказались вне общества. В конце 1920-х – начале 1930-х шло большое строительство, нужны были плотники, его отец, и мой дедушка, работал в плотницкой артели в Москве. А когда ненадолго возвращался домой, вынужден был скрываться от местных властей. В доме была нищета страшная, и Прасковья Викторовна, так звали маму моего отца, весь груз семейного хозяйства, детей, везла на себе. А семья была большая – 11 человек, половина детей умерли от голода и болезней. Отец рассказывал: когда приходили собирать налоги, входят в дом – а в доме ничего нет, только чугунок каши в печи. Мама пытается спрятать чугунок, говорит – это детям, они голодные, но пришедшие обыскивают дом, находят только этот чугунок и уносят.

И прадед, и дед всегда были близки к Церкви, в детские годы моего отца дед был даже церковным старостой. Так что любовь к Церкви в этой большой семье была укорененной, глубокой, можно сказать – в крови. В семье читали церковнославянские книги, богослужебные, Псалтирь, Библию, жития святых, дети очень рано начинали прислуживать в храме.

Ближайший храм в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы был в селе Шеино в полутора-двух километрах от Ново-Черкасова. Отец вспоминает, что высшей радостью для него было прислуживать в алтаре. Первые два года школьного возраста он в школу не ходил, как папа сам говорил, не в чем было, да и помощь нужна была дома. Он очень рано научился читать и, конечно, не по советским букварям и азбукам. Пел на клиросе. Вот это он вспоминает как самую большую радость и основное наполнение жизни. Настоятель Казанской церкви, протоиерей Николай Постников в 1930-е годы был арестован. Отцу было 10 лет, и он помнит, как за батюшкой приехали. Это была осень, сентябрь или октябрь, тот вышел в одном подрясничке, ему не дали одеться, посадили в телегу, и матушка его бежала, бежала босиком по этой слякоти, потому что не

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

было возможности им проститься. Больше его никто не увидел, и только потом стало известно, что уже в ноябре отца Николая расстреляли на Бутовском полигоне. Он прославлен теперь в лике новомучеников.

Когда Казанский храм закрыли, до следующего нужно было идти уже километров десять, да по бездорожью. А как не идти! Храм – центр жизни, а все остальное вторично. И вот они ходили в село Прудки Спас-Клепиковского района Рязанской области в церковь Рождества Пресвятой Богородицы, и до сих пор на столе у отца стоит фотография настоятеля этого храма, отца Василия Ушморова. Он очень почитает его как своего первого наставника. Потом и этот храм тоже был закрыт и разрушен. А когда отец Василий был выслан, то Лебедевы стали ходить еще дальше, в село Великодворье, которое все называли просто Пятница, потому что там была церковь Параскевы Пятницы. Так и ходили почти за 30 километров с хвостиком: сначала до озера, потом на лодке на другой берег, мимо нескольких деревенек, да через лес. И там мой отец встретил удивительного человека. Это был священоисповедник протоиерей Петр Чельцов. Священник того поколения, которое соединяет нас с претерпевшими в 1930-е годы мученическую кончину. Он умер в 1972 году, а родился в 1888-м. Почти сто лет прожил и служил до последнего дня. Арестовывали его шесть раз. Если посмотреть следственное дело отца Петра, поражаешься, как такое вообще можно выдержать: арест, тюрьма, возвращение, арест, ссылка на Соловки, возвращение, опять арест, Владимирская пересылка, снова возвращение, снова арест, снова ссылка… И для многих и многих молодых людей за долгие годы своего служения отец Петр стал духовным руководителем и образцом жизни во Христе. Теперь он прославлен в лике новомучеников и молится за всех своих духовных чад. К отцу Петру Чельцову приезжали для беседы многие, в том числе и будущий митрополит Никодим (Ротов) и будущий архимандрит Авель (Македонов), и мой отец. Молодые как бы грелись вокруг отца Петра. Он их питал своей духовной энергией. Из этого кружка выросла крепкая дружба на всю жизнь. В жизни этих трех человек я вижу три важнейших вида церковного служения: отношения с государством, созерцательная молитва, приходская жизнь. Владыка Никодим станет крупным церковно-политическим деятелем. Отец Авель – будущий игумен афонского Пантелеимонова монастыря, затем архимандрит и наместник возрожденного Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью. И приходской священник Василий Лебедев, который тогда и не думал, что ему уготовано быть епископом. Это то поколение, которому мы за многое должны быть благодарны. В них жило ощущение, что в Церкви много порушено и нужно вывести ее из этого состояния.

Отец Петр очень во многом помогал моему отцу, даже одеждой, – первый подрясник отца был подарен ему батюшкой Петром. Матушка Мария, супруга отца Петра, всегда старалась подкормить молодежь, которая наполняла дом, несмотря на очень и очень скромные условия, в которых они жили. А как они радовались успехам молодого отца Василия! Когда он закончил академию, написал кандидатку и получил право носить академический крест у ворота рясы, матушка Мария, называвшая своего супруга «папой», говорила с гордостью: «Мой папа ученый, а теперь и ты (Василий) ученый!»

В конце войны отец работал на заводе учеником слесаря. А когда война закончилась и на территории Новодевичьего монастыря открылись богословские курсы, позже преобразованные в семинарию, поступил учиться, а в 1950-м уже был рукоположен во священника.

Новой стезей

У моего отца в жизни все сложно получилось. Он был приходским священником и женатым. После семинарии получил назначение в Преображенский храм села Бесово Московской области. Потом был переведен, и я родилась уже в селе Туголес Шатурского района. Я отца всегда воспринимала как строителя (все-таки в роду плотники, строители). Вот он пришел в Преображенский храм. Все было в запустении. Крыша рушится, он идет к властям просить железа. Ан нет, отказ. И исхитриться в те времена добыть железа для крыши, краску, штукатурку, это нужно было уметь! Я не знаю, как он это делал. Видимо, просто благодаря огромной вере в то, что когда очень надо и очень хочется, Бог Сам посылает людей, дает помощь. И отец всегда строил, строил, строил. И если видел, что в храме что-то не так, что нужно делать какой-то ремонт – он действовал. Для него это было совершенно однозначно. Но на первом месте для него всегда было служение, молитва. Он был действительно из тех священников, в молитву которого люди верили настолько, что и взаправду брали зонтик, идя молиться о безведрии. В 1955 году его перевели в село Молоди Чеховского района, и там он тоже занимался и благоустроенней храма, и строительством общины.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)



До революции сельский священник, получая назначение на приход, получал вместе с ним и какой-то земельный надел, но в моем церковном детстве такого уже не было. Не было у священника возможности иметь собственное хозяйство. И потому село Молоди я не воспринимала как село, у нас не было какого-то крестьянского образа жизни вроде обработки огородов или ухода за скотом. Хотя, кажется, были куры… Мы жили в доме при церкви. И этот дом стал настоящим центром приходской жизни. Отец – тогда совсем молодой, 28 лет, он всегда был очень искренним и жизнерадостным человеком, по характеру веселым и легким в общении. Когда он, совершая службу, выходил проповедовать, то говорил легко и доступно для всех. Со слезами говорил, потому что не мог без сердечного волнения рассказывать о евангельских истинах. Так живо все проходило через его сердце, что слушатели плакали. А как закончится служба – тут и самовар в доме, и беседы. У него был такой удивительный дар – притягивать к себе людей… Я знаю, люди приезжали на электричках из разных мест, и свои местные, конечно, ходили. Почему-то я очень ярко помню мое детство конца 1950-х: в доме всегда гости, какие-то веселые молодежные компании. Зимой прихожане отправлялись на лыжные прогулки, батюшка – впереди, весной – за березовым соком, летом, осенью – по грибы, вернутся – чай, самовар с шишками. В длинные теплые летние вечера самовар ставили на улице, в ограде храма, сидели подолгу, говорили и пели. Ах как пели! Духовные песнопения, канты, народные протяжные песни. У моего крестного – регента нашего хора, который так и жил при храме, в комнатке под колокольней, – был удивительный голос, он мог петь любую партию в хоре –

басовую, теноровую, альт, – и он умел организовать хор, спевки. И всех своих хористок он называл «девочками». А девочки некоторые были уже с седенькими волосиками.

А вот еще воспоминание из детства: отец занят, работает в кабинете – заходить, мешать нельзя. В кабинете все стены заняты высокими под потолок шкафами с книгами, и среди них моя любимая, которую разрешалось открывать только за очень хорошее поведение (и значит, очень редко!) – толстенная Библия в старинном переплете, с гравюрами почти на каждой странице. Каждая гравюра проложена листами папиросной бумаги. Непередаваемое ощущение, когда тебе разрешают открыть эту книгу, осторожно приподнять листок папиросной бумаги и увидеть эту красоту, а тебе поясняют – вот это Моисей со скрижалями, от его лица идет свет! В кабинете огромный письменный стол, на столе непременно пишущая машинка, отец быстро-быстро печатает двумя пальцами. Уже став взрослой, я узнаю, что он составляет службы некоторым святым, пишет акафисты. Перепечатывает богослужебные книги для клироса, составляет толкования к уставу, создает удобный для пользования типикон…

Я помню храм, всегда полный прихожан, красивое пение за службой, очень красивое убранство внутри. К 1961 году, когда нашу молодинскую церковь закрыли, в ней только-только обновили живопись, позолотили иконостасы. Там была дивная роспись, редкая по качеству для деревенского храма. И во мне сохранилось детское впечатление навсегда: храм – это красота невозможная! Когда местные старушки узнали, что храм будет закрыт, они там заперлись изнутри, а милиционеры или дружинники

их выгоняли, буквально вышвыривали из храма. Потом в нашей церкви открыли клуб – танцы, кино, дискотеки, но, надо заметить, местные жители туда не ходили. И тогда власти привозили народ откуда-то специально. А в нашем церковном доме устроили медпункт и библиотеку. (Сейчас храм в Молодях снова открыт, спустя ровно 30 лет после его закрытия, в 1991 году в нем начал служить мой брат, священник Константин Лебедев. Когда вся наша семья пришла на первую службу молодинские жители со слезами обнимали нас и говорили: «Мы помним вас маленьких, мы помним нашего батюшку, отца Василия».)

А мы после закрытия храма ездили в Лавру, в Сергиев Посад, тогдашний Загорск. Потом купили там домик и переехали. Отец тогда сказал: «Тут комнатка будет для меня». Но так не получилось. В 1961 году с закрытием храма и наша семья разрушилась… Мама с нами, детьми, переехала в Климовск, а отец принял монашество и был назначен, кажется, в Орехово-Зуево.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Начинался новый период его жизни – архиерейский. Много позже мне рассказывали, что когда отец, уже владыка Мелхиседек, был на Венской и Австрийской кафедре, из его архиерейских покоев с раннего утра доносилось пение. Нельзя сказать, что у него был какой-то особый голос или он был очень одарен музыкально. Но не петь он не мог, потому что лучшее для него было – петь службу, или петь молитвы на гласы, или акафисты на распев. Отец говорил, например, что если ирмосы читают, то лучше их опускать. И конечно, много было искушений для людей, потому что утром час поет, два поет. Пока не споет всю утреню. А потом только спускался в приемную.

А моя мама, оставшись одна с четырьмя детьми, начала учиться. С четырьмя детьми она смогла сделать из себя инженера-технолога, получив соответствующее образование. Конечно, ей было очень тяжело. Да к тому же к нам без конца ходили какие-то тетеньки из учреждений – ну как же! поповская семья распалась! – и предлагали детей куда-то отправить, в интернат, в детский дом. Это была особенность советской системы: в деле разложения Церкви не на последнем месте стояло и разрушение семей. Потому что разрушение Церкви – это не только закрыть храм, не только оклеветать священника, не только задавить его налогами, 90-процентными, заметьте! – но и нарушить мир в семье. Многие матушки поколения моих родителей скажут, что их семьи старались разрушить. Поэтому не все семьи хорошо жили в эти 1960-е годы. Но мама нас не отдала, всех поставила на ноги и не позволила исчезнуть их наших детских сердец образу отца-священника. Праздником для нас бывало быть в Лавре, у преподобного Сергия, или на каникулах в родственных семьях священников, старшего брата владыки, отца Алексия, и отца Виктора, мужа его сестры, которые служили в деревенских храмах в Подмосковье.

О простой непростой любви

Господь соединяет людей разными путями. Когда мы познакомились с моим будущим мужем, мы нашли друг в друге очень много общего. Он тоже из семьи простой, крестьянской, раскулаченной до последней нищеты. Его дедушка был настоящий справный крестьянин, украинец. Жили они в с. Белополе Шепетовского района Хмельницкой области. Семья была доведена до крайней бедности. И его дедушка всегда был церковным старостой, но в их селе храм не закрывался. И таким же, как и в семье моей бабушки, было отношение к церкви как к центру жизни, и к праздникам церковным. Моя бабушка, Прасковья Викторовна, из рода Акимовых. Они были очень строгие, очень истовые верующие. Тогда даже было такое понятие – церковники. Неукоснительно соблюдали посты, неукоснительно чтили праздники. Некоторые семьи, церковные, православные, считают, что праздник важно чтить, посещая храм,

литургию. Но при этом дом может быть запущенным, неопрятным, а дети – неухоженными. Вот этого не было в семье моей бабушки. Там было, что называется, бедно, но чисто. К празднику ты должен был приготовиться полностью. Умри, но дом перед праздником должен быть намыт-начищен до блеска. Такая строгость была.

Отец Владимир Ганаба, папа моего мужа, после окончания питерской академии познакомился с моим отцом, тогда уже епископом Пензенским и Саранским, и был приглашен служить диаконом у него в Пензе. Он закончил в свое время семинарию в Одессе, но очень хотел учиться дальше. Я всегда замечала, что тяга церковных людей к образованию просто удивительна. Видимо, когда человек вступает на тропу духовного просвещения, он должен постоянно двигаться вперед, ведь если останавливаешься, то откатываешься назад. После службы в армии у отца Владимира было сильное заикание, однако в храме, когда он дивным малороссийским голосом произносил ектинии, пел или читал канон, – оно проходило. И служит он по сей день потрясающе, каждую службу как последнюю. Как и мой отец. Эта их общая любовь к храму, к богослужению стала основой для крепкой дружбы. Я часто навещала отца, с юности знала семью отца протодиакона. И подружилась с его старшим сыном Сашей – моим будущим мужем.

Когда мой будущий супруг закончил школу, ему грозила армия, как многим мальчикам призывного возраста, у него не было зазора даже в месяц, чтобы успеть поступить учиться в семинарию. Но у него в военкомате была знакомая девушка, которая переложила его карточку в другую стопку, чтобы он попадал в осенний призыв и за это время успел поступить в Ленинградскую семинарию. Он дружил с моими старшими братьями и часто приходил к отцу для беседы. Отец даже разрешил ему брать книги из своей библиотеки. А отец любил и собирал книги. Одно время он покупал все, что выпускал Издательский отдел Патриархии. И неважно, было у него уже старинное издание той же книги или нет. Это была новая огромная радость – легально прийти в церковный магазин и купить церковную книгу. Никогда прежде не было у наших родителей этой радости. И можно было эти книги не прятать! Но это было много позже. А в 1970-е годы хорошие богословские и святоотеческие книги были недоступны, особенно для молодежи. Так вот Саша благодаря отцу имел возможность читать духовную литературу, и неудивительно, что он легко поступил сразу во второй класс семинарии. Год проучился, и его забрали в армию. Вернулся из армии и поступил уже в академию, экстерном сдав экзамены за семинарский курс. Мои братья (самый старший поступил в семинарию, а второй в МИСИ), они, конечно, больше с Сашей общались. У меня же был прицел на учебу: я прекрасно понимала, что мне в жизни нужно. Поступила в иняз, (сейчас это

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Московский государственный лингвистический университет), а потом – переводчиком на завод. Технический перевод у меня был с немецкого, с английского и чуть-чуть с французского. Заканчивала институт, когда смертельно заболела мама. Было трудно. В один год все соединилось-смешалось: мамина смерть, неожиданное для меня ухаживание, последний курс, диплом, работа. И свадьба! Муж учился в Ленинградской Духовной Академии, в Ленинграде мы родили нашего старшего сына, живя на квартире, на дьяконскую зарплату, на мои переводы. Я работала, ездила в командировки, на шестом месяце беременности бегала на шпильках. А затем вернулись в Москву, когда стало ясно, что за первым сыном вслед ждем второго – ведь дома и стены помогают. И пришлось моему супругу оставить свой любимый Питер и переводиться в Московскую епархию!

Первый храм моего мужа в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы был в селе Маврино на самой границе Московской и Владимирской областей. Жилых домов там было всего три, и добираться было очень сложно: электричка, автобус и два часа пешком через лес и поле. Народа, прихожан, практически не было, несколько бабушек из окрестных деревень, и все. Но уже на первое Рождество появилась в храме молодежь, стали приезжать люди, которым в Москве было сложно ходить в храм, потому что все отслеживалось. А тут батюшка молодой и есть о чем поговорить. Жить там было с непривычки сложно – бревенчатый церковный дом, печное отопление, вода в колодце, удобства на дворе. И в этот церковный дом к воскресной службе в пятницу вечером приходили бабушки из окрестных сел и деревень. Придут, протопят дом, протопят храм. К субботе приезжает батюшка и служит. А если служб несколько, как Великим постом или на Светлой, то батюшка приезжает и остается там на столько дней, на сколько надо. Неделями я оставалась дома одна, с маленькими детьми. Например, на Пасху, на третий день, супруг приезжает, мы вместе разговляемся, и все вместе с детьми едем в храм, чтобы причаститься мне и детей причастить.

Этот период был непростым, – дети рождались один за одним. В 1979-м – Кирилл, в 1980-м – Марк, через два года – Никита, потом дочка. В семье моего мужа была традиция: старший сын всегда получал имя Александр или Владимир. И мне свекор, когда я родила третьего сына и назвала его Никитой, сказал: «Я думал, что хотя бы одного сына Владимиром назовете!» Мне стало так стыдно. А еще я поняла, как внимателен был ко мне мой супруг, даже в таком деле, как наречение имени детям-мальчикам, он оставлял за мной последнее слово!

Работать приходилось очень много: в 1977 году меня приняли в Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии. Я работала сначала переводчиком, затем референтом. Сил у меня тогда было много и жизнь не воспринималась как трудная. Тяжелее, может быть, для меня были хозяйственные мелочи: наступала медленно и неотвратимо перестройка, когда не просто пошел в магазин и купил, а нужно было отстоять безумную очередь, найти какие-то продукты, приготовить на всю большую семью. Вскоре Александра перевели поближе к Москве, он стал настоятелем Никольской церкви Лосино-Петровска Щелковского района Московской области.

Любой женщине, и матушке, конечно, может быть и хотелось бы, знаете, чтобы муж, как слесарь на заводе, отработал смену и домой, к жене и детям. А тут – вся жизнь в храме и весь ритм жизни определяется богослужебным календарем. И это как раз то, что роднит семью мужа и мою: вся жизнь – это Церковь, служение Церкви. Остальное второстепенно. Так и жили – батюшка уезжает перед Вербным воскресеньем и приезжает на Светлой – пока дети не подросли.

Потом батюшку перевели в Люберцы, это еще поближе к дому, а жили мы тогда в Щербинке. Это город молодой, и храмов там никогда не было. Потом уже заботами местных верующих был построен сначала маленький, деревянный, а затем трудами о. Александра побольше и из кирпича храм во имя св. преподобномученицы великой княгини Елизаветы.

Работать я ездила в Москву. Сейчас, думаю, я бы так не смогла. А тогда могла приехать с работы, пообщаться с детьми, накормить мужа, убрать дом, переделать множество других домашних дел. Школа была рядом. Утром детей в школу и – на работу. Три года отец Александр служил в люберецком Троицком храме, а потом его перевели в собор в Подольск, это уже совсем рядом, счастье!

Дети и домашние заботы

Еще в самом начале я сказала себе, что мои дети не будут ходить в садик и никогда не будут оставаться одни, что бы там ни было. Но мне хотелось и работать, я не могла себе представить, что буду заниматься только семьей. Слава Богу, у меня всегда были помощницы из прихода. Приходили бабушки и говорили: «Батюшка, можно я вам помогу?» Одна из таких женщин, наша няня, у нас живет уже 25 лет.

С мальчишками мне более-менее было все ясно. Они всегда были в алтаре, с отцом, прислуживали за богослужением. Когда были маленькими, спросишь, бывало, кем хотите быть? Все хотели стать архиереями. Один даже митрополитом. Для меня само собой разумелось, что дети из священнической

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

семьи рано или поздно идут в семинарию, продолжают династию. Тем более к храму они тянулись с младенчества.

Конечно, пока ребенок маленький, ему в храме трудно выстаивать всю службу. Когда я и мои братья были маленькими, бабушка приводила нас в храм только поближе к причастию. Но своих детей я приводила на полную литургию, когда у меня появлялась возможность прийти в храм. В Маврино или в Лосино-Петровск мы выезжали накануне, чтобы уже с утра быть на службе, а в Люберцы или в Подольск приезжали все вместе с утра, так что дети вместе с нами весь воскресный или праздничный день проводили на приходе, в храме.

Психология маленького человека такова, что он видит только на метр-полтора, все, что там дальше, – это уже фон и не захватывает внимания. Ребенку интересно только то, что близко. Даже если стоишь впереди, у самого алтаря, – перед глазами у ребенка ничего нет. И поэтому деткам может быть скучно. Когда в Подольске мы открыли в 1991 году воскресную школу, то сразу было введено послушание на клиросе для девочек и алтарное для мальчиков. Вот, бывает, некоторые зашли в алтарь и вышли. Не затронуло. Пришел, как положено по графику, отбыл послушание. А некоторые всей душой сразу прикипают. И уже им без алтаря ничего не интересно. Так было у наших мальчиков. Когда они подросли, стали подростками, их взяли в иподьяконы в штат митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Утром вставать надо

было часов в 5, чтобы поспеть к службе или к послушаниям. И ставятся сразу акценты: Церковь, иподиаконство – это важно, это на первом месте. А как же школа, учеба, уроки? Все надо было успевать. И здесь многое зависит от самодисциплины, умения организовать свое время. Уметь ладить со школьными учителями. Многие учителя шли навстречу моим мальчикам, прощая им пропуски уроков в дни церковных праздников. Я со своей стороны также старалась поддерживать хорошие отношения со школой. У одного из сыновей была проблема: уже несколько лет он был иподиаконом, а в школе у него очень хорошо шла математика. Так вот директор школы все возмущался: «Что же это вы: у мальчика такие мозги, а вы его куда-то там в священники!» Конечно, если бы я видела, что у детей другие наклонности, как, например, рисовать или заниматься той же математикой, языками, мы бы никогда не препятствовали этому. Но вопрос о том, чтобы поступать куда-то еще кроме семинарии даже не возникал. Так что путь в семинарию был вполне естественным.

В подростковом возрасте у моих детей не было какого-то бурного протеста или перелома, какой иногда бывает у церковных детей. Не было такого, чтобы храм надоел. Хотя внутренне я к этому готовилась. Потому что прекрасно помню, как

у меня в возрасте 17 лет был непродолжительный кризис отношения к Церкви, своего рода приступ юношеского критицизма: мне было интересно знать, для чего все это. Но рациональное – почему именно так, а не иначе – быстро уходило на задний план, потому что мне всегда нравилась красота церкви, богослужений. Нравилось ощущать себя в Церкви. Правда, в юности службы казались слишком длинными. А потом, буквально через несколько лет (может, из-за того, что супруг служил далеко и не всегда была возможность посещать службу), вдруг заметила, что они не такие уж и длинные и не успеешь насладиться-напитаться этой красотой, как уже и отпуст. Может, потому, что все вокруг – и братья мои – священники, и отец, любили, чтобы служба была размеренной, красивой.

Я не думаю, что как-то специально это передавала детям. Я никогда не говорила им: «Вот дети, вы должны быть благочестивыми». Они же дети. Они видят, как живет отец. Как планирует свою неделю, день. Нет никаких особых секретов, разве только то, семья всегда жила в ритме церковной богослужебной жизни, по церковному календарю, с его праздниками и постами, с молитвами утренними и вечерними, с беседами за вечерним чаем. Они просто смотрели, как мы живем и научались. Правда, один раз меня старший сын спросил: «Мам, а почему вы с папой не ругаетесь, а говорите на такие темы?» А мы обсуждали всегда и церковную жизнь, и культурную, и общественную, что мы увидели, что прочли. Но не быт, в том смысле, кому мыть посуду. Быт – это только как оболочка, шелуха. Вы же не будете серьезно относиться к шелухе! Сына это поразило, видимо, он провел сравнение с семьями своих друзей, не знаю.

Ребенку должно быть хорошо в семье, в доме. Должно быть уютно. Должно быть чисто. Что для детей важно – дома должна быть приготовлена еда. Чтобы можно было быстро накормить детей, когда вы только-только вернулись из школы ли, с каких-то занятий или из храма. Я довольно скоро поняла, что у меня нет ощущения праздника и я не могу спокойно быть на службе в церкви, если дома не прибрано или не приготовлено. Более того, в праздник должен быть хороший праздничный обед. Это как закон.

Дети должны знать, что дом – это то место, где не предадут, где всегда будут любить, где о них позаботятся. Я никогда не стеснялась пойти в школу, если нужно было что-то выяснить, потому что дети должны видеть: дома тебя не выдадут, будут защищать. Да у тебя могут быть ошибки, если ты сделал что-то плохое, тебя отругают, может быть, и накажут, но и поймут, потому что – любят. Это твоя база. Это должно быть безусловно ясно детям. Тогда дети будут любить дом, и им будет дома хорошо. Но они должны также знать, что основная жизнь там – за стенами дома. И они учатся для того, чтобы потом что-то делать

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

в жизни. Когда я перестала успевать совмещать заботу о доме и семье с работой, пришлось уйти с работы, хотя это был очень болезненный выбор. Я любила свой отдел, свою работу. У меня были очень интересные командировки: к примеру, в Женеву на конференцию, из Женевы в Германию, на другой форум. Из Германии в Индию. Хорошо? Не очень. Потому что мама вычеркнула месяц из жизни семьи. И я поняла, что не имею права упустить детей и дом – я должна быть с ними. Подрастала дочь, было важно помочь ей определиться в жизни, найти свой путь. Ее жизнь с младенчества, можно сказать, протекала на клиросе, совсем ребенком еще она начала петь в церковном хоре, сначала в детском, потом в профессиональном, уже став студенткой музыкального училища, а затем Академии им. Гнесиных.

А внуки?! У нас сейчас большая радость: старшие внуки пошли в школу. Мы все очень волновались, ведь все они такие разные. Как пойдет учеба, как сложатся отношения в школе? Все это вызывает заботу. У второго сына два очень разных мальчика. Один – очень целенаправленный. Если берется рисовать, то уж будет рисовать. Берется строить, будет целенаправленно строить. Он может сосредоточиться на каком-то деле. Ему легко и учиться. А другой – фантазер и мечтатель! Типичная творческая натура, с которой сложно. Когда садимся делать уроки, приходит младший и готов сейчас же за старшего все сделать. А мне нужно, чтобы мальчик сам сконцентрировался. Наконец, он собрался, но столько времени на это потратил, что ему уже скучно. Приучить такую натуру к самодисциплине непросто. И современная педагогика иной раз здесь не помогает. Я с умилением вспоминаю, как нас учили: сначала чистописание, от крючочка к букве, от буквы к слогу, от слога к слову. Так ребенок постепенно входил в учебу. Сначала создавалась база, навыки, сейчас же от ребенка сразу требуется умение решать задачи.

Своим снохам иногда говорю: «Девочки, пока детки маленькие – это очень тяжело, но это время быстро проходит. И к сожалению, когда оно пройдет, вы поймете, что время утекло слишком быстро. Вы будете жалеть об упущенных часах, которые вы не провели со своими детьми. Это большая ценность». Я не говорю, что все в моей жизни были идеально. И я во многом виновата перед своими детьми. Домашний труд – это хождение по кругу. Нам, современным женщинам, трудно с этим смириться. Вот моей бабушке было легче, потому что она знала, что ее жизнь – это дом, семья, хозяйство. А я говорила мужу: «Ты пойми, если я для чего-то выросла именно в этих условиях, получила именно это образование, значит, у меня есть какие-то таланты, это для чего-то нужно, я могу быть полезной не только у плиты».

Церковь – живой организм. Домашняя церковь – это также живой организм. Семья должна развиваться. Живой организм никогда не развивается внутрь себя, ради самого себя. В живой природе все взаимосвязано. И Христос не говорил: соберитесь в комнате, закройтесь и учите друг друга. Но: идите в мир и научите народы. Идите в мир и делайте. Мы родили детей, мы их воспитали. Для чего? Да, мы привили им навыки в обслуживании себя, мы научили их учиться, познавать новое. Но это не цель, это средство для освоения мира. Вот мой муж – священник, все силы он отдает своему служению, Церкви. Он не мастеровит, не домовит, как, может быть, некоторые мужчины. Он не прибьет в доме полку, но выстроит приходской дом. Не забьет в доме гвоздь, но перекроет крышу в храме, и сам храм у него блестит как новенький. Что такое для него семья и дом? Место, где можно отдохнуть, набраться сил, согреться общением, напитаться энергией взаимной любви, что называется, отдохнуть душой. Я всегда знала – батюшка со мной, значит, все в порядке. Но основная жизнь священника протекает вне дома, вне семейного круга, он только отчасти принадлежит семье, свои силы и энергию он отдает в первую очередь людям.

Вы спрашиваете меня, в чем секрет воспитания детей. Спросите себя, что составляет ценность вашей жизни. В моей жизни и по сию пору, ценность – это жизнь в Церкви. Есть прекрасный библейский образ: зерно, брошенное в землю. Чтобы оно проросло, оно должно умереть, и тогда только даст новую жизнь. Если вы пытаетесь что-то законсервировать, оно жизни не даст. Надо дать расти тому семени, что заложено в нас. Именно так я рассматриваю семейную жизнь – не как что-то, что ценно само по себе, а как направленное во вне. Вся жизнь человеческая устроена так, что она совершается вне дома, там, снаружи. Даже если вы работаете дома, пишете книги, рисуете, администрируете или еще как-то трудитесь, зарабатывая свой хлеб, вы все-таки вносите свою лепту в созидание окружающего мира, изменяете его, делая более добрым или (не дай Бог!) более злым. Понимание этого – главное условие для того, чтобы вырастить и воспитать детей, чтобы они жили и обустраивали тот, внешний, большой мир, в который призваны. Я очень надеюсь, что все, что мне удалось сделать в жизни, хотя бы чуть послужит добру, молитвами и заботами моих родителей и прадедов. Аминь!

Лариса Первозванская

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)



Протоиерей Максим Первозванский (р. 1966) – клирик храма Сорока Севастийских Мучеников напротив Новоспасского монастыря в Москве, главный редактор православного молодежного журнала «Наследник», духовник молодежного объединения «Молодая Русь», выпускник МИФИ.

Лариса Первозванская (р. 1966) – физик. Закончила МИФИ. Растит девятерых детей.

15 лет в декрете, астрофизика и женские прибамбасы

– Лариса Вячеславовна, как вы думаете, по какой причине распадаются браки?

– Мне кажется, многие браки распадаются из-за нежелания потерпеть и нежелания друг для друга поработать. Если одному из супругов не нравятся причуды и привычки другого, то можно чем-то и пренебречь, от чего-то отказаться. В совместной жизни неизбежно начинается воспитание друг друга. Нужно поработать, и все будет нормально. А желание – оно подкрепляется любовью. Важно, чтобы влюбленность переросла в любовь настоящую. Вот поссорились и спрашиваешь сама себя: «Ну что, развод, что ли? Да нет, конечно!» И сразу причина ссоры кажется несерьезной, идешь мириться.

– Вы замужем 20 лет, и у вас девять детей… Есть ли у вас рецепт сохранения любви?

– У нас существует традиция. Час-два в день мы с мужем обязательно общаемся вдвоем: нам это необходимо.

Познакомились мы еще в студенческие годы, на картошке. Нас, студентов МИФИ, отправили на помощь колхозникам, причем не только пятикурсников, но и со второго курса. Муж на три года старше меня. А после картошки мы начали встречаться и через год поженились.

Я после школы хотела заниматься астрофизикой. Но получилось, что специализацией стала физика ядерная, что тоже очень интересно. Я бы и сейчас ею занималась, если бы не обстоятельства. Однако физиком (в ИОФ – Институте общей физики РАН) у меня получилось поработать совсем чуть-чуть, потому что я ушла в декрет. И с тех пор пребывала в декрете 15 лет. Вот только сейчас перед самой младшей дочкой пришлось уволиться. А муж два года работал в СНИПе, собирался кандидатскую защищать, а потом ушел оттуда в православную гимназию и все. Вера в Бога не противоречит физике, наоборот – многое объясняет. Они друг другу не мешают.

– Получается, вы одновременно пришли к вере? Как сложилось ваше совместное воцерковление?

– У меня с детства, из-за жизни с бабушкой, было такое миропонимание, а муж встретил на работе верующих людей, физиков. Они дружили, дружили, и через некоторое время он крестился. Но вообще, у нас все вместе. Он со мной делился тем, что узнавал. Мы вместе обсуждали, что его волновало. И как-то вместе стали в храм ходить. Это было в начале 1990-х.

– Значит, православие для вас было органичным с детства?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Моя бабушка была верующая, и мама со ответственно с детства верующая. Меня тоже крестили в детстве, крестик на кроватке всегда висел, но время-то было советское. Мама, скрываясь, ходила в храм. Всего боялась, но ходила. Ездила на утреннюю пораньше, а меня не брала с собой никогда. Я просто в воскресенье просыпалась: «Где мама?» – «Мама скоро приедет».

Родители оба были инженерами. Отец – инженер-строитель, мама – инженер по перевозкам зерна на БАМе. А я в Москве родилась, ходила в московскую школу, получила стандартное советское образование.

Меня не удивляло, что бабушка верующая, мы всю жизнь проводили в деревне с ней. Она сама москвичка, но ее родители из деревни. Она была уже на пенсии, и все три летних месяца мы проводили в деревне. На моих глазах она молилась, постилась, и это не удивляло. Ей не надо было задавать вопросы, она сама рассказывала. Но в школе я не помню, чтобы обсуждали такие вещи. С девчонками иногда шушукались: «У тебя есть крестик?» – «Есть». Но больше никаких разговоров особенно и не было.

– Что для вас было самое трудное, когда вы пришли в Церковь? Что было труднее всего принять в церковной жизни?

– Не знаю. Кажется, такого не было. Все было гармонично. Видимо, Господь, берег. Мы узнавали какие-то церковные ограничения потихонечку, постепенно. Надо в храм ходить – начали ходить. А когда походили, оказалось, что есть посты. Начали поститься. А потом вдруг узнаем про молитвенные правила. Духовная нагрузка проявлялась постепенно и оказывалось, что эта нагрузка по силам. Мне кажется, препятствия никакого не было, все было естественно.

– Вы сразу попали в какую-то определенную православную среду или просто вдвоем ходили в храм рядом с домом?

– Мы жили на Таганке, поэтому сначала ходили в храм Петра и Павла на Яузе. Это храм давно открытый, состоявшийся, со своей приходской жизнью. Там больше была такая среда простая, можно сказать, сельская. А потом открылся Новоспасский монастырь, и там мы были почти что первыми прихожанами. Монастырская атмосфера – она иная. Монахи все молодые, образованные, и у них совершенно другое отношение к вере. Мы стали туда ходить. Батюшка сначала стал чтецом там, потом дьяконом, а потом и священником.

– А как к этому отнеслись ваши родители?

– Моя мама была в восторге. А батюшкиным родителям было тяжело, его отец был коммунистом. Напряженно все было, причем еще до того, как батюшку рукоположили: трения начались, когда мы стали соблюдать посты, ходить в храм. Мы жили вместе со свекром. В конце концов, ему стало интересно, чем же таким сын увлекся после МИФИ, куда ушел из физики. В итоге он начал читать и крестился. Сейчас ходит в храм и стал глубоко верующим человеком.

– У вас был классический студенческий брак. Говорят, что такие браки самые непрочные. Начало 1990-х, жизнь со свекрами, как вы с этим справились?

– У меня очень хорошие свекры. Я не знаю, с чем это связано, но они в нашу жизнь не вмешивались. У нас была своя комната в квартире, мы иногда что-то там переделывали, покупали, а они приходили и говорили: «О, как вы здорово сделали, какие молодцы». На все была положительная реакция. Недоразумения небольшие, разумеется, были, но серьезных проблем не возникало. Вообще, самые тяжелые – первые годы. Когда начинаешь близко узнавать человека, жить семьей. Раньше просто виделись, общались, а дома начинают вылезать разные черты характера. Пока встречаешься, – погуляли и пришли каждый к себе, а тут надо все пространство делить пополам. Выходя замуж, нужно изначально настраиваться, что будет трудно, что надо постараться притереться друг к другу.

– И когда вы поняли, что, кажется, будете матушкой?

– Когда мой муж стал чтецом и начал ходить на каждую службу. Вставал с утра и уходил. И стал поговаривать, что если бы рукоположение было возможно, он бы мечтал об этом. А потом оказалось, что возможно.

– И какие чувства это все у *вас вызвало?*

– У меня был восторг. Я смотрела на священнослужителей как на небожителей. Как на идеал, к которому нужно стремиться, но это нам не дано. Мы не из их касты. А тут вдруг оказалось, что это реально, возможно. Меня духовник вызвал для беседы: «Ты согласна?» – «Конечно!» Он провел очень долгую беседу о трудностях этого пути. Спросил, понимаю ли я, что будет вот так тяжело и вот этак тяжело и захочется все бросить. Я говорю: «Все равно согласна!» Был запас какого-то энтузиазма.

– Эти трудности, о которых духовник предупреждал, они были?

– Были. Сейчас мы успокоились, стали проще ко многому относиться. Я человек не общественный, люблю быть дома. Несмотря на то что детей много и всегда

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

шумно. Для меня тяжелей всего было, что я оказывалась все время на виду. В храме было даже завидно: вот приходит просто мама с детьми, никто внимания на нее не обращает. А тут оденешься не так или, наоборот, слишком «так» и сразу чувствуешь вокруг разговоры, взгляды. Нужно постоянно держать себя в каких-то рамках, потому что ты не просто православная, а жена священника. Нельзя ни посмотреть на кого-то косо, ни ответить жестко. А самое тяжелое – с детьми. Может, его шлепнуть надо или еще что, а на тебя кто-то смотрит. Еще есть трудности, такие же, наверное, как у жен врачей или военных, когда среди ночи срывают мужа или в планы вклиниваются. Например, мы заранее договорились с детьми куда-то идти, а он вдруг говорит: «Знаете, я завтра не могу». Часто бывает, это выясняется в последнюю секунду, дети настроились, рюкзаки собрали, условно говоря, а он говорит – меня вызвали. Бывает, что и терпение кончается.

– А духовные чада вмешиваются?

– Нет, это не мешает. Самые близкие его чада, я с ними хорошо знакома, и тоже общаюсь, особенно с женской половиной. Если мамочка беременная или маленькие дети, я на телефоне постоянно. Отец Максим им так и говорит: «Ваши женские дела я с вами обсуждать не буду, это к моей матушке. Духовные вопросы – пожалуйста, а женские прибамбасы – с матушкой».

– Давайте о женских «прибамбасах» и поговорим. Получается, что дети у вас чуть ли не каждый год рождались?

– Через два. В общем, это не очень тяжело – посильно. Как-то само собой: год кормишь, год носишь. Старшие сейчас уже большие.

– С *кем легче, с мальчиками или с девочками?*

– Пока маленькие – с мальчиками, психика более устойчивая. Девочки более капризные. А когда постарше, труднее с мальчиками. У них начинаются специфические проблемы мальчиковые. Но у меня мальчики еще довольно маленькие – старшему 10 лет.

– На старших детях обычно тренируются. У вас есть что-то, чего вы сейчас бы с младшими не сделали?

– Есть, конечно. Есть перегибы. Смотришь на молодых родителей и думаешь, что же они делают! А потом вспоминаешь, что и мы такие же были, так же со своими детьми поступали. Младших, конечно, меньше ругаешь. К ним уже отношение такое, почти как к внукам, наверное.

– А в плане православного воспитания со старшими девочками были перегибы? Ведь когда они родились, вы были неофитами.

– Они родились, когда мы уже в храм стали ходить. Стоять на службе их никто не заставлял. Они были ужасные непоседы, дольше 10 минут спокойно, то есть молча, стоять не могли. Десять минут – это был предел, который они могли выдержать, крутясь и вертясь, но все же молча. Так я с ними и стояла. «Отче наш» простояли, причастились и ушли. Я их не заставляла. Зато у них нет отторжения храма. Потому что часто бывает, что дети ходят-ходят, лет до 12–13 на всю службу целиком с рождения, а потом смотришь – перестают ходить. Но постятся мои с детства. И тут все очень просто. На самом деле, дети всегда копируют своих родителей. У меня со старшей было интересно. Ей было всего два года, даже чуть меньше. Я ей рассказываю, что такое пост, что мы с папой будем поститься, не есть того-сего, чтобы ребенок знал. Я ей постоянно все рассказываю, секретов нет. Были на службе, брали благословение на пост у своего духовника, и она вдруг, хотя девочка стеснительная, вперед меня к нему: «А можно я тоже буду поститься?» Он спрашивает: «А как ты хочешь поститься?» – «Как папа с мамой». И никаких проблем не было.

– Бывают сомнения насчет здоровья в связи с детским постом?

– По своему опыту скажу – не было у нас таких проблем. Для здоровья это не опасно. Существуют медицинские теории, которые рекомендуют устраивать детям разгрузочные дни два раза в неделю безбелковые и несколько раз в году по две-три недели. Наука совпадает с нашим календарем.

– Есть ли у детей ревность друг к другу?

– Есть. Специально я с ней никак не борюсь. Если видишь, что у ребенка, как он считает, нехватка внимания, просто больше ему уделяешь времени, заботы. Когда много детей, основная проблема – нехватка личного контакта с каждым конкретно. Обязательно надо просто с ним посидеть, даже уроки поделать, но только чтобы это было личное общение. Оно важно даже не на уровне слов, а на уровне эмоциональной близости. Когда у кого-то день рождения, подарки получают все. Большой подарок – имениннику, а остальным поменьше, маленькие сувенирчики. Мы устраиваем разные конкурсы, и в результате все выигрывают себе эти подарочки.

– Вам кто-нибудь помогает справляться с такой оравой: бабушки, дедушки?

– Сейчас уже нет. Просто мы, наверное, сами старые стали, пора самим быть бабушками и дедушками. А поначалу очень много помогали, в основном мои

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

родители. Они на пенсию как раз пошли. Но сейчас моя мама с племянниками сидит, у моего брата тоже дети, а мама с ними живет, поэтому вырваться к нам не может. Так что теперь мы без помощи, но у меня старшей дочери уже 17 лет – помощница.

– А ваши родители не возмущались, что так много детей, когда вы им сообщали, что должен родиться очередной?

– Мама очень переживала, а свекр был счастлив. Мама переживала не за то, что их много, а за то, что нам тяжело, за меня боялась, что здоровья не хватит. Сначала, когда было пятеро, все говорили: «Ну вот, отлично, теперь хватит». Потом родились двойняшки – шестой и седьмой, и родственники сказали: «Вот теперь от личное завершение». Но потом родились еще восьмой и девятый.

– Многие говорят, что нечестно по отношению к старшим детям нагружать их сидением с младшими.

– Моя вторая дочка сейчас учится в одиннадцатом классе и в этом году поступает в институт. Мы долго с ней обсуждали, чего она хочет в будущем. И она все время говорит: «Я хочу быть мамой». И я не знаю, нужно было ее нагружать или не нужно. Ей это в радость. Если у кого-то старшие мальчики, то для них, конечно, тяжело – всякие там пеленки-распашонки. Насчет девочек не знаю, она все умеет, она готова стать мамой. Но если я вижу, что тяжело, стараюсь не перегружать. Она не чувствует, что ее чего-то лишили, наоборот, когда перерыв между рождением детей перед последней дочкой был больше, чем обычно, старшие спрашивали: «Ну когда же будет снова маленький? Потискать хочется!» И я бы не сказала, что это как-то негативно сказывается на образовании. Наша самая старшая дочь уже студентка-первокурсница, она учится на историческом факультете Московского университета имени Ломоносова. Так что и в многодетной семье можно дать хорошее образование детям. Правда, они такие сознательные, девочки, учились сами, даже не надо было помогать. Остальным приходится помогать, а кого-то даже и вытаскивать за уши. Не знаю, от чего это зависит – то ли потому, что другая школа, то ли из-за конкретных учителей.

– Делаете ли вы с детьми уроки?

– Я не проверяю специально, это на их совести. Но если просят помочь, я, конечно, помогаю. Как правило, каждый день всем что-нибудь да нужно от меня: кому-то сочинение, у кого-то задачка не получается. У нас время уроков начинается в шесть вечера: я сажусь за большой стол в гостиной со своим

рукоделием, если не трогают, сижу – вышиваю, а если трогают, то соответственно всем по очереди помогаю.

– В каких школах они учатся – в православных или в обычных?

– Одно время, когда мы жили за городом, там была православная школа-пансион. Старшие две у меня начинали там. Потом мы переехали и была православная гимназия в Царицыно, при храме «Живоносный Источник». Третья дочка у меня там успела первый класс закончить. А теперь мы все учимся здесь, на севере Москвы, в обычной школе. И я об этом не жалею, хотя что-то мы, конечно, потеряли: в православной школе отмечаются церковные праздники и зимние каникулы вовремя. Здесь, если весенние каникулы приходятся на Страстную неделю, это хорошо, можно в храм походить, а на Светлой мы не ходим в школу – просто прогуливаем. Сейчас многое изменилось, если ребенок нормально учится, то к верующим семьям в школе относятся хорошо – и родители, и учителя, и одноклассники. Я спрашивала детей, смеются над ними или нет, они говорят, что относятся с уважением, хотя и не без любопытства. Когда наши не едят сосиски в столовой из-за того, что пост, некоторые дети начинают за ними даже повторять, им это любопытно.

– Есть ли у *вас еще какие-нибудь семейные традиции?*

– У нас есть свой домашний театр. Нам это очень нравится, два-три спектакля в год получается. Мы покупаем готовых кукол, а костюмы я иногда шью. Допустим, «Царя Ирода» ставили, таких покупных костюмов не найти. Первый спектакль у нас получился почти случайно. У детей была любимая сказка про зайчика, они ее наизусть знали. Я нарисовала декорации, просто на картоне: зайчик, зайчиха, белочка. На двухъярусной кровати мы сделали занавески, а звук мы записали на магнитофон, получилось с музыкой. Родственники и друзья пришли – мы показали. Всем так понравилось, что мы стали дальше этим заниматься.

– А как строится христианское воспитание в вашей семье? Понятно, что в храм дети ходят. А тексты Евангелия, Библии вы читаете с ними?

– Мы не читаем их каждый день. Но как только начинается Великий пост, мы распределяем с мужем: один читает Писание средним, другой – младшим. Со старшими особый разговор, они сами занимаются. Малышам батюшка читает адаптированные тексты, евангельские рассказы, а со средними, это 4–8 лет, мы читаем Евангелие. У нас вообще есть традиция на ночь читать книжки, художественную литературу: кому сказки, кому что поинтересней. Группируем

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

по возрасту. Бабушка когда приезжает, читает жития святых, пересказанные для детей. Старшая дочь названа в честь Марии Египетской.

Я помню, что когда она была еще маленькой, мы с ней ездили в храм, до метро было далеко идти, и я решила, что пора ребенку знать житие своей святой. При пересказе этого жития я столкнулась с трудностями, жалко, что тогда не записала свой вариант. Потому что сумела как-то обойти все острые вопросы, которые ей пока еще рано было знать. Маше так понравилось, что она потом на своем дне рождения всем пересказывала.

– Как вы вообще книжки для детей выбираете?

– Конечно, мы фильтруем, что они читают. У меня такая традиция: прежде чем дать ребенку книгу, я читаю ее сама. Мне нравится детская литература, поэтому я обычно с удовольствием сама проглядываю. Я считаю, что православное образование – это не монашеское образование. Представление о том, что ребенка нужно готовить к монашеской жизни, а если он вдруг случайно не сможет, то станет ученым, врачом и так далее, в корне неверно. Главное – готовить их к обычной простой жизни. Поэтому, конечно, их круг чтения не ограничивается православными авторами. Но если человеку дано, тогда он посвятит себя Богу целиком. А настаивать на каких-то вещах, с детства готовить к чему-то, нет, пусть сам разберется.

– Ваши дети ходят в обычную школу. У их сверстников, мягко говоря, много не очень приятных увлечений, как вы своих от этого ограждаете?

– Мне кажется, что надо дошкольному воспитанию уделить внимание. Если ребенок к чему-то привык, смотрю по своим детям, если у него есть какие-то склонности, если есть какие-то симпатии, то они так и сохраняются по жизни. Даже если что-то наносное попадает, я не говорю сразу: «Ой бяка, выкинь немедленно». Лучше сначала просто согласиться, что это может быть интересно, а потом исподволь сказать, что мне не очень нравится. И часто дети после этого добровольно отказываются от чего-то, что раньше вызывало бурный интерес. Мне кажется, надо действовать мягко, потому что если строго сказать, то возникает противодействие. Очень важно еще до школы, пока они не влились в общественную жизнь, постараться заложить в ребенке стержень, чтоб он не боялся быть не таким, как все.

У меня старший сын совершенно не комплексует, если его друзья от чего-то в восторге, а ему это не нравится. И они его слушают, потому что он – человек со стержнем. Старшие девчонки никогда не выражали желания ходить на дискотеки. Причем я их никогда в этом не ограничивала. Разве что между делом

говорила, что там музыка громкая. При этом на балы они ездят. Целый год ходили заниматься, причем даже не бальными танцами, а настоящими старинными – польки, падеграсы и так далее. У них есть очень красивые бальные платья. На самом деле в глубине души каждая девочка мечтает не в короткой юбке подрыгаться, а именно принцессой нарядиться.

– Отпустите ли вы дочку с подружкой на дискотеку, если она попросит?

– Отпущу, если буду знать, что там нет наркотиков и все более-менее под контролем. На школьную дискотеку, например. Они видели школьные дискотеки, потому что их устраивают в последний день перед каникулами, у кого-то еще уроки, а кто-то уже собирается на дискотеку. В общем, мои пожаловались, что там душно и шумно. По-моему, к чему с детства лежит душа ребенка, то и будет. Ребенок душой будет тяготеть к тому, что в него заложили изначально, поэтому от родителей зависит очень многое. Я смотрю на своих старших и вижу в них себя, свои плюсы и минусы. Тут уж какой хочешь, чтоб был ребенок, таким самому надо быть. И к сожалению, бывает, что минусы вылезают сильнее, чем плюсы.

– Как вы учите детей молиться?

– Специально мы не учим. Мы ходим в храм, они видят, как люди молятся. Каждый вечер после ужина, мы читаем общее семейное правило, на котором должны присутствовать все. Младшие вливаются. Вечернее правило все вместе целиком читаем. Утреннее правило об легченное: просто перед школой прочитывают несколько молитв.

– Бывает ли, что дети отказываются в храм идти: «не хочу» – и все?

– Такое бывает у маленьких. В 4 года: «Хочу есть, не хочу ехать, надоело». Мы тогда говорим: «Хорошо, тогда оставайся один, а мы едем на машине, там еще пароходик по дороге увидим». И как-то слово за слово, смотришь – собрался и поехал.

– Есть ли у старших нецерковные друзья, не получается ли у них болезненного разрыва от того, что дома все совсем иначе, чем у них?

– Дома не совсем все другое. Мы живем обычной жизнью. Мы и телевизор смотрим, когда нормальные фильмы. С друзьями они много общаются, даже иногда мы берем их друзей с собой в храм, они умещаются в нашей машине, у нас микроавтобус.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Получается ли как-то регулировать круг общения?

– Бывает, что мне кто-то не нравится, кого они приводят. Тогда надо сделать такое особенное лицо, мол, «кто же это, что ты с ним дружишь?». Активно выразить свое отношение, не запрещая ничего. Через некоторое время глядишь – а друг-то и поменялся уже.

– Приносят ли они слова какие-нибудь нехорошие?

– Приносят, всякие приносят. Стоит один раз объяснить, что это совершенно неприемлемые слова, вопрос решается. Но если слово входит в привычку, то следует строгое наказание. Я всегда спрашиваю: «Ты слышал, чтоб мама, или папа, или старшие братья и сестры, так говорили? Нет? Все. Чтобы больше этого не было». Но через это лучше пройти. Пусть с самого начала знают, что есть запрещенные слова, чем потом.



– Какие у вас развлечения, ходите ли вы в театр?

– Да, и театр, цирк. Но тут проблемы финансовые. Билет в цирк самый дешевый стоит 500 р. Считайте, нужно пять тысяч, чтобы сходить в театр, в цирк. Это если билеты дешевые. А есть билеты по тысяче рублей. Когда нам дарят или управа пожертвует, мы с удовольствием идем. Я считаю, что классическое воспитание должно быть. Сейчас у нас нет музыкальной школы поблизости, а с преподавателем музыки не сложилось: она занималась четыре часа с четверыми по очереди и требовала абсолютной тишины. Четыре часа я держала весь дом, чтобы никто не пикнул, а это очень непросто. Сейчас начнем с новым заниматься. В связи с финансовыми вопросами мы выбираем бесплатные кружки. Одна дочка ходит на гимнастику, другая на фехтование, на волейбол,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

есть у них ансамбль «Ландыш серебристый», хор. Практически все так или иначе поют. Я считаю, что разницы большой нет, чем заниматься. Главное – творческое развитие.

– Играют ли ваши дети в компьютерные игры?

– Это бич. Мы как-то прозевали, потому что старшие дети очень спокойно к этому относились: поиграли – забыли. А вот со средним сыном сейчас стоит конкретная проблема, у него началась компьютерная болезнь. Мы стараемся потихонечку его отучить, потому что на него еще действует запрет, когда говорят «нельзя, и все». Но если он поиграет, то видно, что у него есть внутренняя зависимость. К сожалению, когда он подрастет, тут уже неизвестно что будет. У старших детей у всех есть компьютеры, у каждого свой, мы к этому спокойно относимся, потому что они не зацикливаются на этом. Но теперь мы ввели ограничения, в учебные дни мы не играем. Можно поиграть в выходные и в каникулы. Пока так, а там видно будет.

– Осознают ли дети, что они – дети священника?

– Они осознают, особенно когда я начинаю стыдить: «Как вам не стыдно! Что скажут, батюшкины дети, а так себя ведете!» Я думаю, мои слова над ними висят как дамоклов меч, хотя в жизни это обычные дети. Когда мы перешли в обычную школу, я им все равно сшила гимназические платья, как раньше. И когда они принесли фотографии классов, их поставили сзади. Всех. Мои все девочки оказались сзади в своих классических белых свисающих пелеринах. Я увидела, что все выглядят совершенно по-другому. Они мялись, но все-таки сказали, что выбиваются из общего вида, а учителя им заявили, что они «как из деревни». Я сделала вывод для себя: пока они не получили психологическую травму, лучше пускай ходят в классическом офисном стиле: юбка до середины колен и белая блузка. И дома я не заставляю их ходить в сарафане или юбке до полу, кто-то в брюках ходит, кто-то в шортах. Но в школу в брюках я их не пускаю.

И летом на отдыхе они одеты как все: надо – в купальниках, надо – в шортах. У нас брюк как таковых нет, но есть спортивные костюмы. А платья я им стараюсь шить красивые, чтобы хотелось носить.

– Куда вы ездите летом, на отдых?

– В основном на даче сидим. Когда в семье постоянно маленькие, ехать на море, на юг, противопоказано. Когда был перерыв между детьми побольше, мы ездили на машине в Крым. Получилось очень хорошо, всем понравилось. Но у

нас и на даче хорошо: лес, речка. Если погода позволяет, то мы на речке постоянно или на велосипедах катаемся, теннисный стол у нас есть, качели, за грибами любим ходить.

– Когда у детей возникают личные вопросы, психологические переживания, они идут к маме или папе?

– В основном к маме. Старшие у меня девчонки, так что они точно к маме. Как дальше будет с мальчишками, когда они подрастут, пока непонятно. Но, наверное, будут какие-то вопросы с папой решать. В общем, я пока справляюсь и с духовными вопросами. Но если надо решить бытового плана пастырские вопросы, например кому сколько поститься, я, конечно, отправляю к папе, потому что это надо у священника спрашивать, как он благословит.

– Исповедуются дети у папы или у другого священника?

– Если причащаются у папы, то и исповедуются у него. Но у нас есть очень хороший батюшка, который старше папы, и мы к нему обращаемся. Скоро ведь женихи пойдут, будут сталкиваться личные интересы, тут лучше другой священник, чтобы был совет со стороны. Да и проблемы с родителями не будешь же с папой обсуждать.

– Кстати, о женихах. Наверное, есть какие-то мальчики?

– Пока ничего серьезного. Хотя, конечно, я морально готовлюсь. Начинаем иногда обсуждать, кто куда переедет, если Маша выйдет замуж. Придется ей комнату освобождать. Мне очень жалко от себя отпускать. Лучше принять еще кого-то, чем отдать. Хотя, наверное, жалко, скорее, себя, я понимаю, что в какой-то момент надо отпустить ребенка, иначе потом не сложится. Очень важно вовремя отпустить.

– Вы готовите их к будущей семейной жизни, учите убираться, готовить?

– Старшая дочь полностью готова. Она все умеет готовить, отлично печет. Я не заставляла, ей было просто интересно. Ребенок обычно, когда мама что-то делает, говорит: «давай вместе». И в этот момент нужно не гнать его, а делать вместе. Вот я пекла, пекла пироги, а потом надоело. И вдруг слышу: «Мам, а давай я испеку, если ты не хочешь?» Вторая и третья дочки тоже подтягиваются. В московской квартире у нас посудомоечная и стиральная машинки, а когда на дачу выезжаем, надо мыть посуду в холодной воде и стирать. Посуды очень много. Поэтому я им и в городе говорю: «Надо учиться стирать и мыть посуду, потому что на даче не будет посудомойки». Каждый

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

стирает свое белье – носочки, трусики. Я устраиваю день стирки, они разбирают тазики – и вперед.

– Но ведь надо же ими отдыхать, у *них все-таки детство…*

– Знаете, у нас есть одноклассники, у которых мамы ушли с работы, чтобы посвятить себя воспитанию ребенка. И такая мама часто жалуется, что у нее нет ни сил, ни времени: бегом из школы в бассейн, потом рисование, потом футбол, музыка. Приходит к учительнице: «Можно мы не все уроки будем делать, мы не успеваем?» Мне кажется, что это неправильно. Если у ребенка есть какое-то особое желание, например рисование, можно заниматься. Если нет желания, то не надо специально его насиловать. Попробовать можно, но не все сразу. Хотя, конечно, бездельничать не надо, чем-то ребенок должен быть занят. У нас учительница начальной школы считает, что если ребенок не наигрался до школы, то в первом классе он будет играть.

– А когда вы сами замуж выходили, трудно было вести хозяйство?

– Меня мама заставляла, но готовить мне и самой было интересно. У нас в школе была учительница, которой я до сих пор благодарна, она меня и шить научила, и консервировать. Уроки труда были настоящие. Вот сейчас я смотрю, как у моих девочек труд в школе устроен, так они пиццу готовят: принесли готовый корж, нарезали колбаски, сыр натерли и в микроволновку поставили. Так разве научишься? И свекрови своей я тоже благодарна, она всегда мне разрешала на кухне и суп сварить, и еще что-то по-своему сделать.

– Бывает ли вам иногда грустно, что не состоялась ваша карьера физика-ядерщика?

– Бывает грустно. Но когда я пошла на работу и столкнулась с настоящими учеными, я подумала, что из меня большого физика не выйдет. Может, и вышло бы, если трудиться, но когда я увидела ученых, подумала, что лучше «молчать и сойти за умную». Я не жалею. Я получила прекрасное образование. На самом деле оно все равно востребовано. Во-первых, непросто детям объяснить школьную физику неподготовленному человеку. Но самое главное, я считаю, что муж с женой должны соответствовать друг другу. Если бы у меня не было образования, у меня был бы другой муж, потому что такого мужа я бы не потянула. Мужу надо соответствовать, чтобы на равных можно было что-то обсуждать. Мне кажется, когда нет общих интересов, семья по-настоящему сложиться не может. У нее просто не будет основы, потому что одного эмоционального и телесного контакта маловато. Жена ведь не домохозяйка, а помощница.

Светлана Соколова



Протоиерей Николай Соколов (р. 1950) – настоятель храма Святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее, декан миссионерского факультета Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), духовник и член правления фонда Всехвального апостола Андрея Первозванного и фонда Национальной Славы России, духовник Олимпийской сборной команды РФ. Окончил Московскую государственную консерваторию

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

им. П. И. Чайковского. Династия священников Соколовых не прерывается уже 300 лет.

Светлана Соколова (р. 1948) – заведующая сектором Третьяковской галереи. Окончила Московскую государственную консерваторию имени П. И. Чайковского. Вырастила троих детей.

«Когда любишь человека…»

– Если бы вам в 16–17 лет сказали, что вы будете супругой священника, как бы вы к этому отнеслись?

– В этом возрасте никто такого не предполагает. С отцом Николаем мы встретились, когда мне было 18 лет. Мы тогда оба учились в музыкальном училище им. М. М. Ипполитова-Иванова, потом вместе поступили в консерваторию. А поженились уже на стадии окончания Консерватории. То есть сначала было 7 лет совместной учебы и дружбы. Но к чему я это говорю: примерно за полгода до нашего венчания Наталья Николаевна Соколова, мама отца Николая, спросила меня: «Светочка, я знаю, что вы с Коленькой любите друг друга, а если он вдруг станет священником? Ведь ты знаешь, что это его мечта…» А в те годы (70-е годы XX века) решиться стать женой священника было, действительно, непросто. Я ей ответила: «Мне все равно». А она говорит: «Ты знаешь, что Коленьку могут и в деревню послать служить, у нас судьбы-то разные». А мне это было, действительно, все равно, я не

лукавила. Так и по сей день – все равно где, лишь бы с ним. Когда любишь человека, тебе могут расписать, какие бывают сложности, но это абсолютно не страшно. Конечно, я не могла поначалу и предположить, что буду матушкой. Но даже если так – меня это абсолютно не пугало.

К тому же я уже знала уклад священнической семьи. Уже знала и маму, и папу, и сестер, и братьев отца Николая – с одним из них, Серафимом – будущим владыкой Сергием, мы учились вместе. И с Катенькой, старшей сестрой, она тоже заканчивала Ипполитовское училище. Вхождение в мир православной семьи было для меня настолько гармоничным и естественным, что я даже не могу определить момент, когда все это стало мне близким и родным.



– Что из общения со свекровью и свекром было для вас особенно значимо? Что осталось в памяти, ключевые события?

– Для меня ключевым событием было прежде всего знакомство.

Мы с отцом Николаем очень долго дружили, учились 7 лет вместе, и он уже во время учебы оказывал мне какие-то знаки внимания. У нас с ним были замечательные творческие отношения: мы оба были скрипачами, и музыкальное общение переросло в духовное. Надо сказать, что я сама – из нецерковной семьи, и родители были некрещеные. Конечно, в плане моральном, плане воспитательном и в моей семье на первом месте были некоторые христианские ценности – верность, порядочность, уважение к личности, трудолюбие, хотя никто себе не давал в этом отчета. Ведь в те времена люди боялись произнести даже слово о Боге, и многие понятия были искажены, достаточно вспомнить про «гордость советского человека» и общее отношение к Церкви как таковой. И честь и хвала отцу Николаю, который столько лет со мной встречался, но никогда не давил, не принуждал. Да, мы с ним часто заходили в храм, он меня воцерковлял, но при этом никогда слова «должна» не было. И вот поэтому Господь меня посетил по доброй воле. Но я могу признаться, что приняла и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

познала веру Божию через отца Николая. И я всегда его считала своим духовником по жизни. Он знал все мои девчачьи переживания, я знала все его мальчуковые. У нас с ним абсолютно не было никаких закрытых тем, и это великое дело. Конечно, о семье его родителей я не знала, то есть поначалу он меня боялся показывать.

А летом 1973 года, когда мое обучение в консерватории шло к концу, он мне говорит: «Свет, давай поедем к нам в Гребнево[1]. 10 августа празднуется Гребневская икона Божьей Матери, это большой праздник». И вот я первый раз в жизни поехала утром на службу. Пока из Москвы выбралась, пока доехала в эту подмосковную усадьбу, служба уже почти закончилась. Николай меня встречал с автобуса. «Пойдем, я тебе храм покажу», – говорит. Идем по направлению к церкви, а все уже выходят из дверей церковных после отпуста. И тут я первый раз увидела Коли-ну маму, Наталью Николаевну. Она у него была высокая, представительного вида, настоящая матушка. Я растерялась, перепугалась, у меня прям коленки затряслись. Он говорит: «Чего ты боишься?» Но я не стала Коленьке в тот момент объяснять, просто во мне такой трепет был. И когда мы познакомились, это было уже недалеко от их домика. Он говорит: «Мам, это вот Света приехала». Она стала со мной общаться так просто, как будто знала меня давным-давно. И меня это очень расположило, мой страх весь куда-то ушел. Там на Гребневской собираются все, кто может собраться. Большая семья, много друзей. Все садятся на большую террасу чай пить. Вообще это все надо видеть и почувствовать. Мама отца Николая сразу мне говорит: «Так, детки, садитесь, сами себе наливайте, Светочка, пойдем». Она меня сразу уводит, а Коленьке говорит: «А ты, Коленька, иди, иди». Она меня увела в комнатку, мы с ней сели, она на кроватку, я на стульчик. И она мне говорит: «Светочка, давай поговорим, мы же с тобой первый раз видимся». Вообще трепет у меня перед ней так и сохранился – трепет по жизни. У нас с ней замечательные отношения. И я могу пожелать любой женщине, чтобы у нее была такая свекровь.

Вот мы сели, и разговор такой идет. Она говорит: «Светочка, знаю, сколько лет вы дружите, а Колька все в монахи собирается. Но какой из него монах! Вот Симка – это монах. Это у него с рождения». И действительно, так. Про владыку Сергия если рассказывать, то это отдельный разговор.

– То есть отец Николай открыто говорил, что пойдет в монастырь?

– Да, у него всегда была идея, что он пойдет в монастырь. А с другой стороны, вроде как говорил, что и без меня жизни нет.

А Наталья Николаевна продолжает: «Какой из Кольки монах?! Как девчонка проходит, он должен пальто подать, руку поцеловать…» Бабушка его так воспитала. Коля у нас на курсе вообще был такой единственный. И поэтому все девочки сразу млели от этого. Это настолько было неординарно в наших студенческих кругах. Я слушаю Колину маму, а она вдруг говорит: «Я знаю, что он тебя любит, а вот ты мне скажи, ты его любишь?»

– Прям так сразу?

– Сразу. Наталья Николаевна очень пря мой человек, в ней нет лукавства по жизни. Это может не нравиться, но если она решила что– то сказать, то скажет невзирая на лица, ранги, чины, и будь любезен – выслушай. И все слушают. Перед таким человеком лукавить тоже неудобно. Поэтому я ответила как есть: «Люблю». Вот тогда она мне про участь священническую и сказала, сразу, в первый же наш разговор: «А знаешь, Светочка, Коля хочет, уже не знаю как монахом, но священником точно быть, как папа наш». Я говорю: «Ну, в общем-то, знаю». Она мне обеспокоенно: «Но ты ведь участь священническую не знаешь». Но я общалась столько лет с Колей, и он меня уже посвятил во многие вещи. Я уже более-менее представляла историю Русской Православной Церкви после 1917 года. А его бабушка, дедушка – живые свидетели, исповедники, знали, что такое тюрьмы, аресты, ожидание ночного звонка в дверь. И конечно, он мне открыл глаза на многие вещи. Я сказала да, знаю, что Коля хочет быть священником, но сейчас-то он учится в консерватории. Она говорит: «Ты знаешь, Свет, он пошел в консерваторию из-за тебя, потому что ты там учишься». Она не сказала, «по дурости», но это примерно так и звучало. Вот такая первая встреча. А с папочкой, с отцом Владимиром, мы тоже в этот день встретились. Сначала мы с мамой поговорили, и я расплакалась, а потом и она расплакалась, по-доброму меня обняла. Но были хорошие слезы. И она мне сразу сказала: «Светочка, что же, креститься надо, он тебя любит». А я говорю: «Он же все равно в монахи пойдет». Действительно, в моем сознании в то время, было, что мы с ним очень хорошие друзья, без этого друга я себе вообще не мыслила какую-то дальнейшую жизнь. Она говорит: «В какие монахи, нет, вы поженитесь». Я говорю: «Но если он не хочет, как же мы поженимся?» А она мне все время говорила: «А ты то?» А я отвечала: «Но я же не буду ему предложение делать, женись на мне». А потом мы пошли на террасу, где накрывался обеденный стол, отец Владимир сидел под иконой во главе стола, а протиснуться к нему было невозможно – народу много. Я говорю: «Давайте, я помогу девочкам накрывать на стол». А отец Владимир вдруг услышал, что я там предлагаю на другом конце, и говорит: «Нет, Светочка, ты у нас сегодня гостья». Я тогда еще не знала, как отвечать священнику, когда тебя приглашают к столу. А батюшка всех детей и гостей раздвинул и говорит: «Ты иди ко мне,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

садись рядышком». Я ужасно сконфузилась. Как только не провалилась в погреб тут же, не знаю, но представляю свой вид. А батюшка уже говорит: «Иди, иди сюда». И Коля мне говорит: «Иди, раз папа говорит». А папа Коленьке: «А ты, Коленька, помогай сестрам, каждому свое». Теперь еще и Коленьки рядом нет, я, конечно, в глубокой растерянности.

А Колин папа видел, что я смущаюсь. Он вообще был светлейший человек, излучал духовное тепло. Уже потом, много лет спустя, когда у нас с Коленькой сложилась семья, дети, бытовая суета, дедушка, отец Владимир, приходил, и все-все становилось легче под взглядом его сияющих светлых глаз. Дети умиротворялись, правда, он разрешал внукам делать с ним все, что они хотят. Младшему внуку, который сейчас священником стал, он вообще все разрешал. Тот – малыш еще – садится верхом на деда, я говорю: «Дай дедушке отдохнуть!» А дедушка отвечает: «Светочка, я отдыхаю».

– А как вы крестились?

– Думали, где мне креститься, потому что в то время креститься взрослому человеку было очень и очень непросто. Уже и в то время у нас семья Соколовых и семья Кречетовых[2] по жизни переплетались. Сейчас отец Николай Кречетов, дай Бог ему здоровья, стал у нас благочинным. А его родной брат – отец Валериан Кречетов служил многие годы в подмосковном Отрадном. И отец Владимир говорит: «Надо повести Светочку к отцу Валерьяну». И все было абсолютно так, как надо. Меня повели сначала к одному их знакомому чудесному священнику, он со мной провел первую беседу и многое мне объяснил. Главным образом, что значит крещение, что значит греховный. И я решила, что мне надо рассказать про свои грехи. Я тогда уже понимала, что надо исповедоваться. А он говорит: «Если у тебя есть грех, который тебя очень тяготит, тогда ты мне покайся. Но вообще, при крещении ты у нас младенцем будешь». Вот с того дня я и стала младенцем. Так я собиралась креститься, и к этому много приложил сил и молитв дедушка моего Коли – Николай Евграфович Пестов. Он жил рядом с Елоховским собором, и мы приходили к нему по окончании занятий. Николай Евграфович любил беседовать в своем кабинете, но говорил, что когда больше двух человек, то это потерянное время. И вот мы с ним уходили в кабинет, и он мне многие вещи рассказывал. А потом, когда услышал, что я буду креститься, то вдруг сказал: «А я буду твоим крестным! На крещение, Наташенька, я не поеду, но крестным буду».

В Отрадное приехали поздно вечером, чтобы никто нас не видел. Купель большая стояла в храме, и все было готово. Со мной приехала Наталья Николаевна. И почему-то отец Валерьян решил, что она и будет моей крестной

матерью. Но Наталья Николаевна не согласилась. «Нет, – говорит, – я не буду крестной. У них с Коленькой что-то там, жениться, наверное, будут». Я думаю, какой там жениться! Крестилась я в сентябре, когда про женитьбу со стороны Коли еще и речи не было. А она мне всегда говорила: «Все равно вы женитесь». Я недоумевала: что же мне насильно его на себе женить, что ли?! Я Коленьку любила и хотела, чтобы было так, как для него лучше. Но все равно моей крестной стала не Наталья Николаевна, а свекровь отца Валерьяна – Елена Владимировна Апушкина. Так произошли мои крестины. И с тех пор я уже с Коленькой, по мере возможности, стала посещать богослужения. Как раз в субботу, когда заканчивались все репетиции и занятия, была возможность приехать в Елоховский собор на всенощную. Они рядом жили, мы наскоро складывали свои инструменты и бежали. А надо сказать, у бабушки, Зои Вениаминовны, было очень интересное восприятие Колиных встреч с девочками. Она его все время хотела женить. Молодежи вокруг очень много. У меня тогда телефона не было, а у Коленьки был. И когда нам надо что-нибудь было, я ему звонила. Бабушка брала трубку, я просила позвать Колю, и она начинала: «Это Оля?» Я говорила, нет. Она еще какие-то имена называет. Я думаю: «О, как все сложно». А потом, наконец: «Так это Светочка?» Насколько меня Наталья Николаевна приняла сразу с распростертыми объятиями, настолько бабушка поначалу – с настороженностью, очень серьезно, она на меня все время смотрела оценивающе. Она как-то Коленьке сказала: «Я умру, когда увижу ту, которая будет тебе стирать рубашки, мне главное ее увидеть». А девчонок-то полно ходит кругом. И вдруг через некоторое время она говорит: «Все, могу умирать спокойно, вот вижу, что Светочка и будет тебе стирать». И все время молитва ее была о том, чтобы умереть, никого не обременяя. Так она и умерла: заболела воспалением легких и неожиданно, в несколько дней

ушла. Это было 15 ноября. И потом уже так получилось, что еще до 40-го дня после кончины Коленька вдруг говорит: надо подавать заявление в ЗАГС. А я говорю, как же так – в ЗАГС, если еще 40 дней не прошло? Разговор этот был при Наталье Николаевне. А мама сказала: «Живым живое, а бабушка там будет молиться. Для нее не важно, 40 дней, не 40, она все равно молится». Просто это семья такая, с такой глубокой верой, и я для себя совершенно четко поняла, есть какие-то вещи основные, а есть то, что менее важно. Конечно, может быть, это не мелочи, но все равно важно уметь разделять, что более важно, а что – менее. И конечно, я счастливый человек, что вошла в эту семью. Это Божья милость, не знаю, за что мне. Отец Николай говорит, что это по молитвам тех, кого с нами рядом нет.

Мы повенчались с ним в январе, в Татьянин день, и в этот же год у меня был диплом. Распределение по окончании учебного заведения было очень жестким.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Но так как я уже была замужем, ждала ребенка, мне предоставили распределение в Москве. Но чтобы я сама нашла себе место работы. Я и нашла – в оркестре детского театра. Меня это устраивало, потому что нагрузки в детском театре было немного и можно было совмещать с семьей, ребенком. Отец Николай заканчивал консерваторию на следующий год. По тем законам в армию не брали до того, как ребенку исполняется год. Получалось, если он заканчивает консерваторию в мае – июне, а ребенок у нас ноябрьский, то эти месяцы он должен был где-то работать. И ему дали распределение в Москонцерт, в ансамбль «Рапсодия» Клавдии Шульженко. После этого Коля пошел служить в армию, в войска ПВО, а через некоторое время его перевели в Москву в военный оркестр.

– А пока он служил в армии, вы чувствовали себя одинокой мамой?

– Ни в коем случае! Одинокой я никогда не была! Во-первых, я была с малышкой, во-вторых, мои родители были еще живы, а мы жили рядом с родителями отца Николая. И потом, через некоторое время, когда Колю перевели в Москву в ансамбль ПВО, он приезжал домой и даже на ночевку.

Вскоре после того, как Коля, отслужив, вернулся домой, Патриарх Пимен пригласил его иподьяконствовать. И с тех пор мы всю жизнь при Церкви. На семейном совете мы с Коленькой решили, что он будет поступать в семинарию, куда он и поступил сразу во второй класс, а потом и в академию. А Святейший Патриарх предложил ему быть референтом в Патриархии.

– А в семинарии он учился, приезжая из Москвы?

– Он не был заочником официально, но так как совмещал учебу с работой в Патриархии, то Святейший его благословил присутствовать, когда он может. Но Коля настолько честный человек и относится ко всему действительно ответственно, что так было и с учебой – ездил, как только мог. Он и по сей день любит учиться и других людей наставлять. Мне иногда говорят: «Матушка, он, наверное, так долго готовится к своим проповедям». А рождение проповеди – это процесс внутренний. У отца Николая они всегда естественно складываются, от сердца, отчасти благодаря накопленному за всю жизнь духовному опыту, отчасти – сформировавшемуся еще в детстве. Ведь он в основном воспитывался в доме у бабушки и дедушки, Николая Евграфовича и Зои Вениаминовны Пестовых, так как они, чтобы легче было Наташеньке с маленькими детьми, взяли его, старшего, к себе. Они были людьми очень неординарными, дедушка был богослов и духовный писатель, бабушка – очень серьезного воспитания, и они старались как можно больше вложить в воспитание Коли, а потом уже Симочки, Серафима, потому что Симочка приезжал в Москву в более старшем

возрасте. Я сама все это знаю по рассказам Натальи Николаевны. Она и в своей книжке об этом очень много писала[3].

Так вот в доме бабушки и дедушки каждый выходной день у них был расписан: ранняя литургия с дедушкой обязательно к Илье Обыденному, после этого обязательно приезжают домой и Коленька обязательно должен заниматься музыкой, а потом обязательно посещение музеев, концертов… Я сейчас, когда сама стала бабушкой, понимаю, что значат эти хлопоты. Зоя Вениаминовна просто так ничего не делала. Она вела программное воспитание отца Николая, потом уже – Серафима, Катеньки. Бабушка такие ему каждый раз лекции читала! Все это в него вкладывалось как несокрушимый фундамент для будущего. Потому я и сама стараюсь с внуками, и молодым мамам советую начинать воспитание ребенка как можно раньше. Это не голословно. Это действительно так. Отец Николай говорит, что для него Третьяковка была вторым домом, а Большой зал Консерватории – третьим. И конечно, дивны пути Господни: теперь отец Николай стал настоятелем храма при Третьяковской галерее, которой была посвящена часть его детства. Он говорит, что икона Владимирской Божьей Матери привела его служить перед Ее образом.

– Расскажите, пожалуйста, о священнической жизни, о дне святой хиротонии, назначении на приход…

– Отец Николай работал у Святейшего Патриарха Пимена в Чистом переулке референтом и, когда заканчивал духовную академию, ему сказали написать прошение о дьяконстве. Он написал прошение, а Святейший пока не подписал. Ну, нет и нет. Коля работает референтом и работает. А у нас уже к тому времени уже девочка родилась, вторая, и третий, Димочка. А старший сын Алексей уже ходил с папой на службы. У меня меньше было возможности с ними пойти – я же с малышней. И тут в один прекрасный день, на праздник Благовещения, Лешенька пошел с отцом в храм. Возвращаются – сияют оба! Говорят: ты уже матушка, а он – отец дьякон. Как? А вот так. Рассказывает: прихожу в собор, и мне Святейший говорит: «Ты кушал сегодня или нет?» (то есть «Вы», конечно, он отца Николая на вы называл). А у отца Николая кушать до литургии было не принято никогда. Он говорит: «Нет, Ваше Святейшество». Святейший говорит: «Ну и хорошо, сегодня будет хиротония». – «Ваше Святейшество, я правила не успею почитать!». А Святейший Патриарх Пимен в чем-то был очень строг, в каких-то вещах бескомпромиссен, а тут говорит: «Потом почитаешь». Состоялась хиротония. Вот так он стал дьяконом.

– А вы переживали, что не были на службе, что это так неожиданно свалилось?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Нет. Я радовалась, чего же мне переживать.

– А ждали?

– Ждала. А когда много чего-то ждешь, когда полагаешь на Божью волю все ожидания и все чаяния, тогда все замечательно. И Господь нам такую радость послал! Не было у меня чувство сожаления, что меня он там не видел, потому что

все равно внутренне я была там с ним. А Лешка – уже папка двоих детей, он единственный свидетель и считает, что ему очень повезло. Он по сей день не то, что горд, но счастлив этим.

– Какое-то время отец Николай служил в Москве в Елоховском?

– Даже когда он дьяконом стал, все равно оставался референтом Патриарха Пимена в Чистом переулке. А я не знаю, в курсе вы или нет, у Святейшего там домовый храм в честь Владимирской Божьей Матери, который он очень любил. Там была почти что келейная молитва, и отец Николай там служил. Так Владимирская Божья Матерь по жизни ведет отца Николая. Очень много у нас таких совпадений, но я считаю, что это не совпадения.

– А священническая хиротония?

– Священническая хиротония была у отца Николая на день Владимирской Божьей Матери, 8 сентября, в храме Адриана и Натальи, в котором в свое время служил его папа. Хиротонию совершал владыка Феофан, теперь… который. Очень было много эмоций, там мы все уже были вместе. В такой день и именно в таком месте. Случайно в нашей жизни ничего не бывает.

– А назначение на приход?

– Сначала ему приход дали на Ваганьковском кладбище, он еще дьяконом туда поступил. Потом уже в 1988 году стал священником и организовывал воскресную школу. А я в 1989 году

ушла со своей светской работы, потому что понимала, надо батюшке помогать создавать воскресную школу. Тогда воскресных школ было только две: в Богоявленском соборе и у нас в Ваганькове. У нас было очень много прихожан, много детей. Тогда мы в воскресной школе организовали хор, начались первые патриаршие рождественские елки в Колонном зале. И вот мы с хором: наш хор и хор отца Петра Полякова встречались на рождественских елках и обменивались: а как у вас, а как у вас. Потому что все с нуля: никаких

наработок не было. Я считаю, что Господь нас вразумлял и вел своим правильным путем.

А в 1992 году отцу Николаю пришло назначение о переводе в храм при Третьяковской галерее. Могу рассказать очень интересный случай. Примерно за месяц до назначения батюшки в храм Николы в Толмачах (его как раз перед зимним Николиным днем перевели) приходит он как-то домой и говорит: «Ты знаешь, у нас одна раба Божья просит меня освятить шиномонтажную мастерскую своего брата, говорит, что без благословения и освящения у него дела как-то не так идут». Отец Николай никогда не отказывал в таких просьбах и вскоре пошел освящать эту мастерскую. Приходит домой и несет большой сверток. Я спрашиваю: «Что это такое?» А он отвечает: «Ты знаешь, я освятил, а он мне: "Батюшка, денег у меня нет, ничего не могу дать".

Отвечаю, мол, ничего и не надо, и собираюсь уходить. А у него там темная такая доска стояла, так он и говорит мне: «Посмотрите, батюшка, по-моему, это икона». Я через эти шины – там же типа гаража, все заставлено, – пролез в какой-то угол. Там стоит черная доска, а на ней на просвет сразу виден лик святителя Николая. И он мне говорит: «Возьмите ее, Вы найдете, что с ней делать». Вот и принес». И буквально через несколько дней приходит распоряжение Патриарха о назначении в храм святителя Николая. Это просто показатель того, что ничего просто так не происходит. И отец Николай, когда мы познакомились с членами приходского совета, сразу сказал, что у нас есть образ святителя. Сейчас этот образ в прекрасном киоте, обновленный. Я считаю, что это многострадальная, почти чудотворная икона. У нас все вот так. Мы пришли в Третьяковскую галерею – в храме полная разруха. Он говорит: «Ты знаешь, у нас, наверное, никогда прихода не будет, потому что кругом Замоскворечье, большинство храмов тут не закрывалось, везде свои прихожане». А потом оказалось, что за нами пошла вся наша воскресная школа, которая была на Ваганьковском. И с нее начался наш приход.

– Что главное в воспитании детей для вас было?

– Все главное.

– На что вы обращали внимание особенно?

– Что значит особенно? Я считаю вообще рождение ребенка – это уже особенное. А в воспитании каждый шаг особенный. Я не могу сказать, что это очень важно, а это не очень важно.

– Лот чего к чему идти тогда?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Дети у нас росли в верующей семье, мы старались их водить в храм, естественно.

– Как часто в храм?

– Когда они были маленькими, по-разному. Но нам легче было, бабушка рядом была. Для меня, когда она меня в храм отпускала, это вообще был праздник, потому что мал-мала – не оторваться. Я старалась прививать детям чувство, что храм – это особое место. С чем я сейчас столкнулась, уже на приходе, что многие мамы (и я могу их понять) приходят молиться, но что в этот момент ребенок делает, их как-то это не очень волнует – дескать, главное – он в храме, а бегает ли он, разговаривает ли – уже вторично. То есть не приучают к благоговейной сосредоточенности.

– А у *вас как это было?*

– Они тоже были маленькими, кто-то на руках, а кто уже не на руках, чтобы не мешать. Моя позиция всегда была, что мой ребенок дол жен быть занят, сосредоточен. У меня всегда с собой были бумага, карандаши. Кто рисует, кто пишет. Но они всегда были при мне и всегда зна ли, что в какие-то моменты можно порисовать, а в другие – все отложить и молиться. В самые

важные моменты службы я им говорила: подождите. А потом уже старалась по мере возрастания, чтобы они задавали вопросы или папе, или бабушке, чтобы для них неясностей не было и про службу, и про все.

– А на всенощную вы когда начинали водить?

– У меня не было различения всенощная, литургия. Когда меня отпускали, тогда и – слава тебе Господи! Что на всенощную, что на литургию. Ну конечно, подойти к елеопомазанию – это уже праздник. Мы как-то старались, чтобы любое посещение храма было праздником. И дети так сейчас внуков воспитывают. Сейчас сложнее, мне кажется, с детьми. Потому что сейчас такая свобода в обращении, что мне иногда и некоторые родители кажутся неуправляемыми. Ну, может быть, я просто уже старая становлюсь.

– Есть такая фраза «постить детей». С какого возраста?

– Во-первых, пост в широком смысле слова – это сугубо добровольное дело. Я это понимаю так: человек должен поститься с того момента, как он сам ощущает необходимость этого поста. То есть никакого насилия здесь не должно быть, тем более в том, что касается детей. У нас в семье с детьми вообще всегда

так было заведено. Естественно, когда груднички, маленькие дети, молочная пища необходима. Батюшка всегда благословение давал. Что касается мясной пищи, то когда посты, ее просто нет

в доме. И настолько с возрастанием дети к этому привыкали, что это было естественно. Нет мяса и не надо. А от молочной пищи отказывались уже сами по мере возрастания и по мере потребностей. Отец Николай всегда благословлял, чтобы дети к этому приходили сами, чтобы не просто пост ради пищи или пища ради поста. Все дети к этому по-разному приходили. Младшая уже с семилетнего возраста сама себе поставила, хотя даже батюшка иногда ее понукал: «Сегодня у тебя экзамен – поешь поплотнее, молочное». Нет. Ребенок уже сознательно пришел к этому отказу. Разным было и отношение детей к исповеди. Кто-то вдруг в пять лет говорит: «Мам, я хочу исповедоваться». Ну, пожалуйста. Как видите, мы старались оставлять детям свободу выбора. Обязаловки не было никогда.

– Что читать мальчикам, девочкам?

– То, что мы классику читаем, это естественно. А в плане духовного развития: появилась Библия для детей, наше классическое теперешнее издание. В моей молодости этого не было. Я читала старшим выдержки из Евангелия, а они не понимают. Приходилось, пока они еще были маленькими, пересказывать своими словами. Мы старались их развивать так, чтобы они в какой-то момент сами заинтересовались. Простой пример: допустим, идем в храм. После службы спрашиваю, о чем было Евангелие. Если батюшка после службы говорит проповедь на

тему Евангелия, в этот момент для детей какая-то ясность наступает и они могут ответить. Если же проповедь была на другую тему, то я сама или батюшка объясняли, как-то вразумляли. Но опять же все зависит от индивидуального восприятия ребенка.

– А отношение к телевизору?

– У нас так сложилось, что когда дети были маленькими, телевизора вообще не было в доме. И слава тебе Господи, что не было. Потому что, когда он появился, это уже был соблазн. Я уже не говорю о теперешнем развитии техники, интернета, виртуального общения. Но мы не ограничивали детей – семья у нас музыкальная, и у меня было очень много записей и классической музыки, и добрых детских сказок. Но потом, когда телевизор появился, началась та же песня, что и в любой православной семье. Ну, допустим, я строго оговаривала, что постом никакого просмотра телевизионных программ быть не может. Но

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

думаю, что когда что-то очень сильно запрещается, именно к этому ребенок будет стремиться. Говоришь по сто раз одно и то же – это и самой надоедает, и у ребенка вызывает отторжение.

– А что-то строго запрещать приходилось?

– Я старалась не доводить дело до каких-то категорических запретов. Во-первых, у детей очень развит дух противоречия. Чем больше ты будешь запрещать, тем сложнее будет. Если ребенок не хочет обидеть тебя непослушанием,

значит, он будет втихаря стараться сделать запрещенное, чтобы ты этого не знала. Конечно, в процессе воспитания, хочется вложить в них доброе, чтобы дети в любви росли. А приходится говорить, и говорить, и говорить, но не приказывать, потому что в приказном тоне они только начинают злобиться. Я иногда своим детям говорю: «Вам, наверное, уже мой голос надоел». Они смеются, сейчас уже взрослые стали. Но в принципе, конечно, да, путем вот этого, так сказать, занудного говорения и шло воспитание.

– А круг общения. Вы участвовали в формиро вании круга общения своих детей?

– Специально мы ничего не предприни мали. Всегда так получалось, что вокруг наших детей почему-то образовывался кружочек свое го общения. И мы старались, чтобы все друзья, с кем они общаются, с кем им интересно, быва ли у нас дома. Это было приятное молодежное общение. И мы всегда знали, с кем наши дети. Как-то в этом плане было спокойно. Никакого давления, что вот с этим полезно знакомиться, а с этим нельзя, не было. И я считаю, что дети должны общаться с разными людьми. Потому что, когда они еще под нашим, родительским крылом, мы можем от чего-то уберечь, но ведь они взрослеют и должны научиться делать выбор самостоятельно.

– Матушка, а какие советы молодым мамам вы могли бы дать?

– Важно, чтобы ребенок рос в любви. Но это так не просто, потому что основа воспитания – родительские взаимоотношения. Именно здесь дети должны видеть любовь и взаимоуважение. Дети видят твои глаза, когда ты разговариваешь с мужем, есть ли в них любовь. Они очень внимательно следят, как ты общаешься с людьми и стараются копировать. Пока они маленькие, надо стараться, чтобы они копировали только хорошее, чтобы это было естественно, ведь всякую ложь они ощущают мгновенно. И в молитвах надо просить, чтобы Господь послал тебе мирного любовного состояния духа.

– Кстати, о молитве: вечерние, утренние. Как это у вас строилось? Как дети начинали молиться?

– Начинали с какого-то минимума, потихонечку, пока они что-то могут воспринять, чтобы не устала голова. Сначала повторяли «Отче наш», хотя малышам это трудно дается. Вот элементарно: «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Ангеле Божий». Вот эти три основные молитвы. Пока они в состоянии их постичь. А со старшими уже немножечко побольше. У нас первый мальчик 1974 года рождения, потом уже девочка – 1977-го, и следующий мальчик – 1978 года. Трое практически подряд. А в 1985 году родилась самая младшая. Она уже сразу была в окружении более старшего поколения в этом смысле, потому что старшему было 11 лет.

– А бунты какие-нибудь были, когда детская вера подвергалась искушениям?

– Я понимаю, о чем вы говорите, и знаю, что так бывает. Это так естественно, когда ребенок возрастает, духовный поиск, тем более в переходном возрасте. Но Господь милостив к нашей семье. У нас не было таких проблем, поэтому я даже не могу вам что-то конкретное сказать на эту тему.

– Более простая ситуация: капризничает ребенок, не хочет идти в храм, что делать?

– И такого не было. Серьезно, честное слово. Для нас каждый поход в храм – это праздник. Они сызмальства любили, чтобы их как-то принарядили: бантики, рубашечки.

– А потом продолжение какое-то праздника?

– Нет, нет. Сейчас модно совмещать храм с последующим развлечением, но я считаю, что это неправильно. Нам это в голову никогда не приходило. Была служба, мы молились, потом шли домой обедать. Но, к сожалению, сейчас, я даже на нашем приходе многим мамам объясняю: нельзя, чтобы ребенок шел в храм только для того, чтобы его потом в «Макдоналдс» сводили.

– А что эта ситуация возникает?

– Все бывает. Я могу сказать, почему она возникает в данный период, это моя точка зрения. Для молодых женщин сейчас много послаблений. Хорошо это или плохо – другой вопрос.

Конечно, проще после службы зайти в кафе, накормить ребенка и идти домой, чем ломать голову, чем кормить и что готовить, когда придешь. Но, с другой

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

стороны, ребенок все меньше и меньше стремится к дому, отвыкает от домашнего общения, от традиции совместного воскресного обеда. Допустим, когда дети были маленькие, я знала, что если иду ко всенощной или литургии, то мне заранее надо приготовить трапезу какую-нибудь, к которой мы приходим со службы, чтобы накормить и спать уложить. Идем мы к обедне, значит, дома уже обед должен быть готов, чтобы не прийти и не начинать суп варить.

– А семейные обеды какие-то большие у вас бывали?

– Конечно, когда какие-то праздники, именины или дни рождения, батюшка старался как-то пораньше приходить домой. У нас когда папа дома, тогда и праздник. Но в основном большие праздники совпадают с церковными праздниками, и батюшка у нас очень занят. Конечно, старались отмечать какие-то даты, собирались и родня, и знакомые, близкие и друзья. Но многое зависело от расписания отца Николая.

– А вот проблема, когда приходится делить священника между приходом и семьей. У вас была ревность какая-то, переживания по этому поводу?

– Нет. В этой теме не должно быть разделения. Потому что если брак по любви, то никаких

страшилок, никаких вот этих разделений, что батюшка на службе, батюшка не дома, батюшка с детьми, батюшка вне детей, их нет. Вы просто вместе. Если сказать откровенно, то я себя никак не воспринимаю в каком-то отделении от отца Николая, так же и он. Сейчас, когда у батюшки такое множество послушаний от Патриарха, я стараюсь ему во всем помогать. Мы вообще по жизни все делаем вместе. Надо служить – мы вместе, дети – вместе, работа – вместе, музыка – вместе. Даже некоторые на это смотрят с недоумением: как это так, батюшка везде матушку с собой таскает! Но у нас не «таскает». Мы по-другому просто не можем.

– И что, это так легко всю жизнь у вас получается?

– Не могу сказать, что наша семья во всем пример и образец. Нет. Но милостью Божией между нами глубокое личное взаимопонимание. Я хорошо знаю, что в некоторых семьях бывают проблемы между матушками и батюшками. И чтобы сохранить или восстановить мир, здесь порукой только любовь. Многие спрашивали, как я понимаю слово «любовь». Я вам могу сказать честно и откровенно, что расшифровать это понятие какими-то словами я не могу. Это на столько внутреннее духовное чувство, что кому Господь его дает, те великие и счастливые люди. А когда этого нет, я думаю, что, молитвой этого можно

достичь. Потому что бывают разные браки. Иногда вполне светские молодые люди приходят к вере и вдруг решают идти в священнослужители, а их жены к этому не готовы. Потому что вот она была просто женой, а вдруг должна стать матушкой. Здесь есть серьезная основа для конфликта. Конечно, если ты любишь человека, то пойдешь за ним, не задумываясь. Но тут, мне кажется, очень важно поведение мужа, будущего священника. Оно должно быть не только просветительское по отношению к супруге, но и мягкое. Отец Николай семь лет до свадьбы меня просвещал настолько мудро и мягко, что я никогда не была лишена свободы выбора. До того момента, пока не поняла, что я действительно верующий человек.

Лилия Лобашинская

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)



Протоиерей Андрей Лобашинский (р. 1956) – настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Карижа (Калужская область), благочинный Малоярослa-вецкого округа. Преподает в Калужской духовной семинарии. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Лилия (Калисса) Лобашинская (р. 1959) окончила Московский государственный педагогический университет по специальности «логопед». Растит четверых детей.

Когда батюшку рукополагали, я стояла в церкви с розами, это было 19 декабря 1995 года на Николу зимнего, а дьяконом рукоположили на 14 октября на Покров. И вот ко мне подошла женщина и спросила: это вас рукополагают? Я ответила, да, нас. Именно такое чувство было – нас обоих…

Это было то самое неотвратимое событие, которого я боялась. У меня к тому моменту уже сложилось какое-то общее представление о том, что такое быть священником и что такое быть матушкой – мы были в Церкви не первый год. Однажды во время службы в Зачатьевском монастыре я поняла, что этот жизненный поворот вполне возможен, и просто разрыдалась. Я помню гульбище надвратного храма, по которому ходила и рыдала. Потому что огромная ответственность и полная перемена жизни не могут не потрясать…

Я родилась в простой московской семье: мама – служащая, папа – инженер… Когда мне исполнилось шесть лет, папа нас оставил, и мы с мамой жили вдвоем. Но воспитывали меня в основном бабушка с дедушкой. В то время рабочая неделя состояла из шести дней, выходной – только воскресенье. Мама заканчивала работу в семь, домой приходила к восьми – какое уж тут воспитание. Я жила с ними единственной внучкой, хотя родственников было много, и очень их любила. Детей у них было 10 человек – 8 человек осталось в живых, поэтому братьев и сестер двоюродных у меня было много, и еще тети и дяди. Детство у меня было счастливое. И баловали меня все.

Бабушка моя всю жизнь занималась только хозяйством и детьми, на всю семью зарабатывал дедушка. Она была очень аккуратной, опрятной хозяйкой, но, наверное, не очень хорошей воспитательницей. Потому что своих дочерей она даже не пускала на кухню. Когда они остались без бабушки, то не умели вообще ничего. Первые пироги, которые они испекли, было невозможно есть – они были черные. Она сама стирала, сама готовила. Вот и меня вырастили белоручкой. Если я делала какие-то дела по дому, то только по собственной инициативе. И мама меня не заставляла.

После школы я сразу поступила в Педагогический институт на олигофрено-педагогику. Нас готовили на логопедов вспомогательной школы широкой специализации. Институт был выбран совершенно случайно, но педагогическое образование мне впоследствии очень помогло с детьми.

А потом я познакомилась с батюшкой. Надо сказать, что это было довольно-таки случайное знакомство, просто мы оказались вместе в одной компании. Мне было чуть за 20, я была студенткой. А батюшка тогда работал художником-оформителем. Он меня старше только на три года. Какое-то время мы перезванивались, встречались. А потом наступил момент, когда мы поняли, что

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

обязательно должны быть вместе. И мы понимали, что это чувство нужно обязательно сохранять, потому что никогда с нами такого не было и вряд ли когда-то повторится. Мы сразу договорились, что будем это хранить несмотря ни на что, хотя понимали, что нас могут ждать разные испытания. Так это чувство и идет с нами через всю жизнь.

Наверное, у батюшки всегда была тяга к духовной жизни. Но тогда он еще не определился. Семьи у нас обоих были неверующие, а чему учили в школе и институте, понятно. Мы читали тогда всякую ерунду, то, что удавалось достать, конечно, малоправославное. Говорили с друзьями о вере и Боге, и некоторые из них уверенно утверждали, что духовный мир, безусловно, есть и жизнь пребыванием здесь не заканчивается. Я помню удивительный эпизод. Батюшка беседовал с одним человеком, кому доверял, и спросил: «Есть Бог?» А тот ответил: «Есть стул?» – «Да, есть». – «Вот так же и Бог – есть». Вот такое было своеобразное объяснение. Это, пожалуй, можно назвать робкими шагами к началу духовной жизни. А батюшка, как человек настойчивый, стал искать. Он довольно очень быстро сделал выбор в пользу христианства. Не ходил вокруг да около, как многие делают, а решительно принял Православие и очень быстро вошел в церковную жизнь. Стал интересоваться богослужением, оно очень привлекало его.

Я в то время работала в школе, была комсомолкой (тогда почти все были комсомольцами, от этого было никуда не деться), и за хождение в церковь меня просто могли выгнать с работы. Поэтому поначалу я немножко испугалась. Но я батюшку очень любила и понимала, что если сейчас по этой дороге с ним не пойду, то его выбор будет однозначным (и не в мою пользу, конечно). Это я почувствовала сразу. Поэтому я стала потихонечку за ним продвигаться. Я крестилась. Мы стали ходить в церковь вместе. Для меня это было очень ново и даже странно. После школы, вообще после той жизни, в которой Церковь была как бы на задворках. И действительно, бытовало такое представление, что Церковь – это место для старушек и неудачников. Старушек, и правда, было много, а вот мужчин – единицы. Мы ходили в храм Рождества Богородицы во Владыкино. Молодых людей там практически не было. Мы в основном общались с пожилыми женщинами, со старыми прихожанками этого храма. Когда ходили на Пасху, на праздники, то проходили через строй комсомольцев, ДНД и милиции. Было довольно страшновато, но нас, к счастью, ни разу не останавливали. Так мы провели не одну Пасху, а несколько лет…

У нас уже тогда родилась Маша, и мы крестили ее поздно, уже в четыре года. Это было так непросто: ты приходишь с паспортом, со свидетельством о рождении, все это записывается за ящиком и передается в исполком. Мне это

могло реально грозить увольнением, и потому мы искали церковь, где могли бы попросить нас не записывать. Тогда была такая практика в некоторых храмах, часть детей крестили официально, а вместе с ними крестили без оформления, власти смотрели на это снисходительно, это было удобно практически всем. Так Машу и крестили в храме Всех Святых на Соколе, без оформления. Такие же проблемы были и с венчанием. Священники боялись венчать молодых, а мне ведь тогда было лет 25, не больше. Но потом батюшка отец Димитрий (ныне покойный) из Владыкинского храма, решился совершить над нами это таинство. В тот день, когда мы венчались, служительницы дождались, когда все выйдут из храма, чтобы закрыть двери. Это не было таким красивым зрелищем, как теперь, – скорее, в этом была катакомбная атмосфера. На нашем венчании никого не было: ни родственников, ни знакомых, все было очень скромно. И конечно, у меня не было чудесного подвенечного платья, я была в обычной юбке и в красном повседневном свитере.

Батюшка поступил учиться в МГУ на факультет журналистики. Он учился на вечернем и работал художественным редактором в нескольких московских журналах. И несмотря на такую нагрузку, не пропускал практически ни одной службы в храме. Наши основные храмы были во Владыкине, в Удельной по Казанской дороге и храм Ильи Обыденного на Остоженке.

У нас был знакомый священник с очень трудной судьбой. Мы считаем его своим духовным отцом, потому что в церковной и духовной жизни воспитывал нас именно он. Он дал нам такой трезвый взгляд на церковную жизнь, может, даже критичный, безо всякого елея, но вместе с тем привил нам любовь к Церкви, к службе. Сейчас он не служит. И я не буду называть имена. Но мы ему очень благодарны, что он для нас делал очень много, как первый учитель первоклассника. Он заложил базу, основу, и теперь нам легко все оценивать, чтобы ни было. Между нашими семьями установились дружеские отношения, он знал нашу жизнь и поэтому от каких-то развлечений отсекал нас тоже постепенно. Так разумно, что я этого перехода как-то не заметила. С ним было все очень постепенно. Он говорил, что если в возрасте 10–11 лет ребенок возьмет Псалтырь, то это к психиатру. Все должно быть в свое время, складываться естественно, ничего не должно быть насильно. Мы старались сделать все это незаметно. Поэтому если в школе давали конфеты постом, то Маша их ела. Наверное, она страдала оттого, что ровесницы гуляют, а она должна выстаивать с нами длинные службы. Но она была девочка послушная. Бунтов никогда нам не устраивала. И Миша тоже. Потом уже Маша мне рассказывала в 16 лет, как она страдала… Эти юбки! Мы тогда зарабатывали по 100 рублей в месяц, купить что-либо было сложно, и одеть ребенка тоже

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сложно, поэтому мы пользовались гуманитарной помощью, которая поступала в церковь, и все ходили в обносках. Это приучало к смирению.

А когда мы снимали дачу в Красково, потом в Быково, то ходили в храм Успения. Чудесный храм деревянный, очень красивый. Как только дьякон заметил мужчину, который ходит на все службы, он пригласил его в алтарь, и батюшку благословили читать Апостол. Это было летом, потом, когда мы уже съехали с дачи, он стал приезжать специально, чтобы читать Апостол. Ему уже мало было стоять как прихожанину, он хотел именно участвовать в службе. Года два он так ездил.



Он уже отпустил бороду, и некоторые принимали его за священника. Когда мы приехали на Преображенку, ходили в храм Ильинский Черкизовский, одна девочка увидела его и как закричит: «Батюска, батюска!» Хотя я не могу сказать, чтобы он тогда специально думал о священстве.

А в храме Ильи Обыденного, куда мы тоже постоянно ходили, была своя особая атмосфера. Там мы познакомились с Варварой Васильевной Черной, которая потом стала монахиней Серафимой, игуменьей Новодевичьего монастыря. Ее

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

путь проходил у батюшки на глазах. Как-то постепенно и его стали спрашивать, не хочет ли он принять сан. Но наш духовный отец и в этом был как-то осторожен и не торопил.

Тогда я очень этого боялась, потому что я знала, что когда-то жизнь круто изменится. Это сейчас все вошло в свою колею, я привыкла.

Рукоположение повлекло за собой переезд из Москвы в Калужскую область. Я к тому моменту уже оставила работу, потому что Миша пошел в первый класс, и я решила, что буду заниматься ребенком.

Из Москвы уезжать было, конечно, тяжело. Вся сознательная жизнь там прошла, там все друзья, родственники. Все осталось в Москве. И старшая дочка тоже. Она год с нами прожила и уехала, поступила в университет в 1997 году. А Наташа с Ваней родились уже здесь. Мама и тетя, которая меня воспитывала, своих детей у нее не было, тяжело переживали отъезд. Я у мамы единственная, и тетя тоже во мне души не чаяла, но

у меня выбора не было. Сейчас, конечно, я привыкла. Здесь есть места, которые я люблю: это свой дом, церковь и несколько мест на природе.

Так получилось, что мы до переезда Малоярославец и рукоположения батюшки уже бывали здесь, на Кариже, приезжали на праздник Боголюбской Божией Матери, и нам очень понравился храм. У наших знакомых здесь был летний дом, и мы жили в нем первое время. А на лето съезжали, и надо было снимать квартиру. Когда у нас родилась Наташа и я приехала с новорожденной в только что снятый дом, у нас не было ничего: только кроватка, коляска, пеленки, пустая кухня. Приехала мама, и мы в срочном порядке закупали одеяла, подушки. Но дом оказался очень холодным, а мы еще не знали тогда, что с этим делать.

И вдруг мне сообщают, что нашему храму власти пожертвовали квартиру в городе. Я подхватила детское питание и ковшик – батюшка был в Москве, Миша в школе – и помчалась с малышкой на ту квартиру. Оказалась в абсолютно пустых стенах. Зато в тепле.

Первых двух детей мы вырастили по довольно жесткой системе: вечером в субботу и утром в воскресенье – обязательно в храм. У старшей, Маши со школой было сложнее, потому что тогда отпросить на такой праздник было невозможно. Вообще сказать, что ребенок ходит в церковь, было нельзя. А крестик мы зашивали ей в форму.

Миша очень любил ходить в храм. Если я могла проспать, то он меня будил. Потому зачастую ходили утром и вечером в Зачатьевский монастырь отдельно от батюшки. Это было еще в те времена, когда там только складывалась община матушки Иулиании.

Мы тогда жили только церковью: служба и больше ничего. У нас ребенок не знал что такое музеи, хотя нас родители в свое время бесконечно водили по музеям и по театрам. А мы считали, что церковь – это достаточно, и в этом ребенка можно вполне воспитать. И себя так же во всем ограничили.

Теперь таких строгих запретов у нас нет. На всенощную мы берем детей только по большим праздникам. А так они ходят по воскресеньям. Что касается развлечений, то я прочитываю все, что читают младшие, сама подбираю книги и фильмы. Но не по телевизору, только на видео.

Когда батюшку перевели на Карижу и мы стали со временем узнавать прихожан, у меня возникла идея – написать книгу. Просто записать воспоминания, потому что люди здесь удивительные. Старушки очень доброжелательные. Сначала большинство на приходе Карижа было намного нас старше, а сейчас стала появляться молодежь. Я думаю, что это батюшка такую создал атмосферу. Ведь когда мы только приняли храм, там вообще никого не было, даже сторожа, храм оказался пустой. И мы с батюшкой сторожили его. Тогда я в первый раз оказалась ночью в храме, и тогда впервые дети спали одни под присмотром уже взрослой тогда Маши. А мы сторожили, батюшка доставал где-то просфоры для богослужения, а я целый год стояла за ящиком. В Москве мы постились все более-менее свободно, то есть Великий пост с маслом. Так благословили – наш духовный отец давал всю нагрузку постепенно. Здесь же большинство постится строго по уставу. Масло постом едят только в субботу и воскресенье. И когда мы сюда приехали, батюшка сказал: не можем же мы поститься меньше прихожан! Конечно, не можем. В любом случае все эти проблемы мы благополучно обошли. И к нам отношение большей частью очень доброжелательное.

Меня приучили ответственно относиться к словам, думать, что ты говоришь, думать, как ты выглядишь. Контролировать себя каждую минуту. Здесь город маленький, внимание пристальное.

Анастасия Сорокина

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)



Протоиерей Александр Сорокин (р. 1966) – председатель Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви, ответственный редактор епархиального журнала «Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник», настоятель храма Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых в Санкт-Петербурге. Автор лекционного курса «Введение в Новый Завет. Христос и Церковь в Новом Завете», а также ряда статей и брошюр. Преподаёт в Санкт-Петербургской духовной академии.

Анастасия Сорокина (р. 1966) окончила регентское отделение Санкт-Петербургской духовной академии, регент храма Святых первоверховных

апостолов Петра и Павла при Университете педагогического мастерства. Растит двоих детей.

«Весь мир оставив за дверью…»

– Как у вас произошло знакомство с храмом и с церковной музыкой?

– Все это вошло в меня просто с младенчества, когда меня носили на службы мои бабушка и мама в Псково-Печерском монастыре. Естественно, я запоминала какие-то песнопения, в три года уже могла что-то спеть. Кажется, еще не пошла в первый класс, когда уже где-то пела. У нас дома всегда собирались дети, какая-то молодежь, со мной росла моя тетя – она старше меня на восемь лет, но с возрастом этот разрыв чувствовался все меньше и меньше. У нас были общие интересы, мы с ней много проводили вместе времени. Дома у нас устраивались концерты, спектакли, вокруг довольно много было верующих детей, многие приезжали тогда из Ленинграда.

– Расскажите, где вы выросли, в какой семье, какие занятия детства и отрочества оставили наибольшее впечатление?

– Я выросла в Печорах. На тот момент, когда я стала себя осознавать, моя семья состояла из бабушки, дедушки, их младшей дочери – моей тети, моей мамы и меня.

За Печорами, в Тайлово, есть небольшой храм, и там некому было петь. Служили там по-русски и по-эстонски, поскольку было много эстонского населения. И я пела в этом храме несколько лет.

На Пасху и на Рождество мы готовили концерты. На Рождество мы с друзьями ходили несколько дней по городу – славили Христа. Город маленький, поэтому всех знакомых мы обходили пешком за несколько дней. Это, конечно, незабываемые впечатления, потому что, с одной стороны, было очень весело, с другой стороны, это были не то что «умилительные», но довольно глубокие чувства для нашего возраста. Когда мы приходили в дом и в очередной раз начинали петь тропарь, кондак, рождественские колядки, многие люди, к которым мы приходили, начинали плакать, так их умиляло детское пение.

– И сколько же вам было лет, когда вы ходили по домам колядовать?

– Первый раз я пошла славить Христа, когда мне было три года, со мной пошла моя мама, а я хвостиком за старшими, это еще была компания моей тети, где все были старше меня. У нас был целый маленький концерт: мы пели песнопения,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

читали стихи – может быть, это было минут 10–15. И мы не уставали повторять из раза в раз!

Теперь я вспоминаю – и мне даже странно. Сколько я жила в Печорах – столько и ходила славить.

– Вы рассказываете удивительные вещи! Как будто жили в другой стране…

– Я думаю, что действительно жила немножко в другой стране. Во-первых, монастырь сохранил некоторую автономность благодаря тому, что до 1939 года это была территория Эстонии и там не успели закрыть монастырь и сделать всего того, что делали на остальной территории России. Там сохранился совершенно удивительный дух монастырский, там были старые монахи, был настоятель отец Алипий (Воронов). Когда много лет спустя я оказалась в Шеветоньском монастыре в Бельгии, то к великой своей радости почувствовала ту же атмосферу особой тишины. Все было очень просто и тихо. Сложно найти подходящее слово.

– «Благодатно»?

– Что такое благодать? Для меня это было состояние, когда тебе очень хорошо и ты можешь пребывать в этом вечно. И не хочется никаких перемен, а хочется, чтобы это состояние было всегда. Довольно часто меня в детстве посещало это состояние – в раннем детстве. С возрастом оно, конечно, улетучилось.

Потом я подросла и стала петь уже в монастырском хоре. Такая традиция была – пел смешанный хор в монастыре. Когда я была еще маленькая, регентом этого хора был Николай Александрович Вехновский, дедушка покойного митрополичьего протодиакона Алексия Васильева, который скончался несколько лет назад.

– В Печорах – корни вашей семьи?

– Нет. Бабушка моя из-под Рязани, ее отец служил священником в одном женском монастыре. После революции они оказались в Ташкенте. Так обстоятельства сложились, что он должен был бежать в Ташкент. Моей бабушке тогда было, может быть, лет семь или восемь, мама ее умерла, когда ей было всего два года. Прадед был вдовец, у него было семь человек детей, старшие могли уже более-менее сами устроить себя в жизни, а вот бабушка оставалась на его руках.

– Как звали вашего прадедушку?

– Михаил Степанович Вяземский. Его отец был диаконом, а его дед вроде бы служил врачом на Кавказе. Прабабушка тоже была из рода духовенства.

– Какова была его судьба в дальнейшем?

– Михаил Степанович в Ташкенте уже не служил, он работал бухгалтером на предприятии по утилизации кожаных отходов, подрабатывал часовым мастером. Однажды вечером (был день его Ангела) он возвращался от своей уже замужней дочери, было довольно поздно, и на улице его убили. Видимо, с целью ограбления.

Первого мужа моей бабушки (отца моей мамы) убили на войне. Она вышла замуж второй раз, но девичью фамилию не меняла, так и осталась Верой Михайловной Вяземской.

Ей было свойственно какое-то удивительное нестяжание, она все время все раздавала, и хотя в семье были какие-то хорошие вещи, они всегда уходили. Сколько дети моей бабушки ни пытались ее прилично одеть или создать в ее доме какой-то «элементарный уют» и достаток, у них ничего не получалось. У нее был дар все отдавать. Бабушка всегда была стержнем нашей семьи и, можно сказать, все были в подчинении у нее. Она человек очень обаятельный и при этом довольно властный.

– Это она решила ехать в Печоры?

– Нет. В 46-м и 47-м годах в Ташкенте были сильные землетрясения, бабушка очень напугалась, и их семья решила уехать. Какое-то время они жили в Казахстане, потом в Мордовии. В 59-м году моя мама приехала в Псково-Печерский монастырь к о. Сампсону (Сиверсу) за благословением на очень важный жизненный шаг. Они были знакомы уже несколько лет, еще с тех пор, когда о. Сампсон жил в Саранске. Но благословение мама получила совсем другое – остаться в Печорах и преподавать в сельской школе английский язык (мама закончила педагогический институт).

В Печоры мама влюбилась, как только сошла с поезда. Это был город с каким-то совершенно другим духом, с другим укладом. Поскольку долгое время это была территория Эстонии, там сохранился просто элементарный порядок, это был очень чистый, ухоженный маленький городок с маленькими скверами, парками и фонтанчиками, очень тихий и спокойный. Кроме того, монастырь с его тишиной, с такой ни на что не похожей церковной жизнью. Во всяком случае, для моей мамы это было просто откровением. Все эти обстоятельства послужили тому, что моя бабушка опять взяла все свое семейство, и они

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

переехали. Какое-то время моя мама была преподавателем в школе. Как классный руководитель, она должна была участвовать в общественной жизни и строить воспитательную работу в одном направлении: чтобы дети вступали в октябрята, в пионеры и в комсомольцы. В конце концов, она решила, что не может этого делать, и оставила школу. Она поступила в Ленинграде в Фармацевтический институт, стала фармацевтом и всю свою дальнейшую жизнь проработала в аптеке.

– В жизни верующего человека в советской стране чувствовалось противостояние государству? Было ощущение, что государство враждебно? Я понимаю, конечно, что это детские и юношеские годы и они в любом случае светлые, но вот как можно оценить ту ситуацию с сегодняшних позиций?

– Я выросла в этом противостоянии государству. Тогда я не совсем понимала, чем это было обусловлено, хотя всегда знала, что внешний мир «против Бога». Для меня и для моих монастырских сверстников это было главной причиной. То, что мы находимся в оппозиции тому миру, в котором мы существуем, в нашей семье тоже очень чувствовалось. В значительной степени это настроение пришло из окружения отца Сампсона, там оно постоянно присутствовало, т. к. за ним действительно присматривал КГБ. А для меня это ощущение возникло, когда я пошла в школу. Хотя мне было в каком-то смысле легче, потому что в моем первом классе нас было четыре человека из верующих семей.

– Как вы узнали, что вас, верующих, четверо в классе?

– Во-первых, Печоры очень маленький городок, все друг друга знают. И конечно, мы встречались, и общались, и дружили между со бой. Моя основная детская компания – это «монастырские дети», те, у которых центром жизни был монастырь. Мы там просто «ошивались» каждый удобный момент. Но с неверующими детьми я тоже дружила, среди них у меня были очень хорошие друзья. Мне всегда был любопытен «их мир».

– Храмовая жизнь ребенка – какая она была?

– Ходили на службу, да и все.

– Было ли ощущение, что на службу ходить тяжело? Или что вот вас всего четверо в классе, и вам нужно идти на службу, когда все остальные не ходят почему-то?

– Я с большим удовольствием ходила на монастырские службы. С детства их любила. И потом там всегда была возможность посидеть, и хотя нас, детей,

всегда за это ругали, и взрослые всячески с этим боролись, но мы и на улицу выходили, и там, на территории монастыря, на площади перед храмом у нас были свои «тусовки», свои интересы возникали. Все равно дети есть дети, у них всегда есть какие-то сферы пересечений, они всегда найдут общий язык – это естественно. Я не могу сказать, что мы были какие-то особенные дети или что у нас были какие-то разговоры церковные. Иногда – да, мы что-то обсуждали, например, нам вдруг стало интересно, кто такие старообрядцы, и вот каждый начал говорить, что знает, причем такие смешные вещи, кто что краем уха где-то слышал. А в общем-то у нас были совершенно обычные детские интересы: куклы, катание с гор на санях, купание…

– Какие воспоминания остались у вас об архимандрите Алипии (Воронове), архимандрите Иоанне (Крестьянкине)?

– Я кратко расскажу, начну с отца Алипия, потому что отец Иоанн все равно взаимосвязан с отцом Алипием. В конце концов, я своим благополучным рождением обязана его молитвам. Когда моя мама меня рожала, она много часов мучилась, были большие сложности. Медицина там была совсем уж провинциальная, и ей не могли помочь. И моя бабушка, которая сидела в роддоме у двери, когда мама уже вся исстрадалась, побежала в монастырь (это было часов в 8 вечера) попросить, чтобы молились. Она эту историю рассказывает каждый год в день моего рождения: как она вбежала в монастырь, уже служба закончилась, уже почти закрывали монастырские ворота, и она сказала привратнику: «Пустите меня, пожалуйста, у меня дочка никак не может родить, мне нужно попросить, чтобы помолились».

Прибежала к дому отца Алипия (это такой особняк в центре монастыря) и стала кулаками молотить по его двери и кричать: «Отец Алипий, откройте, откройте!» Он вышел недовольный и говорит: «Ну что ты тут раскричалась?» – он часто бывал таким шутливо-грубоватым. Бабушка говорит: «Отец Алипий, пожалуйста, помолитесь, помогите, потому что моя дочка никак не может родить». И отец Алипий сейчас же послал одного иеромонаха, отца Антипу (впоследствии архимандрита), чтобы открыли царские врата в Успенском храме, который на этой же Успенской площади, напротив его дома. Отец Антипа открыл царские врата в уже пустом храме, а моя бабушка побежала назад, в роддом, и когда она прибежала, то выяснилось, что все благополучно разрешилось. Я оказалась живой-здоровой, хоть и ужасно страшной.

На следующий день бабушка приходит в монастырь, отец Алипий ее встречает и говорит:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

«Ну, что, как твоя дочка, родила кого-нибудь?» – «Да, родила, все хорошо» – «Ну, а что же ты мне не сообщила? Я всю ночь молился, не знал, родила – не родила, а так бы спал спокойно». И с тех пор у нас завязалась такая дружба с ним, он ко мне очень хорошо относился. Всегда, когда я мимо него или он мимо меня проходил, он весело шутил со мной или конфеты мне давал, обязательно было очень веселое общение, мне очень нравилось. Я даже когда маленькая была, говорила: «Я когда вижу отца Алипия, у меня сердце смеется». Я хорошо помню это ощущение – мне всегда с ним было очень весело.

И конечно, мы на Рождество ходили в первую очередь к нему. Шли славить Христа, нас уже ждали, для нас было готово угощение, подарки. Потом в день Ангела его, 30 августа, мы тоже всегда готовили какую-нибудь концертную программу, собирались дети во главе с моей тетей – те, кто ходил в монастырь, и тоже шли с этой концертной программой его поздравлять.

Как известно, он был и иконописцем, перед своей смертью он мне подарил икону «Умиление» Псково-Печерскую, написанную его рукой. Мне было 8 лет, когда он умер.

Я была все-таки довольно маленьким ребенком, да и последний год его жизни, конечно, уже мало с ним виделась и общалась, но я хорошо помню, что мне в 7-летнем возрасте были интересны проповеди, которые он говорил. Других проповедников я не понимала, не улавливала, что говорят. А его мне почему-то было интересно слушать. И потом я очень любила, когда он пел, у него был очень красивый голос, во всяком случае, мне так казалось. И Великим постом «Да исправится молитва моя» они пели трио: он и еще два других монаха, или на Великом повечерии они пели на солее все вместе, братия: «Господи сил, с нами буди», и он был регентом, когда было пение великопостное.

Еще один для меня замечательный момент во взаимоотношениях с отцом Алипием (в свете того, что сейчас такие напряженные отношения с инославными): когда мне исполнилось 6 лет, отец Алипий сказал моей маме: «Вот есть такая органистка из лютеранской церкви (а в Печорах была и лютеранская церковь тоже), ее зовут Евгения Александровна, идите к ней, и пусть она учит Настю играть на фортепьяно». Эта органистка была моей первой учительницей музыки. Она привела меня в кирху и показала мне орган во всех подробностях. С тех пор я испытываю священный трепет перед этим инструментом. И я знаю, что она приходила в монастырь на какие-то православные праздники, они с отцом Алипием общались. На «западное» Рождество (25 декабря) всегда кто-то от монастыря ездил на службу, на рождественскую мессу, она была вечером, и мы тоже приходили туда.

Когда отец Алипий уже тяжело болел, незадолго до его смерти моя мама спросила его: «Отец Алипий, когда вас не будет, к кому же нам обращаться?» И он нас переадресовал к отцу Иоанну.

И после смерти отца Алипия мы с мамой приходили к отцу Иоанну. Это тоже удивительное общение было. Он был апостолом любви. Это не мои слова и не мое определение, я его повторяю за другими. Теперь, по прошествии времени, оглядываясь назад, я вижу, что это действительно так. У него был удивительный, уникальный дар любви.

Это понятие любви – его все по-разному понимают, и проявления любви у всех разные могут быть. А вот у отца Иоанна, на мой взгляд, эти проявления любви были совершенны. Он никогда не «сюсюкал». Невозможно словами точно передать, в чем же заключалась эта любовь. Хотя можно приблизительно сказать. Во-первых, он к себе невероятно притягивал людей. Всем просто хотелось к нему подойти под благословение, поздороваться, что-то спросить. Он всегда был настолько порхающий, настолько жизнерадостный, настолько веселый. Я знаю, многие люди приходили к нему с тяжелейшими жизненными проблемами, но уже в процессе беседы о непростой ситуации, этим людям становилось легче. Рядом с ним реальность преображалась. От него исходила невероятная жизненная сила. Он очень любил жизнь во всех ее проявлениях. Для него все было важно. И когда ты к нему приходил, то чувствовал – для него важен ты сам, вся твоя жизнь, что ты чувствуешь, что ты думаешь, что происходит вокруг тебя. Он внимательно слушал и просто все раскладывал по полочкам. Все эмоции, все чувства он отодвигал и призывал применять только разум. Призывал так: вот посмотри разумом – это так, это так, а это так… И как-то все просто становилось, когда разум включался.

Это исключительно мои впечатления, может быть, у кого-то все было по-другому.

– Вы сказали: приходили к отцу Иоанну. А как это происходило – вы приходили просто разговаривать или это было исповедью?

– Я приходила, когда у меня была потребность. Иногда на исповедь, иногда, когда у меня возникали трудности, может быть, в семье, или с друзьями, или что-то еще. Он мне сказал: «У тебя нет отца и тебе сложно, но в чем-то я тебе смогу заменить отца какими-то советами». И я знала, что всегда могла к нему прийти.

– А как насчет расхожего представления, что посещение старца – это «баня паки бытия»? У вас не такое было общение с духовником?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Самый главный мой опыт, который я вынесла из общения с ним, это отношение к жизни вообще, как к таковой. К тому, что происходит вокруг тебя. Я просто вспоминаю, как он относился к людям, как относился к реальности, которая вокруг него, и это для меня самое главное поучение в моей жизни.

В нем было очень сильное ощущение воздушности: его походка, его манера говорить, его жесты – он всегда обнимет, похлопает, расцелует. Вокруг него всегда жизнь кипела, толпа народу, и он всех успеет похлопать по плечу, обнять, что-то сказать такое веселое. Он шел и распространял вокруг себя любовь к жизни, восторг перед жизнью, которая его окружала. Однажды он при мне кому-то сказал: «Мне всегда кажется, что вокруг меня не люди, а ангелы живут». А тот человек на кого-то жаловался.

Это понятие «жизнь» – оно у него было не такое, как мы привыкли себе представлять: суета, проблемы и т. д., он сам, кажется, находился и жил на ином уровне. Все, что касалось неприязни к кому-то, агрессии – если ты оказывался рядом с отцом Иоанном, все это оставалось где-то там, далеко, вытеснялось. И у меня всегда было ощущение, что он очень большой, хотя я смотрю на фотографии – да нет, он всегда был небольшого росточка. Но было ощущение, что его очень много. Он действительно был по сути своей огромный человек.

– А он сильно отличался от других монахов?

– Да.

– Когда вы уехали из Печор, вы встречали еще в ком-то подобную радостность?

– Пожалуй, нет. Конечно, есть люди-весельчаки – но это совершенно другое. Он, конечно, был веселый человек, много шутил, и сам над собой шутил, мог себя и мартышкой обозвать, но это было не просто веселье.

– Обычно считают, что монах уходит в монастырь, так как мир ему не нравится, не хочет человек жить в миру, он ему неприятен. А вы говорите «любил жизнь». Это странный путь – из любви к миру избрать монашество.

– Вы знаете, надо уточнить, что значит «любовь к миру». У отца Иоанна была любовь к людям. Для него люди были просто дороги, они были ему не безразличны – любой, кто к нему приходил. И при этом у него был дар радостной любви, которая и распространялась на людей. У меня осталось такое впечатление, что он всегда был такой «порхающий» – как человек, который влюблен, а вот он всегда был таким. Потом, когда он стал уже совсем

стареньким, я мало с ним общалась, он очень сильно болел и очень ослаб физически.

– А монастырь изменился теперь?

– Да. Он, конечно, для меня очень дорог и полон каких-то моих воспоминаний, но после смерти отца Алипия он стал меняться и меняться, и теперь он совсем другой, не такой, как был в моем детстве и отрочестве. Теперь он мне скорее чужой, хотя архитектура, камни – они все те же.

– То есть люди другие – и монастырь другой. И не монастырь меняет человека, а человек монастырь.

– Все от людей зависит, конечно.

– Когда прошел этот период – и детский, и школьный, и встал вопрос, куда идти дальше, из каких соображений складывался ваш выбор?

– Для меня не было вопроса «куда мне идти?». Когда я заканчивала среднюю школу, открылся регентский класс в Ленинградской семинарии, куда поступила моя тетя, и поскольку я всегда пела, то я совершенно автоматически пришла туда, без всяких колебаний.

Мой дядя, отец Феодосии (Коротков), в то время уже закончил Духовную Академию и стал преподавать в семинарии историю Церкви.

– Где вы жили в Ленинграде?

– В общежитии, там давалось место всем иногородним студентам.

– Какие у вас были впечатления за время обучения?

– Первый год был очень счастливый. Было ощущение просто такого безоблачного счастья. Общежитие, пока ремонтировали старое здание, временно находилось на Таллинской улице. Мы каждый день к 8 утра ездили на утреннюю молитву в Академический храм. Но потом над нами сжалились и утреннюю молитву сделали в общежитии. Конечно, какие-то были неприятности, потому что все было ново. К четвертому классу я уже настолько устала, потому что это очень непросто – жить все время в закрытой системе и вариться в собственном соку. Переселившись на набережную Обводного канала, мы иногда неделями не выходили в город, сидели в своих четырех стенах: основное здание Академии, наше общежитие – домик во дворе, и двор Академии – маленький пятачок вокруг клумбы – вот все. Конечно, мы в город

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

выходили и что-то происходило в нашей жизни: какие-то концерты и т. д. Но, тем не менее, мы варились в этом котле, и это очень непросто.

Надо сказать, что в укладе семинарской жизни сохранялся дух, который насаждали митрополит Никодим и тогда еще архиепископ Кирилл (нынешний Патриарх), когда все себя чувствовали единой семьей. Конечно, внутри у нас были разные взаимоотношения, но, тем не менее, чувство, что мы близки, что мы родственны друг другу – было очень сильно.

– А многие тогда поступали на регентское отделение?

– По-разному. В самые лучшие времена (а я считаю, что я училась под конец «лучших времен») было 4 человека на место: брали 20, а поступали около 100. Еще нескольких человек брали «в резерв» – на кухню (на случай, если кого-то отчисляли).

– А откуда приезжали поступающие?

– Со всей России. Очень много было с Западной Украины в то время, и вообще с Украины, даже можно было сказать, что украинский дух был доминирующим. Были с юга России, из Сибири, с Дальнего Востока, иностранцы тоже были.

– Было ли чувство, что через такую семинарскую жизнь вы знакомитесь с ситуацией в Церкви в целом? И какое было впечатление от этого?

– Да, конечно. И мое впечатление было, что того, что дает Духовная школа, нет нигде. Во-первых, у нашего священноначалия была любовь и видение красоты самого богослужения. Богослужение – это был центр жизни Духовных школ. И нас научили любить, ценить, понимать церковное богослужение, и устав, и традиции церковного пения. Мне кажется, что из моего поколения выпускников нет людей, которые бы с равнодушием относились к тому, что они осваивают, это проникало в самые глубины души.

– Учась, вы уже знали, куда пойдете, когда закончите обучение? Ведь в то время во всех государственных вузах человек знал, что когда он закончит учебу, – государство его куда-то отправит. Вы же не в государственном учебном заведении учились – и это в советское время. Каковы были ваши ожидания?

– Тогда еще ситуация была другая. Во-первых, нужны были регенты – дипломированные, образованные. Это сейчас уже «рынок насытился», и потом, сейчас много регентов – профессиональные музыканты, но у них нет никакого

духовного, церковного, богословского образования. Тогда такие люди (профессиональные музыканты) не могли себе позволить работать в церкви, сейчас они запросто могут себе это позволить. И в то время, во всяком случае в провинции, во Пскове и в Печорах, это была очень востребованная профессия. К тому же церковь была в состоянии платить регенту зарплату – конечно, шикарную жизнь он вести не мог, но, во всяком случае, на том уровне жизни, к которому мы привыкли, он вполне мог существовать, а уровень у нас тогда был очень скромный.

– Куда вы пошли после регентского отделения и как вы познакомились с отцом Александром?

– С отцом Александром мы познакомились на этой же почве – церковного пения, любви к церковному пению. Поскольку я любила петь и была всегда в компании людей, которые любили петь, мы без конца что-то пели и в остальное время. Отец Александр тоже оказался в этой компании, потому что он тоже любил петь, вот мы так и подружились.

– Вы предполагали когда-нибудь, что станете женой священника?

– Иногда я думала об этом. И честно говоря, несмотря на то что я считаю себя человеком церковным, мне почему-то не хотелось быть матушкой.

В моих романтических мечтах рисовалось так: я закончу регентский класс, приеду во Псков. Во Пскове тогда правящим архиереем был владыка Владимир[4], я к нему уже заранее съездила, обозначилась у него: «Я из Вашей епархии, заканчиваю регентский класс, поступаю в Ваше распоряжение». Он ко мне очень хорошо отнесся, дал «конвертик» (это принято было – помогать студентам). Во Пскове тогда нужны были регенты, храмы уже вовсю открывались, Псков мне очень нравился, и мне очень хотелось самостоятельной жизни. Я очень долго жила под авторитарным началом – мне страстно хотелось свободы. Вот так я себе и рисовала свою жизнь, что я буду регентом во Пскове. Конечно, я допускала, что я выйду когда-то замуж.

Когда я заканчивала 4-й класс регентского отделения, отец Владимир Сорокин, будучи ректором Духовной Академии и семинарии, пригласил меня остаться в качестве регента второго смешанного хора, но я тогда на это не согласилась и поехала «трудоустраиваться» в Выборг. Я поехала не в Псков, потому что все-таки наши отношения с отцом Александром уже подразумевали то, что мы не расстаемся. В Выборге отец Назарий очень хорошо ко мне отнесся, и вообще меня там довольно радушно приняли, дали комнату в колокольне. Но уже через месяц мне пришлось Выборг покинуть. Для меня это было проблемой, так как

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

на меня там рассчитывали и мне там было очень хорошо. Но отец Владимир своей властной рукой благословил меня вернуться в Духовные школы.

– Сколько лет в общей сложности вы руководили хором в Духовной Академии?

– С двумя перерывами 10 лет. Через год я вышла замуж. Еще через год родилась Маша. В Духовной Академии произошли изменения. Когда я вернулась из Выборга, только-только начинали собирать детский хор, начала организовываться воскресная школа – это был 1989 год. После празднования Тысячелетия Крещения пошел такой бурный наплыв, очень много народа пришло в Духовную Академию, просто толпы. И я занималась с двумя хорами – вторым регентским и детским.

Я всегда очень много общалась с прихожанами Духовной Академии, у нас там была очень большая компания. Была такая давняя прихожанка – Наталия Юрьевна Сахарова, она скончалась не так давно. Очень интересная женщина была, из русских эмигрантов. Родилась во Франции, а потом, в 1950-х годах, они с мамой и братом вернулись в Россию. Муж ее – Игорь Васильевич Сахаров – является президентом Российского генеалогического общества. И вот эта женщина очень много сделала, она объединяла вокруг себя людей, создавала широкий круг внелитургического общения: всегда после воскресной литургии в Духовной

Академии (иногда в классе, иногда в коридоре, «на подоконнике») все собирались, доставали термосы, бутерброды и разговаривали – было воскресное общение компанией по 10–20 человек.

– Расскажите о первом свидании с будущим мужем.

– О первом свидании? У нас не было первого свидания. Хотя нет, оно было. Но я его тогда не восприняла как первое свидание. Наши взаимоотношения начались в автобусе, когда весь большой хор на двух автобусах поехал в Таллин праздновать 60-летие митрополита Алексия. Празднования были сначала в Петербурге, потом в Таллине. И вот в этой поездке, по-моему, первого марта, Саша и предложил, чтобы мы сели вместе. До этого дня мы были просто знакомы, близких дружеских отношений не было, просто «привет-привет, как дела», каким-то словом перебросимся, поскольку пели в одном хоре. А тут он просто говорит: «Давай сядем вместе». Мы сели вместе и было очень весело, потому что он читал Козьму Пруткова, потом Зощенко, что ли, читал…

– Наизусть?

– Нет, книжки с собой взял в дорогу, потому что дорога-то дальняя. И так он хорошо читал, что я хохотала от души. С чувством юмора у Саши было все в порядке.

В Таллине мы остановились в гостинице, прямо на побережье Финского залива, район назывался Пирита. Место довольно романтическое было, наши номера окнами выходили на пляж. Шум моря умиротворяющий… И вообще, весна будоражила – что-то такое, с одной стороны, романтическое, с другой стороны, что-то очень незнакомое витало в воздухе. Мы гуляли вдвоем по монастырю святой Бригитты, и было как-то очень хорошо. Мы как-то всегда оказывались вместе, садились в ресторане обедать за один стол, вместе проводили свободное время. А потом, когда вернулись из этой поездки, опять же однажды вечером Саша позвал погулять. Поскольку Духовная Академия расположена на Обводном канале, гулять можно было либо в парке, где все время вся семинария и Академия и регентский класс, либо на кладбище Никольском. Ну вот, можно сказать, что первое свидание у нас было на кладбище, и весь роман дальнейший протекал у нас на кладбище, потому что каждый раз, когда собирались идти гулять, мы шли гулять на кладбище.

– У меня тоже было первое свидание с моим мужем на кладбище, на Смоленском. Но в отличие от вас для меня это было слишком оригинально.

– А для меня это было совершенно нормально, потому что я с детства очень люблю кладбища. Когда училась в последних классах школы, меня иногда тянуло пойти погулять на кладбище. Просто у нас кладбище было очень ухоженное, эстонцы умеют создать уют. Поэтому я

иногда в хорошую погоду даже убегала с первых уроков и шла гулять на кладбище, это для меня было совершенно нормально. Тем более Сашино детство, поскольку он жил в Духовной Академии, тоже в значительной степени прошло на этом кладбище – Никольском. И предложение Саша мне сделал тоже на кладбище, но на другом. На Волковском, и это был праздник Благовещения. Мы поехали туда, сейчас уже не помню, честно говоря, почему. Наверное, я хотела найти могилу одной своей знакомой, и вот мы отправились в Благовещение на это кладбище. Была замечательная погода, голубое небо, пели птицы, распускались маленькие листочки на деревьях, и Саша сказал, что наши отношения надо закрепить.

– Так и сказал – такой фразой?

– Да.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– То есть какие-то слова – «я тебя люблю, любишь ли ты меня» – не звучали?

– Нет. В тот момент – нет.

– А вы что ответили на фразу «наши отношения надо закрепить»?

– Мне кажется, я ничего не сказала. Я промолчала, но положительно.

– Положительно промолчали? Очень православная реакция.

– Да. Честно говоря, я не помню, что я ответила.

– Сколько прошло времени после первого свидания до предложения?

– Месяц.

– А дальше как развивались ваши отношения? Вы готовились к свадьбе? Думали, как будет проходить само торжество? И сколько времени вы провели в статусе жениха и невесты?

– Прошел год в этом статусе. Но, честно говоря, в тот момент не было времени думать про свадьбу, потому что я заканчивала 4-й регентский класс, у меня сессия была на носу, я уже была довольно уставшая от учебы и от пребывания вообще в этой системе. И потом, наш хор готовился к концертной поездке в Швейцарию, и на это тоже сил уходило много. Так что через месяц после того, как в наши отношения была внесена какая-то ясность, мы с хором полетели в Швейцарию и провели там не меньше двух недель. Это тоже было сказочное время. До этого за границей я была только в Польше в 1987 году. Поездка была замечательной, Польша мне очень понравилась, жизнь там значительно отличалась от той, которая была здесь, в России, а Швейцария вообще показалась просто сказкой – такой яркой, цветной. Нас очень хорошо принимали в Швейцарии. В Базеле была Конференция европейских Церквей, и на эту конференцию от Русской Православной Церкви поехала очень большая делегация во главе с митрополитом Алексием (Патриархом Алексием), были представители и из Москвы, и наш хор во главе с Ириной Ивановной Ивановой.



– Сколько вам было лет?

– Мне было 23 года. Это был 1989 год. Нас провезли по Швейцарии, фактически по всем кантонам, мы пели концерты, а нам очень много всего показывали. Мы видели и Альпы, и луга альпийские цветущие (это было в мае), и средневековые замки, и аббатства. Было какое-то невероятное количество цветов и весенних ароматов – просто настоящий земной рай.

– Это закрепило ваши отношения с отцом Александром?

– Трудно сказать. Они просто развивались на фоне этих событий.

– Вы раздумывали: нравится вам этот человек – не нравится? Свои чувства пробовали как-то поверять, анализировать свой внутренний мир?

– Да, конечно. Но это было, конечно, еще до предложения, в самом начале.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– А какие мысли вас посещали? Вот я знаю, что многим, особенно православным, девушкам, очень сложно определиться именно в этом моменте, он становится для них практически камнем преткновения. Много есть хороших достойных молодых людей, но им самим трудно для себя решить, особенно когда есть правило, что предложение первым делает мужчина, а им для себя внутренне трудно решить: он мне нравится или нет и насколько он мне нравится? Эти рассуждения иногда бывают настолько запутанными и задачи неразрешимыми, что человек остается один на всю жизнь.

– Вы знаете, я в этом случае почему-то полностью отдалась течению обстоятельств. Безусловно, я думала в какой-то момент, что наши отношения уже входят в такое русло, что надо подумать серьезно, смогу ли я оставаться в этом русле. И я, честно говоря, не смогла дать сама себе ответ на этот вопрос, и я перестала думать. Я перестала думать и жила так, как несла меня моя интуиция, но это было довольно короткое время, а потом для меня все стало ясно.

– Вы ходили советоваться с духовником: выходить ли вам замуж за этого человека или нет и как себя вести?

– Я ходила к своему духовнику, к отцу Иоанну (Крестьянкину), но не столько советоваться, сколько получить благословение на свое решение, на наше решение. Потому что в какой-то момент поняла, что вот первый человек в моей жизни, с которым мне абсолютно комфортно внутренне. Очень легко, не говоря уже о том, что мне было с ним просто очень интересно. У меня не было никакого напряжения, и это для меня, собственно говоря, было, наверное, решающим моментом.

– Но вы одна поехали к отцу Иоанну (Крестьянкину), без своего будущего мужа?

– Сначала одна, а потом мы поехали вместе. И отец Иоанн с большой любовью принял Сашу,

он так ему радовался, так его обнимал, целовал, гладил, и так им восторгался! И Саша был тогда такой совсем юный мальчик – отца Иоанна это в такой восторг привело, что вот – перед ним стоит такой совсем юный человек.

– Отец Александр был тогда семинаристом?

– Он был семинаристом, да.

– То есть вам было уже понятно, что вы идете к тому, чтобы стать матушкой, раз ваш избранник учится в семинарии.

– Я как-то особенно не думала на этот счет, буду я матушкой или не буду.

– Каковы были ваши ожидания от семейной жизни. Многие хотят детей, любви, уюта и покоя семейного очага. А вы чего хотели?

– Мне хотелось, конечно, чтобы был свой очаг или угол – нечто свое, чтобы это был не родительский дом, с одной стороны, а с другой стороны, мне очень хотелось близкого друга, с кем можно было бы вместе чем-то восторгаться, в каком-то единодушии жить, делиться чем-то.

– Как происходило ваше знакомство с родителями будущего мужа? Или вы уже были знакомы?

– Ну, с отцом Владимиром я, естественно, была знакома, потому что была регентом хора, а он – ректором Духовных школ. Как-то я пришла к отцу Владимиру в кабинет по каким-то делам хора, и он меня спрашивает: «А что у Вас там с Сашей?» Я была тогда очень непосредственной девушкой и говорю: «Вообще, мы хотим пожениться, но вот надо еще к отцу Иоанну (Крестьянину) поехать и попросить его благословения. Если он благословит – мы поженимся». Почему-то мне не пришло в голову ничего более почтительного сказать. Отец Владимир строго сдвинул брови и сказал: «Ну, смотрите, берете на себя ответственность – сами будете отвечать», – ну, или что-то в этом роде, очень строго сказал. А маме отца Александра было труднее, он ведь действительно был еще юный мальчик, и ей, конечно, было тяжело свыкнуться с мыслью, что он вдруг женится, станет главой семьи, отцом семейства.

– А вы не чувствовали себя слишком юной для замужества? Сколько вам было лет, когда вы выходили замуж?

– Мы с отцом Александром родились в один год, то есть нам было по 24 года. Но я думаю, что в каком-то смысле я была взрослее его на тот момент, потому что девушки всегда созревают раньше.

– Может быть, вы ощущали себя более взрослой еще и потому, что жили самостоятельно, а не в родительском доме?

– Да, мне даже отец Александр сказал как-то: «Я тебе немножко завидую, потому что ты вела более самостоятельный образ жизни, а я этой

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

самостоятельности еще не имел, поэтому ты более взрослая, чем я», – в житейском плане я действительно была более взрослой.

– Как проходила ваша свадьба? Где вы венчались?

– Мы венчались в храме Духовной Академии. Нас венчал замечательный батюшка – отец Ливерий Воронов. Он венчал, кстати, и родителей отца Александра – отца Владимира с матушкой Анной. И как он утверждает, с тех пор он не венчал никого 25 лет, а через 25 лет он повенчал нас. Интересно.

– А почему вы выбрали именно этого священника?

– Выбрал отец Владимир. И вообще, в основном все устройство свадьбы взяли на себя отец Владимир с матушкой. А я думала только о своем наряде.

– Вы наряд покупали или шили?

– Я наряд не покупала и не шила – я надела наше семейное платье, в котором венчалась моя тетя. А сшила ей его старшая сестра. Платье было очень красивого фасона, но из абсолютно простой ткани – из батиста. Потом еще в этом платье венчалась жена моего двоюродного брата.

– А само свадебное торжество какое впечатление у вас оставило?

– Было три этапа, даже четыре. Была подготовка, съехались мои подруги, с которыми я училась в регентском классе. Особенно много сделала одна моя подруга (она сейчас в Таллине живет), она, можно сказать, собирала меня к венцу: наглаживала платье, делала мне прическу, в общем, очень заботилась о моем внешнем виде. Я жила тогда в общежитии регентского класса, у меня была комната, в которой мы жили с моей однокурсницей, ее оставили в качестве одной из помощниц инспектора по Регентскому отделению. Отец Александр пришел с друзьями меня «выкупать» из этого общежития, а там была, естественно, подставная невеста. Потом, поскольку довольно много училось девочек и мальчиков из Украины, они пели свадебные песни. Одним словом, бедные гости, которые уже стояли в храме, ждали очень долго, пока вся эта церемония продолжалась. Почему-то этот обряд выкупа, песен свадебных – он как-то сам собой получился, хотя я ничего про это не знала. Когда меня отец Александр вел по коридору, девочки выстроились в два ряда, провожая меня украинскими песнями. А само венчание прошло вообще как во сне, чувство реальности меня покинуло в этот момент.

– Кто держал венцы?

– Моя двоюродная сестра из Днепропетровска и родная сестра отца Александра, и еще были его друг и двоюродный брат. Две пары, они менялись во время венчания, потому что венцы держать тяжело. Пел студенческий хор, в общем, это была в значительной степени студенческая свадьба. Потом было большое застолье.

– А где оно проходило – тоже в Академии?

– Нет. Сняли зал в Доме актера (бывший Юсуповский дворец) на Невском проспекте.

– А где вы стали жить?

– Стали мы жить с родителями в Славянке.

– С родителями отца Александра?

– Да, и конечно, загородный дом, все это очень хорошо, на свежем воздухе, но меня тянуло просто с невероятной силой непременно жить отдельно. Потому что я себя очень несвободно чувствовала.

– Долго вы прожили с родителями? Когда удалось все-таки осуществить мечту всех молодых семей и начать жить отдельно?

– Мы прожили с родителями чуть больше двух лет. Там родилась наша Маша. Потом мы все-таки сняли комнату в коммуналке. Конечно, отцу Александру было очень тяжело из собственного дома за городом переезжать в комнату в коммуналке. Но все-таки уже назрела необходимость в самостоятельной жизни.

– А сколько времени прошло от того момента, как вы поженились, до того, как вы стали матушкой?

– Прошло полгода.

– В вашем представлении, есть разница быть просто женой и быть женой священника?

– Есть, конечно.

– А в чем она?

– Поскольку я толком и не была женой несвященника (первые месяцы я еще была в таком состоянии, что в голове у меня был какой-то сумбур), то я не могу

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сказать наверняка. Мы долго привыкали к тому, что он муж, а я жена и что мы семья. Наше сознание очень долго к этому шло. Но интуитивно я чувствую, что если бы я задала себе такой вопрос, есть ли разница, то ответ бы был, конечно же, есть. И в первую очередь для меня она в том, что нужно делить мужа еще с кем-то, смириться с тем, что он мало бывает дома, давать ему свободу гораздо большую, чем хотелось бы тебе. Кроме того, окружающие люди матушек оценивают более критично, нежели обычных православных женщин.

– А в этом свете, в чем главная трудность, или, говоря «православным языком», главный соблазн и искушение жены священника?

– Не знаю. Мне кажется, что в нашей ситуации это был все-таки не главный вопрос – трудность положения матушки. Потому что мы с отцом Александром из одной среды – семейный уклад не слишком-то отличался. А вся трудность была в привыкании, в притирке друг к другу, и, конечно, были трудности с маленькими детьми.

– Как вы думаете, в чем состоит роль жены первые годы семейной жизни? К чему больше всего должна стремиться жена и чему она должна научиться в первую очередь? Допустим, молчать, или, наоборот, давать советы, или готовить…

– Мне кажется, что все это очень индивидуально. Конечно, есть вещи, которые должен исполнять каждый супруг. Муж, наверное, должен больше на себя брать заботу о зарабатывании денег и вообще об обеспечении семьи, жена, конечно, должна в большей степени заботиться о домашнем очаге. Это нормально, это не обязательно относится к священнической семье, это вообще в принципе такой сложившийся уклад семейной жизни. Хотя, конечно, я считаю, что и жена по возможности должна чем-то мужу помогать, и муж в основных обязанностях жены тоже должен какую-то помощь оказывать. Потому что иногда бывает просто тоска смертная оттого, что каждый день одно и то же: посуда-стирка-уборка, посуда-стирка-уборка, и еще заботы о каких-то школах, еще о чем-то, это ужас какой-то, когда каждый день одно и то же, и вот так беспробудно.

– В вашей семье в какие обязанности жены входит отец Александр, что он делает, в чем участвует? А в какие его дела входите вы?

– Откровенно признаться, я-то ему гораздо меньше помогаю, так, иногда что-то по мелочи. Ну, и он, в общем-то, тоже так. Но иногда он помоет посуду или что-то уберет.

– А приготовить что-нибудь? По выходным? Не бывает?

– Нет, такого не бывает. Иногда, очень редко – да, он что-нибудь может приготовить. Пожарить картошку.

– Очень редко, но в связи с чем?

– Когда меня дома нет, а ему надо что-то поесть. И тогда он поможет мне приготовить себе еду.

– А у вас бывают такие ситуации, что «все, не могу больше», до того быт семейный заел?

– В основном, знаете, меня убивает вечером гора посуды или вот неубранная кухня. И иногда отец Александр берет на себя этот труд.

– Чтобы сгладить какие-то настроения своей жены?

– Да. Почему-то именно грязная посуда вечером на меня страшнее всего действует.

– А вот такой вопрос, который очень часто характеризует, кто в семье главный: деньги у кого?

– Как-то так случилось, что еще до свадьбы было ясно, что деньги будут у отца Александра. Это как-то так само собой получилось. Еще в Швейцарии.

– То есть это связано с тем, кто лучше умеет их тратить, более разумно?

– Отец Александр в глубоком убеждении, что да.

– А как у вас строится семейный бюджет? Как распределяются деньги в семье?

– Как распределяются деньги? Я получаю деньги на расходы на неделю.

– На такой ограниченный срок?

– Да, потому что отец Александр считает, что у меня есть такая слабость: как я только получаю деньги, у меня сразу рождается масса идей. Поэтому он, во избежание неприятностей, ограничил, и все.

– Вы сказали – большая сложность делить мужа-священника с кем-то. Понятно, почему это происходит, во-первых, у священника есть неотменимые обязанности, и у него есть чада духовные, которые тоже на него претендуют. Бывают ли сложности, когда домой все время звонят, требуют к себе

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

внимания, отрывают от семьи? И вообще, создают ли проблему для семейной жизни духовные чада мужа? Ведь семейная жизнь – это частная жизнь, а тут вот такое…

– Скорее, в нашей семейной жизни создают проблемы не отношения с духовными чадами, а обязанности отца Александра по приходу, потому что они забирают у него вообще все свободное время и все силы. Так сложилась его священническая деятельность, что он занимается не только служением и храмом, но и издательством. Есть священники, которые больше занимаются духовничеством, но вот у отца Александра все-таки упор на другой род деятельности.

– Есть такое представление о семье, что это такой как бы тыл, или это место, куда вечером можно «слить» все, что у тебя накопилось за день, и как-то опереться на кого-то, кто безусловно поддержит. У вас какая семья в этом плане? И вообще, что такое семейная любовь? Кроме совместного проживания, воспитания детей и обустройства совместного очага, в чем состоит любовь в семье, любовь мужа и жены?

– Это очень сложный вопрос, в чем состоит любовь. Я думаю, что я даже не готова на это ответить, потому что, мне кажется, мы еще мало прожили для того, чтобы по-настоящему отвечать.

– А сколько вы уже прожили вместе?

– Мы прожили 19 лет. Так вот, что касается вопроса о том, что семья – это место, где можно «разрядиться»…

– Это так?

– Да, конечно, безусловно, можно «разрядиться», только что потом? И смотря как «разрядиться». Какой-то период времени у нас был тяжелый и все бывало, но потом мы пришли к такому мнению, что дом, семья – это место, которое надо очень беречь, весь внешний мир оставив за дверью. Иначе, если приносить весь негатив, можно очень быстро разрушить семейный мир, и, конечно, этого делать нельзя ни в коем случае. Да, иногда настолько нагорает, накипает, что срывается человек, но все-таки это иногда, не каждый раз. Семья – не мальчик для битья.

– Да, это я тоже очень чувствую по своей семье. Я прихожу и говорю: у меня сегодня было плохого вот это, это и это. Ой, я забыла, еще и вот это. Муж

говорит: а у меня было сегодня вот это, вот это и вот это. На этом заканчивается разговор. Но ведь понятно, что все не то.

– Конечно, с другой стороны – надо же и выпустить из себя пар. Но, наверное, со временем приходит жизненный опыт, и ты уже понимаешь, как это сделать, чтобы не травмировать никого.

– Но нужно стремиться к тому, чтобы этот опыт пришел, нельзя просто оставлять как есть.

– Конечно.

– А вы ссоритесь?

– Да, конечно.

– А как миритесь?

– Ну, по-разному.

– А кто первый?

– Тоже по-разному. Все по ситуации.

– А если вы не согласны, то как действуете, чтобы привести несогласие к какому-то позитивному результату?

– Раньше, по молодости, мы копья ломали со страшной силой, а потом как-то пыл прошел и на многие вещи смотрим проще. Жизнь и так тяжела, друг друга надо беречь. В этом и есть процесс «притирки», в котором все само собой разрешается.

– А как же распространенное мнение, что в православных семьях жена должна всегда уступать мужу, ничего не доказывать, сомнений не высказывать, и даже если она не согласна, ничего не говорить, а продолжать помешивать суп?

– Но это было бы тогда положение не жены, а рабы. А если супруги равны друг с другом, то такого не должно быть. Когда один господин, а другой раб, то тогда это уже не супружество.

– Давайте теперь про детей поговорим. У вас их двое – мальчик и девочка.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Старшая дочка Мария, ей 18 лет, очень хорошая девочка. И маленькой была замечательным ребенком! Очень спокойным, на редкость спокойным, покладистым. В роддоме детская комната, где лежали все дети, была за стенкой моей палаты, и вдруг я слышу, что в детской палате, где явно нет никого из персонала, все дети кричат (там дети фактически все плачут почему-то). Начинаю вслушиваться, пытаюсь поймать голос своего ребенка, боюсь, а вдруг моя девочка тоже плачет. Тихонечко подхожу, заглядываю и вижу: действительно, все дети плачут, кроме моей – она лежит и спокойно рассматривает белый потолок.

– То есть ее не увлекает чужое поведение?

– Да. И я считаю, что мне очень повезло в этом отношении, с ее таким спокойствием, потому что я поначалу с ужасом думала о предстоящих бессонных ночах. Честно говоря, мало была готова к таким подвигам. У меня после пребывания в Духовной Академии и после моего регентства накопилась очень большая усталость, и поэтому, видимо, Господь меня миловал и дал мне очень спокойного ребенка.

– Какова разница в возрасте у ваших детей?

– Три с половиной года. Разница, конечно, не очень большая, но все-таки Маша уже была нянькой Пете, во всяком случае, я оставляла Петю на ее попечение и она довольно строго за ним присматривала. Петя до сих пор вспоминает такой момент. Они еще спали в одной комнате на двухъярусной кроватке. Петя уже разговаривал, было ему чуть больше двух лет, Маше уже было соответственно 5,5–6 лет, и в то время она все время играла в принцесс. Ну а Петя, естественно, поскольку общался в основном только со старшей сестрой, проявлял схожие интересы. И вот он однажды ей говорит вечером, когда они легли спать: «Маша, давай играть в принцесс», – на что Маша ему очень строго ответила: «Мальчики принцессами не бывают!» И ему так стало обидно, и вообще, он почему-то запомнил это на всю жизнь, что сестра так строго отрезала: никаких принцесс тебе, ты мальчик, и все!

Петя родился очень болезненным. Потом, наконец, закончились наши бесконечные переезды – мы очень много раз переезжали, просто невероятное количество раз, пока мы не осели в нашей квартире на Васильевском острове на первом этаже на целых 10 лет. И наша жизнь начала входить в русло, уже более или менее похожее на стабильность.

– Понятно, что когда рождаются дети, то первые трудности – это трудности бытовые. А потом? Вот есть мама и есть папа, у них есть

обязанности, но есть и их взгляды на то, как детей нужно воспитывать, тем более что это дети священника – опять же особый статус.

– Вы знаете, по поводу воспитания я постоянно находилась в состоянии растерянности. Перед рождением Маши я начиталась доктора Спока и мне казалось, что у меня сложилось ясное представление о том, как воспитывать ребенка: надо быть строгой. Но потом я поняла, какая это невероятная чушь – воспитывать строго. Ребенка в первую очередь надо воспитывать любовью, не сюсюканьем, конечно, и не потаканием. Надо понимать, что ребенку трудно. Но вот я так сейчас говорю, а в реальности, конечно, все гораздо сложнее, в моей, во всяком случае. Сейчас уже в голове сложилось такое представление о воспитании, что родитель должен все-таки сопереживать своему ребенку и преодолевать все вместе с ним. То есть не отдавать приказания, а помогать или хотя бы помогать в начале чего-то, начинать что-то делать вместе с ребенком. Я думаю, что самый правильный метод воспитания – это то, как Бог относится к нам, как Он нас воспитывает, какими методами.

– А как это узнать? Из чего это видно?

– Каждого человека Бог по-своему воспитывает. Если вы задумаетесь и посмотрите на свою жизнь, то вы увидите, куда вас вел Бог и как вы не слушались или, наоборот, слушались Его.

– То есть в своей собственной жизни нужно искать какой-то пример?

– Я думаю, что да.

– У вас мальчик и девочка. Есть разница в воспитании?

– Разница в том, что мальчику все-таки должен больше внимания уделять папа. Маме очень сложно воспитать из мальчика мужчину, потому что мама всегда склонна побаловать. Дочку можно, конечно, побаловать, а мальчика опасно баловать.

– А чем опасно?

– Опасно тем, что мальчика проще разбаловать.

– В чем роль отца в воспитании и в чем – матери и как вы в вашей семье это реализуете?

– У нас в этом нет четкого разделения, у нас – как получается. Потому что отца Александра, понятно, целыми днями дома нет, он приходит усталый. Ну, иногда

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

они с Петей что-то обсуждают или немножко играют. Если отец Александр засыпал от усталости, Петя ему спину разрисует чем-нибудь. Вот и все.

– А как происходит выбор занятий для детей? Ведь все равно зачастую это навязывание со стороны родителей? Сын у вас занимается пением. А дочь уже в таком возрасте, когда профессию выбирают. Как это происходит?

– Я думаю, что во всех семьях по-разному. В нашей семье все как-то очень непросто было. Потому что, с одной стороны, я боялась заставить делать то, к чему ребенок не склонен, а с другой стороны, мне казалось, что я все-таки должна проявлять определенную строгость, потому что ребенок еще не в состоянии сделать выбор. Конечно, родители видят, к чему у ребенка есть склонности. Но, честно говоря, у нас все происходит «методом тыка».

– А дочка ваша уже определилась со своим профессиональным будущим?

– Трудно сказать. Она поступила в Банковский институт, но я думаю, что это все-таки не дело ее жизни. Это просто часть жизни, ремесло, которое даст ей возможность просто себя материально обеспечить.

– Как будет называться ее профессия?

– Факультет называется «Банковское дело и кредит». Я, честно говоря, не особо разбираюсь в этой сфере. Вероятно, можно сказать, что это экономическое образование.

– А как насчет желания родителей, чтобы дети повторили их путь?

– Нет никакого желания.

– И никогда не было?

– Нет. Чтобы повторили путь – нет.

– Ну, допустим, дочка стала бы регентом, сын – священником.

– Не знаю, у меня не было такого желания. Хотя, конечно, я вижу, что у Пети есть музыкальные способности… У Маши тоже есть музыкальные способности, просто, к сожалению, еще в музыкальной школе ее немножко перетрудили с музыкой, а в ней есть такое качество: она может быть очень послушной до какого-то момента, а потом становится очень упрямой. Видимо, когда что-то где-то пережмешь… Она занималась на флейте, и у нее неплохо получалось, и преподавательница, конечно, слишком ее загрузила разными концертами. А

Маша человек очень выдержанный и спокойный – внешне. И она послушно ходила на все эти концерты, несмотря на то что очень сильно волновалась и для нее это каждый раз был большой стресс.

– Ваши дети обращались к родителям, к маме, к папе, с вопросами о том, что у них возникают какие-то сложности в жизни в связи с тем, что они – дети священника?

– У Маши были сложности, но даже не потому, что она дочь священника, а потому, что она входила в этот мир, который, в общем-то, часто был ей непонятен, и что-то приносило ей страдание. Не могу сказать, что мы очень часто говорим на эти темы, но чаще всего эти разговоры возникают в результате каких-то непростых обстоятельств. А так, чтобы сесть вечером и методично обсуждать – такого у нас не бывает.

– Вы говорите детям: «Вы – дети священника, ведите себя соответствующе»?

– Я стараюсь их этим особо не загружать, потому что знаю, как отцу Александру было тяжело в детстве, да и в юности. Ему было очень тяжело даже в своей среде, потому что его отец был ректором, а он был семинаристом. Одним словом, такое положение его угнетало. Я даже очень хорошо запомнила, как однажды он после наших первых таких с ним встреч, общений – это не было близкое знакомство, но мы перебрасывались фразами, и у меня сложилось о нем мнение, что это довольно остроумный и веселый молодой человек. И вдруг в коридоре Академии я увидела, как он, весь сжавшись, быстрым шагом, ни на кого не глядя, идет по коридору. И я спрашиваю у ребят: «Слушайте, а что, у Саши Сорокина что-то случилось? Что это у него за вид такой?» А мне ребята говорят: «Да нет, он всегда такой». Я так удивилась. У меня была абсолютная уверенность, что у него что-то случилось, настолько он был не такой какой-то, в себе, с отяжелевшим лбом. И потом он мне неоднократно говорил, что ему было тяжело в Академии, он не чувствовал себя свободно. И я очень боялась, что такая же ситуация повторится у моих детей: дедушка – священник, папа – священник, это будет на них давить. Мне бы этого очень не хотелось. Но все-таки приходилось иногда им говорить, что они не должны себя как-то так вести, не должны позорить семью.

– В вашей семье тоже ведь есть священники. Недавно скончался архимандрит Феодосии (Короткое), ваш дядя. Как он повлиял на вашу жизнь? И вот то, что вашу семью тоже можно назвать священнической, – как это повлияло на вас, на ваш характер, скажем?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– На характер? Трудно сказать, как это повлияло на мой характер. Во всяком случае, отец Феодосии для меня имел очень большое значение, особенно в детстве, поскольку я очень рано осталась без отца. Отец Феодосии – это брат моей матери, и он очень много мне уделял внимания. Я была маленькой девочкой, и для меня это было очень много. Он мне рассказывал какие-то интересные истории из своей жизни, играл во что-то со мной, иногда мы даже танцевали с ним, он рисовал со мной, поскольку был архитектором, он и меня к этому подвигал – чтобы я села, порисовала что-то. Привозил мне книжки и читал их мне, всегда очень тепло ко мне относился, и я всегда чувствовала его понимание. А потом, когда я стала постарше, а он увлекался историей, мы время от времени ходили в какие-то походы, приезжали его московские друзья, и у него всегда была какая-нибудь идея – найти интересные развалины где-то, мы собирали рюкзаки и шли куда-то с ночевкой. Это было для меня очень значимо. Тогда он еще не был монахом, у него была жена и сын. Сейчас сын его тоже умер, он умер даже раньше его на три года.

– Есть ли у *вас чувство, на вашем личном опыте основанное, на опыте ваших детей, что священническое происхождение все-таки осложняет жизнь человека?*

– У меня такого чувства нет, что это осложнило мою жизнь. Нет, совсем нет. Наоборот. Хотя когда отец Феодосии стал монахом и священником (просто так в жизни очень часто бывает, так расходятся как-то жизненные пути), тех близких взаимоотношений, которые были в детстве, к сожалению, не стало. У отца Феодосия тоже было много забот и хлопот, хотя все равно, конечно, я чувствую, что внутреннее тепло мы друг к другу, безусловно, сохранили, несмотря на то что уже очень мало общались. Архимандрит Феодосии скончался совсем недавно, он похоронен в пещерах Псково-Печерского монастыря. Отпевали его вместе со схимонахом Пименом, и в этом было что-то очень приятное – что они вдвоем, вместе уходят, и братия их провожает, вносит в пещеры под праздничный, торжественный звон печерских колоколов. В этом, конечно, такая поддержка и такая сила дается тем, кто остается. Монашеский чин отпевания, он, с одной стороны, суровый и длинный (хотя мне почему-то он показался совсем не длинным в этот раз), а с другой стороны, есть ощущение, что все равно все живы – и те, кто остался на земле, и те, кто уже ушел, чьи тела отнесли в пещеры, – все равно у них есть какое-то постоянное общение.

– А как детям рассказывать о таких реалиях, как жизнь и смерть? Есть у *вас такой опыт со своими детьми?*

– Иногда, конечно, я им говорю, стараюсь говорить о жизни и о смерти. Я уж и не знаю, как так получилось в моем детстве, кто меня так воспитал, наверное, в большей степени бабушка, но я помню, когда была маленькой девочкой, во мне жило ощущение, что в любой момент может прийти Господь, Страшный суд. И почему-то я совсем не думала о своей смерти, думала, что в любой момент может наступить конец мира. В какой-то момент моего детства я очень много об этом думала, особенно ложась спать. Я, наверное, к этому привыкла до такой степени, что теперь у меня может быть даже и неоправданно легкое отношение ко всему этому.

– Как нужно ребенка вводить в храм? Для большинства православных семей это сводится к вопросу: заставлять на службе стоять или не заставлять? И заставлять или уговаривать? Есть у вас такой пункт в воспитании?

– Конечно, он возник в какой-то момент. Меня воспитывали довольно строгим способом. Я должна была ходить на службы и стоять. В этом есть и положительный момент и отрицательный. Но это мой опыт такой. Отец Александр не склонен к такому типу воспитания детей, хотя, конечно, ему тоже приходилось выстаивать службы. Но он считает, что надо какую-то меру соблюдать, «таскать» ребенка на службы он считает неправильным, это приводит не к тому результату, которого ожидали родители. Скорее, это ребенка просто развратит. В определенный момент ребенку надо давать и свободу, и надо понимать, когда ни в коем случае нельзя через силу заставлять ребенка ходить в храм.

Но вот все равно в нашей жизни было такое, что была какая-то такая установка, что да, дети едут на службу. Но так получалось, что они просто с отцом Александром сюда, в храм Ново-мучеников, ходили и фактически здесь выросли. Когда были маленькие, они довольно много с папой приезжали сюда на службу, но потом наступил такой момент, у Маши в первую очередь, когда ее начали посещать сомнения. И я, конечно, очень переживала и была в растерянности: «Что делать?» А отец Александр меня успокоил, сказал, что это совершенно нормально, и очень хорошо, что в этом возрасте приходят сомнения, надо оставить ее в покое, и если она не хочет ходить на службу – пусть не ходит. И он был абсолютно прав. Потому что, конечно, чему-то научить, что-то показать – родители могут. Но вселить веру в душу ребенка, дать веру – может только Господь. А родитель своей властностью может только все испортить.

– Исходя из вашего опыта, скажите, в каком возрасте и на какую часть службы можно приводить или даже приносить ребенка в храм?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Я носила на все части службы, и пока ребенок выдерживал, пока не капризничал – я стояла на службе. Но они довольно все-таки смирно себя вели.

– А дома нужно «ставить» ребенка на молитву утром-вечером? Как выбирать молитву для ребенка?

– Только вместе молиться. Я считаю, что заставлять ребенка «стой и молись» нельзя, до этого надо ребенка научить молиться, надо ему что-то объяснить и вместе с ним помолиться.

– А как это сделать?

– Просто вечером зажечь свечечку или лам-падочку, почитать молитвы, что-то обсудить, вместе о чем-то помолиться.

– Как вы считаете: ребенку нужен сразу молитвослов или сначала свои, детские молитвы?

– Я считаю, ребенку, безусловно, надо привить какой-то навык, чтобы он понимал, что он делает и, конечно, чтобы он не боялся молиться своими словами. Вот у меня долгое время был страх молиться своими словами, мне казалось, что я могу к Богу обращаться только уставленными фразами, а сама ничего не могу. Но когда я читаю эти фразы, я очень много говорю не от сердца. И маленькая я чувствовала, что я не от себя их говорю, хотя я их понимаю. Это делалось только потому, что «так надо», и все. А вот то, что из твоего сердца идет, о чем ты хочешь у Бога попросить, – это совсем другое, и надо, мне кажется, ребенка научить молиться так, чтобы он мог сказать Богу то, что у него в сердце.

– Детские жития святых, Библия для детей, молитвослов для детей – обычный набор православного воспитания, на ваш взгляд, как это много дает ребенку и нужно ли это ему?

– Не знаю, мы своим детям читали детскую Библию, картинки смотрели. У отца Александра много было всяких детских Библий, я помню, у него одна такая красивая, правда, на английском языке, толстая детская Библия, с яркими иллюстрациями, и мне они так нравились, я все хотела, чтобы Маша ее посмотрела, а Маша страшно боялась этих иллюстраций и ни за что не хотела смотреть.

– Все дети воспринимают то, чему их учат. Одного родители учат одному, другого – другому. И все дети играют вместе, и играют в то, чему их учат.

Были ли такие моменты, когда ребенок начинает играть в святых, в церковь, как к этому относиться?

– Я думаю, что все дети, которые бывают в храме на богослужении, начинают служить и в своих играх. Во всяком случае, я много раз такое слышала. И мои дети то же самое делали в определенном возрасте, до 7 лет где-то. У Маши был хор из каких-то зверушек, плюс туда бабушка должна была присоединяться. Петя служил, бабушку причащал. Давал отпуст, поминал: «Иже во святых отца нашего Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского…»

– А отец уже брал его в алтарь?

– Да. Для нас это было, в общем-то, необходимостью, я шла на клирос, а отцу Александру было проще детей взять с собой, поэтому, естественно, он шел с папой в алтарь.

– К кому дети, дочка и сын, чаще обращаются с какими-то вопросами о вере? И вообще, бывает ли такое?

– Ну, задают, конечно, и мне, и отцу Александру какие-то вопросы. Но я не могу сказать, что прямо уж так их мучают какие-то вероучительные проблемы, но время от времени вопросы о вере они задают.

– Вы довольны верой своих детей? Есть ощущение, что дети растут «твердые в вере православной»?

– Это такой деликатный вопрос, я даже не знаю, что на него ответить. Вы знаете, я не могу похвастаться, что мои дети в Православии столпы такие. Это процесс очень долгий. У них очень меняются состояния, дети бывают то такие, то такие, я не могу даже что-то однозначное ответить.

– Как формировалась среда общения ваших детей? Допустим, выбор школы? Было ли для вас важно, чтобы школа была православная, чтобы избежать конфликта «православные – неправославные» дети?

– У нас так вопрос не стоял – отдавать в православную или не в православную, как-то мы были единогласно склонны отдавать в школу обычную, государственную. И потом, время настолько изменилось, по сравнению с тем, какая ситуация была в школах, когда мы были маленькие и приходилось или скрывать, что ты верующий, или терпеть насмешки, или что-то там отстаивать, какие-то свои права. В нынешних школах такого и близко нет. Во всяком случае, в Машиной школьной жизни за 10 лет такого не было.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Вы и не стремились создать вокруг детей православную среду сверстников?

– Нет.

– А такая проблема, что все дети в воскресенье спят, а мы должны почему-то вставать и куда-то идти или даже ехать?

– Все-таки дети, приходя в храм, тоже общаются, и у Маши с Петей здесь, в храме Новомучеников, есть свои друзья, знакомые, те, с кем они постоянно видятся, и это тоже для них стимул прийти на службу.

– А нецерковные друзья есть?

– Конечно, школьные. Но я считаю, что это совершенно нормально. То, что дети нецерковные, это совсем не значит, что они плохие, просто так сложились обстоятельства их жизни.

– Получается, что если у вас еще было ощущение раздвоенности миров: церковного и нецерковного, то у современных детей этого уже нет?

– Я думаю, что в значительной степени нет. Сейчас в школе за веру не притесняют никого. Мало того, очень часто встречаются верующие учителя. Маше вообще очень повезло в первом классе. В начальной школе ее первая учительница была женщиной явно верующей, и когда Маша пропускала школу по двунадесятым праздникам, в Великую субботу, в Великий четверг, – никто никогда ее не ругал. У Пети немножко другая ситуация, у него хоровая школа, там концертная деятельность очень активная, в общем, у них там своя жизнь, не важно – праздник или не праздник. Хотя и там, не могу сказать, чтобы уж зверствовали по поводу пропусков по праздникам.

– Вы следите за информационно-идеологическим наполнением жизни ваших детей? Подбор книг, журналов, что они смотрят по телевизору, какие фильмы?

– Слежу.

– А как вы это делаете?

– Я высказываю свое мнение о чем-то, но стараюсь не настаивать: «не смотри это» или «не делай то» – в такой жесткой форме, потому что если ребенку что-то хочется, он все равно это сделает.

– Телевизор ваши дети смотрят бесконтрольно?

– Какое-то время да, было такое, что они смотрели бесконтрольно – когда нас дома не было. Но потом он у нас сломался, в общем, как-то так все само сошло на нет. Но сейчас телевизор – не проблема. Может быть, в большей степени – Интернет, Контакт.

– Как с этим?

– Понятно, что когда ребенок чем-то увлекается, у него обязательно будет какой-то перебор, но пребывание в Контакте – это все-таки лучше, чем смотреть по телевизору какую-то

чушь вроде «Дома-2». Я вмешиваюсь постольку-поскольку, если уж слишком долго они висят в Интернете, а уроки не сделаны или еще что-то надо делать. А так, чтобы контролировать, с кем они общаются и как общаются, – я все-таки предпочитаю этого не делать.

– А со своей стороны вы вносите в их жизнь какие-то книги, фильмы, еще что-то?

– Да, бывает.

– Что, например?

– То, что мы сами любим и смотрим, то и дети наши смотрят. Но у нас в целом очень редко получается посмотреть какой-то фильм. Мы все очень любим Льюиса, «Хроники Нарнии», например. Был какое-то время бум «Гарри Поттера», мои дети очень любили смотреть эти фильмы. Честно говоря, мне и самой понравилось, особенно первая серия.

– Именно кино?

– Да. На книжки у меня времени не было, но кино я с удовольствием посмотрела, окунувшись в свое детство и представив себе, чего мне бы хотелось тогда (в моем детстве кино почти не было, а из книжек была обычная классика, причем даже больше дореволюционная, советской классики было довольно мало почему-то).

– Какие книги вы рекомендовали детям?

– У Маши в школе очень много внимания обращалось на русскую литературу, так как это была школа с гуманитарным уклоном. Ей просто

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

приходилось много читать русской литературы, поэтому тут и выбора не было. Сейчас она немножечко изменила круг чтения. Петя не особенно любит читать, в данный момент он очень увлечен футболом. Для него сейчас футбол – это все. И в компьютерной игре у него футбол. Он там может быть и тренером, и кем угодно. И в школе с ребятами при любой возможности играет. Если рисует, то в основном сцены из футбольных матчей, учит гимны сборных, поет их, подбирает на пианино.

– А как вы относитесь к компьютерным играм в принципе и к компьютерным играм в жизни вашего сына в частности?

– Конечно, я все-таки приглядываю, чтобы он не слишком уж погружался, но я не могу запретить ему играть, потому что прекрасно понимаю: это довольно интересно – играть в футбол и в реальной жизни, и в компьютере. Другое дело, если бы он играл вот в эти ужасные стрелялки, в убийства – это я однозначно запрещаю. Какое-то время ему даже кто-то давал что-то такое, но потом мы договорились, что он не будет в это играть, потому что это плохие игры.

– А как вы с ними находите общий язык, это строится на каком-то достигнутом авторитете в связи с укладом семьи или это иначе как-то реализуется?

– Я не могу это даже определить, у нас очень по-разному. Иногда мне удается с ним найти общий язык, иногда – полное непонимание, мягко говоря.

– Но вот непонимание чаще всего называют другим словом – непослушание. Как вы с непослушанием боретесь и есть ли какие-то ваши собственные средства?

– Очень по-разному. В какие-то моменты мне приходится проявлять власть, чтобы добиться чего-то.

– А как это делается?

– Просто очень настойчиво требую, чтобы он что-то сделал.

– А если он отказывается?

– Я требую еще и еще, пока он не делает, т. е. начинаю на него «напирать».

– А чисто физические рычаги влияния? Допустим, «не сделаешь это – денег не дам на неделю», что-то такое есть?

– Понимаете, мы деньги ему даем на еду и на дорогу.

– Не дать нельзя.

– Да.

– Ну, допустим, «не куплю велосипед». Или, например, «если хочешь новую компьютерную игру – сдай четверть на пятерки». Есть такие методы?

– Честно говоря, нет, хотя один раз такое было.

– А как вы считаете, это плохие методы – договорные отношения с детьми?

– Не очень хочется такими методами действовать. Мне кажется, что правильнее действовать убеждением и внушением, «ты понимаешь, что ты должен сделать то-то и то-то». Хотя иногда, конечно, крайние меры могут быть. Но сейчас я даже и не припомню, был ли у нас когда-нибудь такой «договор». Разве что по каким-то мелочам: пока до конца уроки не сделаешь – не будешь есть что-то вкусное. Вот такое иногда бывает.

– Вы готовитесь к грядущей полной самостоятельности своих детей? Вы думаете об этом, просчитываете какие-то ситуации? И что-нибудь вас пугает в этой перспективе? Допустим, приходит к вам сын или дочь и говорит что-нибудь такое, с чем вы не согласны, как бы вы вели себя в этой ситуации?

– Я пока не часто задумываюсь на эту тему, хотя иногда, конечно, думаю. Потому что Маша все же больше склонна к послушанию, а Петя еще в таком возрасте, когда немножко далековато от того, чтобы он пришел и сказал: все, мама, завтра я в этой школе не учусь. Еще не очень близко это время, мне так кажется. Хотя я осознаю, что в какой-то момент он должен принимать самостоятельные решения и я должна с этим считаться. Но я думаю, что все-таки не зря есть такой «официальный возраст» – 18 лет, к этому времени, думаю, родители в значительной степени должны ослабить свое давление. Здесь у меня есть пример – мама отца Александра, она мудрая женщина, и в свое время это разграничила, что наступает такой возраст, когда она может, конечно, высказать свое мнение, но он уже все решает сам.

– Кстати, о воспитательной «схеме»: бывает такое, что вы советуетесь с бабушками, де душками – как воспитывать своих детей?

– Мы как-то очень ревниво относимся к этому вопросу и с самого начала считали, что будем воспитывать своих детей самостоятельно.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Когда дети – мальчик и девочка, как они ладят?

– По-разному ладят, очень по-разному. Когда они были совсем маленькими, конечно, играли вместе. Потом у Маши начался переходный возраст, а у Пети – школьный период, и на какое-то время у них в отношениях произошло охлаждение, что ли… Но тут все понятно: дети есть дети, у них может быть и какая-то взаимная ревность, Пете иногда кажется, что мы лучше к Маше относимся, Маше кажется, что лучше – к Пете. Это нормальные человеческие чувства подрастающего человека, который еще мало в чем разобрался. Хотя у них есть, конечно, взаимная привязанность. Для нас приоритет – мир между ними.

– Что нужно делать, чтобы дети друг друга любили?

– Много чего, я думаю, и конечно, отношения между родителями влияют на детей. И отношения родителей к детям. И что-то может быть еще наследственное, мне кажется.

– Какие семейные мероприятия у *вас бывают – праздники или еще какие-то события? Традиции есть в семье, и какие?*

– Конечно, есть празднование дней рождения и именин. В нашей семье повелось (не в семьях наших родителей, а именно в нашей семье), что мы поздравляем друг друга с днем рождения или с днем Ангела накануне. Накрываем стол скатертью праздничной, на стол ставим подарки, свечи зажигаем, готовим какое-то угощение. Желательно, чтобы все красиво было оформлено. Потом именинник входит в полутемную комнату, чтобы был освещен только стол, где лежат подарки, чтобы некая такая таинственность была.

– А подарки от каждого или совместные?

– Стараемся от каждого, это интереснее. По-разному бывает, но лучше, чтобы можно было побольше разворачивать. Поем «Многая лета», и именинник разворачивает подарки. Почему-то мои дети всегда этого очень ждут.

– А еще что бывает из «семейных мероприятий», скажем так?

– Прогулки вместе. Когда приезжаем в Изборск, мы очень любим вместе в лес ходить, большое удовольствие все получают. Праздники: Пасха, Рождество – всегда стол. Бывают столы и в более расширенном кругу, когда приезжают родители или сестра с семьей. Какие-то даты мы всегда стараемся праздновать.

– Традиции праздников сформировались именно в вашей семье, а не перешли по наследству от родителей?

– Например, в мои дни рождения, уже утром в день моего праздника мама всегда накрывала стол белой скатертью, ставила цветы, подарки. Я выходила из своей комнаты в нашу гостиную – и там всегда был такой нарядный стол. Я помню свое ощущение детства, и во многом поэтому сохранилась такая традиция. В детстве для меня это было очень сильным впечатлением.

– Какое место занимает в жизни семьи совместное переживание радостей и горестей?

– Честно говоря, у нас, может быть, таких очень больших испытаний и не было в семье. Вот первая, для меня во всяком случае, утрата – это кончина отца Феодосия. А у отца Александра – смерть его бабушки прямо у него на руках. Смерть ее тоже была для него очень значима. Он мне это рассказывает, и мы вместе это обсуждаем. Конечно, мы переживаем каждый свои чувства, но все-таки обсуждаем совместно.

– Бывают периоды подъемов и кризисов в истории семьи?

– Да, конечно. Нельзя сказать, что вся наша семейная жизнь ровная.

– У семейного кризиса могут быть и бытовые причины, которые приводят к психологическим перегрузкам. И как выходить из кризиса, если эти бытовые причины разрешить в данный момент нет никакой возможности? Какие у вас есть рецепты выхода из кризиса семейной жизни?

– Я не могу давать таких рецептов.

– Какие с вашей стороны могут быть действия, допустим?

– Было по-разному. Наверное, все-таки самое главное – в себе все время подогревать желание любить по-настоящему. Этим похвастаться, я не знаю, кто может, я не могу этим похвастаться. Но хотеть этого, действительно, нужно. Состояние влюбленности, которое переживается в первые моменты совместного существования – это самое сильное чувство, это такая вспышка, аванс на всю жизнь, это как рекламный ролик того, что могло бы быть, а потом начинается тернистый путь к тому, что должно бы быть.

– Обычно это приводит к полному разочарованию: ах, вот это не то, что могло бы быть, ну и до свидания. Как с этим бороться?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Надо верить, что это может быть. И если даже не верить, то надеяться, ну хоть за что-нибудь уцепиться: или за веру, или за надежду, или за хотя бы какую-то элементарную привязанность к этому человеку и вообще к тому, чего ты хочешь.

– Как вы считаете, до каких пор следует любой ценой сохранять брак?

– До последних.

– Самая распространенная проблема брака – «нет любви», причем нет ее уже годы, и вот эта духовная тяжесть…

– Знаете, я думаю, что когда у людей нет любви уже годы – это как запущенная болезнь, этот момент надо ловить сразу за хвост.

– И что тогда делать?

– И что-то делать. Вот ты чувствуешь, что ничего нет: что делать?

– А что делать, действительно?

– Заставить себя захотеть. Христос сказал, что Царство Небесное силой берется, любовь – это, наверное, собственно это и есть. Просить и умалять, чтобы у тебя появилось хоть какое-то маленькое желание. Потому что иначе, когда человек чувствует, что любви нет, – ну нет, и не надо.

– Обычно, когда человек фиксирует этот момент, это бывает для него сильным поражением, меняющим жизнь, и это наоборот направляет жизнь в другое русло. Во всяком случае, меняет взгляды человека на жизнь.

– Вы знаете, на самом деле меня бесполезно об этом спрашивать. Я все равно не знаю никаких рецептов, я только знаю одно: семья, семейные отношения, я имею в виду в первую очередь отношения между мужем и женой – очень хрупкая реальность, это во-первых, и во-вторых, я думаю, что дьявол очень много трудится для того, чтобы разрушить этот хрупкий, маленький сосуд. Это надо иметь в виду, я думаю, это даже естественно: в какой-то момент испытывать самые, ну не то чтобы негативные, но абсолютно холодные чувства. Это нормально, без этого, наверно, не преодолеть какой-то барьер. Я думаю, что это большинству пар дается как определенная преграда, которую они должны преодолеть.

– А это преодолевать нужно самому в себе, наедине с собой или обсуждать совместно с супругом?

– И так и сяк: и обсуждать, и в себе. Но начинать лучше с себя.

– В этом плане православным семьям – им труднее или легче?

– Я думаю, что легче, конечно, легче. Должно быть легче, если эта семья – часть Церкви, если они ходят в храм и причащаются Святых Тайн, конечно, должно быть легче. Хотя, знаете, Святой Дух дышит, где хочет. Но я знаю только, что много семей распадаются, и, наверно, раньше семьи с такой легкостью не распадались, потому что бытовая сторона играла решающую роль и она как-то спасала браки в конечном счете. Худо-бедно, но спасала.

– Священническая семья имеет такую особенность – тут как ни крути, надо оставаться в браке. А вы знаете священнические семьи, которые несчастливы?

– Да. Я знаю такие семьи.

– Это влияет на священническое служение?

– Наверное, влияет. Мало того, я знаю семьи, которые распадаются, и трагически распадаются. Современный мир – он довольно свободный, и для священнических семей сейчас распад – это не так страшно, как это было при временах более консервативных.

– По канонам Церкви, если семья распадается, священник должен оставить священническое служение?

– Нет.

– Как вы думаете, в последнее время таких случаев стало больше, меньше или просто больше стали говорить об этом?

– Я не могу сказать, что их очень много, но все-таки они присутствуют.

– Это же большая трагедия.

– Любой распавшийся брак – трагедия.

– Тем не менее, мне кажется, для священника это во много раз трагичней и по смыслу, и по сути его жизни. Если священник несчастлив в браке, как это может влиять на него как на священника? Как на человека это влияет – можно себе предположить, а вот как это влияет на священника?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Я не знаю, не могу ответить на этот вопрос. И потом это зависит от человека, как он это в себе преодолевает. Я не знала достаточно близко священников, у которых вот такое ярко выраженное несчастье было бы в их семейной жизни. Хотя я знала такого священника, у которого с матушкой всю жизнь были очень тяжелые взаимоотношения: у нее был скандальный характер, а муж был очень хороший человек, но все-таки он провоцировал свою матушку на какую-то ревность и что-то такое. Они всю жизнь прожили скандаля, но прожили вместе и явно любили друг друга.

– Насколько, по вашему мнению, семья священника должна быть открыта его приходу? Насколько приход должен быть в курсе семейных дел, и вообще, видеть, лицезреть семью своего пастыря?

– Постольку-поскольку. Наверное, нормально, чтобы приход видел, что вот священник, вот его семья. Но и все, и не более того. Потому что, знаете, мы с вами не на Небесах живем. Это все по ситуации, на самом деле, смотря, где какой приход, как складываются отношения и насколько матушка востребована в этом приходе. Не думаю, что есть жесткие правила на этот счет.

– То есть если нет такой необходимости, чтобы приходить и петь в хоре, смотреть за подсвечниками, то лучше и не появляться?

– В каждой семье это должно решаться индивидуально и по обстоятельствам.

– У вас как сложилось?

– Ну, вот видите, можно сказать, что просто слились воедино с приходом[5], хотя я очень довольна, что отец Александр в одном приходе, а я в другом. Для нашей ситуации это очень хорошо.

– Так *случайно получилось или сознательно?*

– В большей степени отец Александр так хотел, так и получилось. Я какое-то время этому противилась, но теперь я вижу, что он абсолютно прав. Это действительно очень правильно.

– Вас не смущает тот момент, что вы не имеете близкой осведомленности в самых насущных приходских делах своего мужа?

– Абсолютно не смущает, я даже рада. Они меня абсолютно не касаются и не должны касаться в этой ситуации.

– У кого исповедуются ваши дети?

– У своего папы.

– Как это сложилось?

– Они все время к папе приходят в приход и другого варианта пока нет.

– От момента знакомства, от момента венчания прошло несколько лет, немало лет вы прожили вместе, понятно, что ваш муж изменился. Скажите, в чем он изменился к лучшему, а в чем– к худшему?

– Он изменился к лучшему. А к худшему он изменился только в том, что у него накопилась усталость, и от этой усталости он, конечно, иногда бывает резким с людьми. Честно говоря, я не могу сказать, что он к худшему изменился.

– Когда вы выходили за него замуж, что вам в нем больше всего нравилось?

– Мне нравился его ум, и потом, настолько глубока в нем добропорядочность и честность, – меня, конечно, это очень в нем привлекло. Своим благородством и умом он взял. Это как бы в самый первый момент, а потом я почувствовала, что ощущаю рядом с ним такой внутренний комфорт и спокойствие – это было вторым этапом.

– Есть у вашего мужа качества, приобретенные в браке?

– Не знаю. Наверное, есть. Сам отец Александр, загадочно улыбаясь, говорит, что он стал более щедрым и отзывчивым.

– И последний вопрос: наверное, сложно человеку оценивать самого себя, но все-таки, какую оценку вы вынесете своему браку и своим воспитательским результатам, может быть, что-то вы упустили?

– Оценка моя такая, что я так ничего и не умею по-настоящему: ни воспитывать не умею детей…

– Но готовить вы умеете?

– Ну, вот готовить, да, я научилась готовить. Мой муж доволен тем, как я готовлю.

– Это ваше приобретение в браке.

– Да, но я все-таки его по наследству получила этот талант, моя мама очень вкусно готовила, и мой дедушка (пока был жив) тоже вкусно готовил, правда,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

он был профессиональным кулинаром, но, тем не менее, в моем сознании что-то отложилось, как он все это делал.

– А еще у *вас есть какие-то приобретенные в браке качества?*

– Есть, мне кажется, или мне хотелось бы их приобрести.

– А что вы приобрели, как вы изменились?

– Я очень боюсь ошибиться в ответе на этот вопрос. Мне может казаться, что я такая – а на самом деле я совершенно другая. Отец Александр, конечно, научил меня терпимей относиться к окружающему миру. Может быть, внешне я осталась такой же нетерпимой, насколько и была. Но, во всяком случае, в моем сознании изменения произошли в положительную сторону. Вот эти наши трения бесконечные, они, конечно, не прошли даром. Здесь надо, наверное, отца Александра спросить. Я, по-моему, в его жизни особо ничего не изменила. Он в моей жизни изменил мое мироощущение, я стала свободней в своих взглядах на жизнь.

– Для вас это открыло большие возможности коммуникации с миром?

– В какой-то мере да.

– Ощущаете ли вы теперь тот внутренний комфорт, как в период вашего знакомства?

– Да. Я очень спокойно себя чувствую рядом с ним, ну, когда нет каких-то таких бурь.

– Как вы думаете, это благодаря личным усилиям в построении семьи? Или все-таки это просто удача – удачно встретились?

– Я думаю, это данность такая была, она была с самого начала, это подарок. С другой стороны, наверное, без этой данности не было бы и брака.

– Получается, что залог семейного счастья – это Промысел Божий, а вовсе не труды супругов?

– Вначале – да, безусловно, Промысел Божий должен быть. Но человек должен все-таки приложить старания, чтобы сохранить дар.

– А теоретически человек может ошибиться, выходя замуж или выбирая себе жену?

– Конечно, может.

– *И что тогда делать?*

– Не знаю. Смотря, что хочет человек от брака. Хотя, если человек женится или выходит замуж и нет на это Божиего благословления, на верное, это невозможно сохранить.

– *А как узнать, что нет Божиего благословления?*

– Если люди хотят прислушаться к внутреннему своему голосу, если они это в себе воспитывают, практикуют обращение в свои глубины, они могут это узнать. А если человек выходит замуж или женится, будучи одержим какой-то страстью или какой-то идеей, тогда, конечно, он ничего не услышит.

– *Многие люди, и православные, и не православные, патологически не могут создать семью, хотя* у *них есть все данные, – из-за страха ошибиться.*

– Это тоже, наверное, страсть.

– *А что делать?*

– Перестать думать и жить как живется. Мне кажется, чем больше люди размышляют, как правильно сделать, они тем самым очень сильно подключают свою волю, и тогда уже воля Божия не может действовать.

Марина Митрофанова

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)



Протоиерей Георгий Митрофанов (р. 1958) – настоятель храма свв. первоверховных апостолов Петра и Павла при Университете педагогического мастерства (Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования), выпускник исторического факультета Санкт-Петербургского университета, кандидат философских наук, магистр богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, автор семи научных и публицистических книг.

Марина Митрофанова (р. 1956) окончила филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Вырастила двоих детей.

Неспешная беседа за чашкой чая

– Марина Александровна, как вы относитесь к слову «матушка», нравится ли вам, когда к вам так обращаются?

– Матушка? Мне кажется, это чисто формальное обращение к жене священника и больше ничего. Жена священника, как жена военно го, жена моряка, в первую очередь жена – этим все сказано. Если под этим подразумевается какое-то высокое духовное устремление, я ду маю: а что, разве такое устремление не может быть у любой другой жены? А «матушка» – в моем понимании – это обращение к монахи не. Свои прихожане в храме, с которыми я общаюсь, называют меня кто по имени, кто по имени-отчеству, это естественно, это нормально. Для чужого человека, может, и проще обратиться «матушка», что-то спросить. Но я не люблю это слово, ко мне лично оно неприменимо. Я не вижу ничего специфического в этой роли, может быть, когда-то давно это и было, но те времена прошли, а я пытаюсь сохранить трезвую голову, для меня важно то, что сейчас.

– Говорят, трудно быть женой моряка – подолгу не бывает дома, трудно быть женой учителя – маленькое жалование, низкий социальный статус, а быть женой священника в чем основная трудность?

– Не знаю, что самое трудное, не понимаю, в чем особенность судьбы жены священника. Жена священника как любая жена, терпеть – терпит, работать – работает. Самое трудное, что человека вечно дома нет. Но ведь это не только про священников: так таких профессий очень много. Я ничего специфического не вижу – ни трудного, ни легкого.

Я вам расскажу замечательную историю. Это было когда отец Георгий служил первый год. Однажды я сидела в кухне Серафимовской церкви и ждала, когда он выйдет из алтаря (тогда домика при храме не было, все было на кухне, и один из выходов из храма был как раз сюда). А я жду, когда батюшка выйдет, а две бабушки что-то там готовят (меня они не знали). Сидят и говорят между собой: «Хорошо быть матушкой – ничего делать не надо». Вот такой поверхностный взгляд. Я на всю жизнь это запомнила.

– А приятность есть?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Приятность? Для меня, например, ее нет. Когда ко мне кто-нибудь в храме кидается или на улице: «Ой, здравствуйте, матушка! Как там отец Георгий?!» Думаете это мне приятно? Нет. С годами я поняла, что Марина Митрофанова и матушка отца Георгия Митрофанова в сознании некоторых людей не одно и то же. И к «матушке» как некоей субстанции будет одно отношение, а ко мне живой и реальной – другое. Отсюда, не принимая меня реальную, будут льстить в глаза «статусу». Это неприятное и тяжелое для меня ощущение, т. к. оно порождает недоверчивость к окружающим. Мне же, как человеку, видимо, цельному, это тяжело, потому что я всегда одинаковая и предпочитаю открытость и цельность даже в неприятии и отталкивании, только не ложь, елей и фантазии. Мне очень нравится реакция одного мальчика, он сейчас уже взрослый человек, ему было 16 лет, он сказал своей матери, а она была такая наивная и говорит отцу Георгию: «А мой Петя сказал, что ему ваша матушка не понравилась». Меня шокирует только сама возможность такого обсуждения, но не отношение этого Пети. Ему можно «спасибо» сказать за прямоту, если бы в ней была необходимость.

– Расскажите о вашей семье: кто были ваши родители и откуда вы родом?

– Родители мои принадлежат к бесчисленной армии людей, приехавших после войны из деревни в Ленинград, мама здесь училась, окончила Финансово-экономический институт и всю жизнь проработала инженером-плановиком на судостроительном заводе «Северный пресс», а папа учиться не захотел и всю жизнь проработал слесарем-механиком в Ленинградском оптико-механическом объединении (ЛОМО), вот, собственно, и все. А я родилась в Ленинграде в 1956 году.

– Как звали ваших родителей?

– Папу звали Александр Алексеевич Круглов, а маму Екатерина Александровна Невская.

– Как ваши родители познакомились?

– Если смотреть фильмы пятидесятых годов, подобные фильму «Весна на Заречной улице», – типологически это мои родители. Мама моя из Костромской области, а папа из Тверской. Познакомились они, естественно, работая на одном производстве. Ничего замечательного в их романе не было, все было очень обыкновенно.

– Ваши родители, каких они были взглядов? Они были верующими людьми?

– Мама – да, папа – нет.

– Как в их семье проявлялась вера, вера вашей мамы?

– Папа был индифферентен ко всему, что происходило. Вера моей мамы проявлялась в исполнении тех требований Церкви, которые связаны с Таинством Крещения, с отпеванием умерших, с посещением храма в двунадесятые праздники и на Пасху. Поэтому вопрос о моем крещении не подлежал обсуждению, это было естественно. Крестили меня в грудном возрасте у бабушки. По причинам «техническим» это было дома, потому что церкви у нас были закрыты, ближайшая церковь – десять километров, дорог нет, в колхозе лошадь не дают, поэтому проще батюшке было к нам добраться. Меня крестили у бабушки дома, в корыте. Мама вспоминает об этом крещении так: ее сестра и мой папа, наблюдая все это действо, очень веселились, пока их не выставили из залы, где все это происходило. Восприемницей при крещении была моя бабушка. Так что папино отношение понятно. Потом, когда были какие-либо большие события, то есть похороны, крестины, двунадесятые праздники, мама могла пойти в храм, впрочем, никак это не афишируя, мы могли об этом даже не знать, или узнавали как-то случайно. Когда умерла бабушка, мама договорилась со священником на Большеохтинском кладбище, забрала бабушку из морга, и два дня до отпевания бабушка лежала в кладбищенской часовне. Маме это казалось более естественным и для бабушки приятным. В этом проявлялась ее вера.

– Получается, она не стремилась воцерковить детей?

– Нет.

– Как вы думаете, почему?

– Думаю, что она не стремилась это делать потому же, почему это не стремилась делать моя верующая бабушка и почему не стремлюсь это делать я. Какое-то глубинное понимание, что лично мы никого воцерковить не можем. Я не знаю, как через такие действия человек воцерковляется, не берусь это объяснить. Мы можем

это сделать, только являя некий образ жизни, а человек, который это видит, будет выбирать: принимает он его или нет. С моей точки зрения, это самая оправданная позиция. Воцерковление все равно шло от бабушки, в этом плане она была более сильной личностью, чем моя мама, потому что моя мама была уж совсем раздавлена окружавшей ее обезбоженной жизнью. А бабушка жила иначе.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Например, бабушка болеет, утром проснется, умоется, причешется, садится, а я сажусь рядом с кроватью и читаю по «Служебнику» то последование утрени, то литургии для хора, если большой праздник или воскресенье – в общем то, что попросит. Понимаю мало, потому что я не знаю церковнославянского языка, я ребенок, мне лет двенадцать. И ведь не потому, что она хотела меня воцерковить, просто сама читать уже не могла, была тяжело больна. А когда она еще не болела, у нас собиралась «домашняя церковь», потому что рядом храма не было, а все уже старые, у всех, как правило, больные ноги, раздавленные работой и болезнями, и десять или двадцать километров пешком до ближайшего храма не дойти – дороги плохие, транспорта нет. Они собирались к нам и все что можно читали и пели, благо службу знали очень хорошо. Я не помню случая, чтобы меня заставляли идти молиться. Этого не было, но при этом я очень хорошо понимала, что происходит нечто такое, чего я, может, не знаю, но что-то очень значимое и большое. В детстве, когда я смотрела летом на облака – такие большие бывают кучевые облака, я очень хорошо видела, как по ним ходят ангелы, в академическом стиле такие с крыльями, очень хорошо Саваофа представляла, мне нравилось рассматривать дом Бога. Я его буквально видела в облаке, как Он ходит там в белом хитоне, радостный, как солнечный день.

– Откуда такое впечатление? От созерцания пустых храмов и росписей в них?

– Нет, от бабушки, от ее дома, от образов домашних. У нас был очень большой образ Спасителя, он был в такой академической манере написан, в тяжеленной серебряной ризе, весь угол занимал. Он был такой красивый! Вот, видимо, отсюда. Потом у нас икона Благовещения была, не византийское письмо, а академическая живопись конца девятнадцатого века. Можно сколько угодно спорить о ее художественных достоинствах и недостатках, но она оказывает очень сильное эмоциональное воздействие, особенно на ребенка. Там не столько надо понимать, сколько чувствовать.

Вот язык византийской, древнерусской иконописи надо уметь понимать. Надо знать какие-то вещи, как знаешь нотную грамоту или буквы, когда читаешь, академическое же письмо воздействует только эмоционально, а многие люди дальше эмоций не двигаются, и поэтому им очень важно это эмоциональное воздействие академической иконописи. А для ребенка – тут и говорить нечего.

Удивительно другое, а именно то, что спустя много лет, моя трехлетняя Маша, глядя в окно с пятого этажа нашего дома на улице Ломоносова, время от времени сообщала мне, что ангел пролетел, рассказывая, какой он был, или что она видела в окне Богородицу.

В городе я жила в окружении большей частью людей, приехавших и стремящихся изо всех сил вжиться в этот город, как они его понимали. Я произрастала не в культурной городской среде, а в среде людей, большей частью без корней, почвы, дома, потерявших одно и не обретших другое. У людей, вырвавшихся из общежитий в коммуналки, не было никаких сил для духовной жизни. Они все время решали насущные сиюминутные задачи. Это объяснимо, это беда, которая рождает вину, но, тем не менее, жизнь-то очень не интересная.

А когда я приезжала к бабушке в Матвеево, лежащее в 50 километрах от Чухломы и в 70 – от Кологрива, я словно опрокидывалась в абсолютно другой мир: начиная от внешнего вида этого мира и кончая внутренним устройством жизни.

Большой старый дом моего прапрапраде-душки Фоки Алексеевича Комарова, отстроенный одним из первых после большого пожара в 1849 году. Дом двухэтажный («двужильный»),

третий этаж – мезонин с балконом, огражденным точеными балясинами. Балкон опирался еще на гнутые причелины. Наличники были украшены глухой резьбой «полусолнце». Пятистенок с пятью окнами по фасаду, семью окнами по бокам, с двором под одной крышей, где вверху огромная поветь, внизу помещалась скотина. На балкон нас уже не пускали, но я хорошо помню большую залу с лавками вдоль стен по всему периметру и большие печи. Этот дом был для меня символом другой жизни. В этом доме умер прапрапрадедушка Фока Алексеевич, прапрадедушка Симеон Фокич, знаток Уложений о наказаниях, прапрабабушка Анна Назарьевна, мой любимый прадедушка Иван Михайлович, почитаемый всей волостью за умение быть ходатаем по мирским делам, уважительность и обходительность в обращении с людьми, честность и порядочность в исправлении должности председателя волостного суда; в этом доме родилась моя бабушка.

Интересные предметы старого быта, например чугунный витой светец и граммофонная труба, тут же и лампа с абажурами белого молочного стекла, и цепы, и ступы, и корчаги, и пузатые самовары, жестяная нарядная кружка с портретами Николая II и императрицы Александры Федоровны, полученная прадедушкой Иваном Михайловичем на Романовских торжествах в 1913 году, в Костроме, и наряду с этим много книг, сундуки с письмами и бумагами и образа. Это все еще живое, не как украшение интерьера, а как дыхание.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Естественно, утро без молитвы не начиналось, за стол без молитвы никто не садился, никто без молитвы из-за стола не вставал. Ребенку много не надо, он это видит, он это воспринимает.

– Вы сказали о своих родителях, что они приехали из деревни в город, а получается, что наибольшие впечатления на вас все-таки оказала ваша историческая родина. Расскажите немного об этом месте.

– Она до сих пор оказывает на меня не просто какое-то влияние, а я считаю, что только благодаря ей, этой исторической родине, я имею точку опоры в жизни. С годами я начала больше понимать внутреннее биение жизни своей «исторической родины».

Я всегда думала: какие мне святые близки: мучеников я не понимаю, перед новомучениками я испытываю нечто вроде такого внутреннего трепета, я боюсь сказать, что я их понимаю, я их чувствую. По внутренней сути мне близки преподобные, а вот то место, где жила моя бабушка, – оно все исхожено этими самыми преподобными. Это и Ферапонт и Адриан Монзенские, и Иаков Железноборовский, и Паисий Галичский, и Макарий Писемский, Авраамий Городецкий, Макарий Унженский – очень много учеников преподобного Сергия Радонежского, которые основывали монастыри и таким образом как бы осваивали край. Потому что он был населен, как доказали местные ученые, выходцами из Новгорода (по цоканью и другим языковым признакам), но я думаю, что там основную массу все-таки составляли не новгородцы, а местные племена – чудь, меря. Был известный Галич Волынский, а наш Галич назывался «Мерьский». В просторечье это звучало как «Галич мерзкий». Поэтому «Мерьский» постепенно вытеснилось, и он стал просто город Галич.

И наше Матвеево находится недалеко от села Озерки, места, где в XIV в. была основана Великая пустынь, один из четырех монастырей лесного Заволжья, начало которым было положено Авраамием Городецким. Ближе к Чухломе им была основана Верхняя пустынь (с. Коровье), на Чухломском озере Авраамиево-Городецкий монастырь, существующий и поныне, а на берегу Галического озера, напротив г. Галича, – Заозерский монастырь, где была чудотворная икона «Умиления», обретенная прп. Авраамием. При закрытии храма в 1930-е годы она была унесена последним священником отцом Алексеем и где находится, неизвестно.

Равно с прп. Авраамием почитался и прп. Макарий Унженский. По Солигалическому, Галическому, Чухломскому, Кологривскому уездам более 60 престолов было посвящено прп. Макарию. На руинах нашей летней церкви в Матвееве до сих пор видна роспись алтарной абсиды, где изображен прп.

Макарий. Может, их предстоянием и сохранялась там невидимая, но ощутимая духовная реальность, которую даже я чувствовала.

– А ведь все храмы и монастыри были закрыты, когда вы росли?

– Да, все было закрыто, но еще жило большое количество людей, которые были носителями исторической памяти.

У нас дом был приветливый. Бабушка обладала характером каким-то притягательным. Она с каждым человеком, кем бы и каким бы он ни был, умела найти общий язык и к каждому подход, поэтому люди к ней тянулись, двери в дом не закрывались. Дедушка даже смеялся, вечером придет: «Ну что, закончила прием?»

У нас в каком-то роде был странноприимный дом. Несмотря на то что после семнадцатого года все в жизни изменилось, даже в начале шестидесятых годов оставались люди, которые выпали из времени. Был такой старик по фамилии Солонов, он происходил из дальней от Матвеева, но близкой к Великой пустыни деревни Панино, он был оттуда родом. Он ходил всегда в большом брезентовом плаще, типа плащ-палатки у военных, иногда пастухи в таких ходили, у него за спиной был огромный мешок, в этом мешке он таскал иконы и книги, и вот в таком виде он ходил из деревни в деревню, останавливался только у верующих людей, может быть, на день, при этом там велись какие-то духовные разговоры. Я не присутствовала по малолетству, но его я помню очень хорошо: бороду помню, мешок помню. Помню церковные книги и иконы, он боялся, что их уничтожат, и все время носил с собой. Мешок был совершенно необъятных размеров, не рюкзак, а именно такой, в каком картошку носят, он в таком виде путешествовал. Своего дома у него не было. Такой юродивый. Он умер в 1970 году в матвеевской больнице.

Был такой дядя Саша Апраксин, бабушка Анна «Трубочка», чуть раньше Пашка Капустинский. Они и другие призревались бабушкой.

Пашка Капустинский (из д. Капустине близ той же Великой пустыни) ходил по деревням, брался за любую работу, спал где придется. Бывало, придет грязный. Бабушка вынесет на двор чугун горячей воды, какую-нибудь чистую одежду. Он вымоется, а уж потом идет в избу.

Дядя Саша Апраксин приходил утром. В сером чистеньком хлопчатом пиджаке, чистой рубашке, в кепочке. У него всегда слезились глаза, и и от этого он сильно смущался. Мы сидим в зале, завтракаем. Сначала раздается стук в дверь, потом появляется дядя Саша и скромно садится на высокий порог. Его

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

уговаривают пройти к столу, он не соглашается, и эти «китайские церемонии» длятся с полчаса. Мы знаем, что дядя Саша все равно за стол не сядет и не обращаем на него внимания, хотя есть, когда человек сидит на пороге, как-то неловко. Наконец, бабушке удается подвигнуть дядя Сашу на действие: он деликатно, сняв кепочку и зажав ее в кулаке, присаживается на краешек стула у голландской печки, которая отделяет залу от очередной комнаты, и начинает «светский разговор» о погоде, сене, деревенских заботах. Мы спокойно едим, бабушка ходит туда-сюда, поддерживая разговор. Посидев десять минут, дядя Саша прощается и уходит. До следующего раза. И только как-то совсем случайно я узнала, что бабушка не просто ходила туда-сюда, она собирала дяде Саше узелок с гостинцами, едой и с чем-нибудь из одежды и отдавала ему на мосту, то есть в коридоре, так, чтобы мы не видели. Когда бабушка умерла, он пришел на поминки, и я запомнила, как он говорил Анне «Трубочке»: «Как матерь она мне была…» Дядя Саша умер в 1976 году на дороге из деревни Мартьянов в Матвееве

Чем Матвеево сильно влияло, тем, что еще были живы люди, которые несли в себе заряд той, прежней эпохи, когда, как говорил архимандрит Павел (Груздев), «еще русские люди были».

Вот у Павла Проценко в замечательной книге «Цветочница Марфа» в двух словах емко и верно сказано об этих людях: «Тот, кто встречал на своем жизненном пути крестьян старой дореволюционной закалки, умевших согревать пасхальной радостью и добротой холод жестокой реальности, на деле жалевших слабых и беспомощных, знает, что подобные качества души есть признак подлинной духовной культуры». Я именно это имею в виду, когда говорю о людях, которые окружали меня в детстве.

– Вы помните вашу первую встречу со священником, как это вошло в вашу жизнь?

– Помню, он был очень старый, это тот батюшка, который меня крестил. Я его помню сознательно и позже, когда мы ездили причащаться. Он был очень старый, очень светлый и очень добрый, я не помню ни одного слова из того, что он мне говорил, но у меня хорошая зрительная память и я очень хорошо помню его образ. Отец Николай Предтеченский окончил костромскую духовную семинарию в 1908 году, сначала работал учителем в школе, как очень многие выпускники семинарии. Потом он был рукоположен в священный сан и всю жизнь прослужил в одном и том же месте – вот в этом Ильинском, и увезли его оттуда в 1973-м, он 1887 года рождения, ему было 86 лет, он уже вышел за

штат, просто потому, что физически бы не в состоянии служить. Он окормлял огромный район, где не было ничего больше, потому что все было закрыто.

Когда меня крестили, ему было 70 или чуть больше лет. Потом помню его в храме, когда мы с бабушкой приезжали молиться и причащаться.

Он был хорошего роста, мне казался просто высоким, худой, лицо такого аскетического типа, нос прямой, хорошая борода и выражение лица человека, сопричастного какой-то иной жизни, тайне. Очень культурный, обходительный, обязательный, терпеливый и безотказный. Уважали его очень все, а прихожане любили. В храме при нем всегда было чисто и светло, как на Пасху. В 1973 году он ушел за штат по возрасту, уже сил не было и здоровья, и дети увезли его. Как бы он ни общался с бабушкой, я всегда чувствовала дистанцию, его отделенность от меня, его приобщенность к неведомой мне иной жизни, и это притягивало. Для меня это было так естественно, как бабушкины образа в комнатах, и книги, и наши молитвы, и пение «Заступница усердная» по утрам, это была часть иной жизни, ни на что не похожей. Вот это я понимала, что она ни на что не похожа. Но потом, когда я пыталась ходить в храм в городе, я была ребенком очень застенчивым – мне казалось, что я большая и толстая, сама себя очень стеснялась, и поэтому, когда я приходила в Троицкий собор, в Лавру…

– Одна?

– Да.

– В каком возрасте?

– В седьмом классе, наверное.

– И вы решили, что будете ходить в храм?

– Я не решала, я просто пошла. И он меня подавил, он произвел на меня такое впечатление, после нашего храма, впечатление римской бани, знаете, римские термы, как в учебниках истории их изображали. Там такая была отъединенность от всего, в деревне совсем не так (одни обращения чего стоят: «Андел мой», «Родно мое», «Милушка»). Ощущение потерянности, мысль о том, что каждый человек одинок на пути к Богу, она только с возрастом приходит, ребенок этого не понимает. Если в деревне все было близко, понятно и все свое, тебя все любят, то когда я пришла в Троицкий собор, где тебя никто не знает, тебя никто не видит, ты всем мешаешь, естественно, я быстро ретировалась.

– И надолго вы ретировались?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Из Троицкого собора лет на десять, наверное. Для меня церковь существовала только там – в деревне, я ходила в церковь по крайней надобности: умерла бабушка, отпевали – пошла, годины – в церковь, естественно. Для меня городская церковь была закрыта. Внутренне я ее не воспринимала – это было что-то другое.

– Вы говорили, что крестивший вас священник всю жизнь прослужил в одном храме. А как же он избежал репрессий?

– Я не знаю подробностей, в какой мере репрессии коснулись отца Николая, знаю лишь, что он отбывал повинность на лесоповале вместе с нашей тетей Лидой, женой бабушкиного брата, которая 30 лет после ухода отца Николая хранила храм в Ильинском. Вообще, к сожалению, участников и свидетелей событий тех лет никого не осталось, что-то узнать практически не у кого, а я помню по рассказам немного.

У нас в Матвееве осенью 1930 года были арестованы священник Павел Петрович Розанов, диакон Иван Иванович Кузнецов, регент Александр Степанович Кузнецов.

А.С. Кузнецов с семьей были высланы в Магнитогорск. Когда их арестовали, посадили в телегу и повезли, жена Александра Степановича, Анна Алексеевна, запела: «Тебе Бога хвалим, Тебе Господа исповедуем…» (Бортнянского). Тут бабушка, рассказывая, всегда пела: «Мученицы Твои Господи». Потом были письма, сохранилось одно, исполненное такого страдания и достоинства, что я не могу читать его без слез:

«…Скоро уже два года, как мы находимся на новом нашем поселении, и многое пришлось увидеть и пережить изменений в обстановке жизни, но благодарение Господу, что все мы находимся здоровы и работаем я и Ваня по своей специальности. Один крупный недостаток: не хватает… хлеба, что получаем, то нам по нашей тяжелой работе никак не хватит, и если бы сильно экономить, то перестанешь работать и конечно сделаешься нетрудоспособным, что здесь на чужбине самое страшное. Я и семья обращаемся к вам с просьбой. Если возможно. Не пришлете ли нам чего из продуктов. Чего вам можно уделить или муки или какой крупы… Я перед вами думаю в долгу не останусь и верю, что вам за ваше доброе Господь воздаст своим благословением вашей трудовой жизни… Всегда уважающий вас Александр Степанов Кузнецов. Магнитогорск, центр, поселок, Восточная улица, блок № 24-й. 6 апреля 1933 г.»

Вскоре Александр Степанович и Анна Алексеевна умерли от голода.

Диакон Иван Иванович Кузнецов был заключен на 3 года в концлагерь.

У отца Павла Розанова была высылка на 3 года в Северный край, потом, не встав на учет в НКВД, без документов, он служил нелегально в Покровской церкви с. Селино Межевского района, где и был арестован еще раз в 1935 году, получил 10 лет, во время этапа бежал и был опять арестован в Архангельске в 1936 году. Отбыл свой срок и в конце 1946 года приезжал в Матвеево. Родительский дом был занят сельсоветом, родные могилы, как и все кладбище у церкви, пошли под трактора, церкви – под МТС. О. Павел уехал в Краснодарский край, где служил до конца жизни, умер он около 1960 года.

У нас хранились его письма, они по нелепой случайности пропали, а фотография его, присланная в 1955 году, осталась: старенький, в скуфейке, в очках, очень похож на своего отца. Отец Павел был 1884 года рождения. Когда отца Павла арестовали, его место временно заступил его отец, священник Петр Николаевич Розанов,

бывший уже за штатом. Но недолго, отец Петр умер в 1934 году, его похоронили у храма, но тут уж пошло разорение и закрытие наших храмов, и могилы его не найти. К нашей Матвеевской церкви отец Петр был причислен в 1884 году. Он крестил в мае 1900 года, а потом венчал в январе 1918 года мою бабушку, крестил ее первого сына Мишу и вошел в жизнь семьи. Был большим почитателем любого знания, любил и ценил книгу, заведовал библиотекой: эта любовь объединяла его с бабушкиным братом отцом Владимиром и отцом Иваном Михайловичем Смирновым. У нас хранится его фотография: отец Петр стоит на фоне храма в камилавке, коротком подряснике, с палочкой в правой руке, худощавый, бородка клинышком. Это где-то после 1914 года, так как отец Петр был награжден камилавкой в 1914 году. Основной чертой отца Петра была «исключительная терпимость и любовь, видение начатков естественного добра даже в нецерковной среде» (эти слова игумена Андроника (Трубачева) о монахе Гефисманского скита Исидоре, духовном наставнике отца Павла Флоренского очень хорошо выражают и особенности облика отца Петра Розанова, поэтому я и позволила себе ими воспользоваться). Когда мамина крестная Августа Кузьминична Малютина выходила замуж, она очень сильно плакала, «весь народ в пути плакал; ночью подругам не давала спать, все призывала родителей… а священник отец

Петр Розанов сказал: «Да дайте ей поплакать-то». Но одновременно с этой терпимостью и любовью соединялось удивительное внутреннее священническое и человеческое достоинство, видимо, те качества, которые перешли к нему от его деда, отца Федора Елизарова, служившего в нашей

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

церкви с 1816 по 1857 год. Уроженец Матвеева, церковный историк академик Е. Е. Голубинский писал: «Начальный наш иерей…. был человек очень смелый, не робевший и самого архиерея» (отец Петр Розанов был двоюродным братом писателя и публициста В. В. Розанова).

Вечерами, за самоваром и чаем «вприкуску», а то и «вприглядку», вспоминали, например, подвижницу благочестия и исповедницу схимонахиню Михаилу (матушку Веру Меркулову) разоренного Свято-Троицкого монастыря:

«…Она была очень строгая. За ней приехал "черный ворон", так звали милицейскую машину, и ее увезли. Долго ее не было, ее мучили, отожгли ноги, когда ноги горели – топились, как сало, она пела хвалу Богу. В Самороково она приехала уже без ног. Ее возили в коляске. Служба была каждый день, и у нее всегда была толпа народа. Она содержала дом престарелых за свой счет, детей брошенных, помогала семьям арестованных. Ее часто забирал "черный ворон", но опять отпускали; чтоб никто к ней не приходил, в дверях ставили милиционера. Женщины придут к окну, она скажет: "Идите, вас никто не тронет", и они пройдут, и милиционер их не увидит, они у нее пробудут, сколько им надо Она похоронена в Костроме на старом кладбище, там часовня и железная сетка, две могилы, ухаживает церковь, в праздники зажигаются лампадки… Я была на могиле, в это время ухаживал мужчина. Я спросила, чьи могилы, он ответил. Он сказал, одна похоронена мать Надежда Костромская, другую молчал, не могла добиться – было запрещено говорить, будет паломничество…»

Наверно, от монахинь Свято-Троицкого монастыря Анны (Анны Яковлевны Крыловой, 1869–1960 гг.) и Елизаветы (Елизаветы Ивановны Шаминой, ум. в 1960 г.) остались у нас фотографии матушки Веры – в 1911 году она еще молодая, в черном послушническом одеянии, в 1916 году – уже в белом, и 1920-1930-х годах– в белом, сидит в коляске с иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» в руках. А лицо – крупные черты, волевой прямой взгляд, твердый…

Повторюсь, эти люди незримо присутствовали в нашем доме, поминались на молитве и просто, были живыми, будто просто вышли в другую комнату…

– Вы задумывались о конфликте веры и того, что вы видите вокруг, или конфликте деревни, которая еще что-то сохранила, и города?

– Вы знаете, я была, наверное, очень слабым человеком, потому что я не задумывалась, я принадлежу к числу людей, которые, может быть, способные, но не умные. Поэтому я не задумывалась. А то, что я чувствовала, я тщательно

загоняла в себя, отсюда я выросла с большими комплексами, потому что мне казалось, что та жизнь, которой я живу с бабушкой или без бабушки там, в деревне, – это моя личная жизнь, она никого не интересует и не касается, я ее ни за что никому не отдам, а общество – оно мне не мешает, потому что я делала все, чтобы оно ко мне не лезло. Когда я училась в школе, это было очень легко делать, потому что в школу я вышла, умея читать и писать, и в нашей рабоче-крестьянской школе, где из сорока человек в первом классе никто не умел читать и писать, кроме меня, мне учиться было очень легко. Школу я прошла совершенно безболезненно: звенел звонок – я поворачивала домой. А дома вступала в свой мир. У меня не было знаний, но у меня всегда было ощущение любви и привязанности к материальному воплощению ушедшего времени, например к старым вещам, к старым книгам, к элементарным каким-нибудь старым чашкам.

– А дом родителей в городе – он был тоже наполнен этими вещами?

– Нет. Пока дедушка был жив, никому в голову не приходило, например, входить в его мастерскую, не потому, что запрещали, просто было не принято. Сейчас мы с мамой думаем: почему мы ничего не забрали? – Мы дождались, когда у нас все украли, и на этом все кончилось. И Спасителя вот того большого, и так далее. В 1987 году, когда у меня уже ребенок был, мы приехали с мамой, но икону Спасителя не смогли забрать – рука не поднялась. Было очень тяжелое ощущение, что ты разоряешь свой дом. Единственное, что я смогла забрать, – это Казанскую икону, ну и образ Александра Невского – он висел в горнице и от сырости начинал портиться.

Были книги, которые оставались после бабушки. У нас баба Варя (сестра моей бабушки) – она все раздавала. Что-то я сумела забрать, но я никогда не думала, что они будут востребованы. Я никогда не думала, что понадобится Требник дяди Володи, Служебники, Октоих, ноты, оставшиеся от Александра Степановича Кузнецова, мне казалось, что я это просто забираю, потому что это кусок моей жизни там – и все.

– Об именах. Скажите, как звали вашу бабушку, о которой вы так много сказали, которая так на вас повлияла, и как звали вашего дедушку. И до какого поколения вглубь прошлого вы знаете имена бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек?

– Мою бабушку звали Александра Ивановна Невская, дедушку звали Александр Михайлович Невский. Не могу сказать, что знаю имена родных из совсем далекого прошлого, знаю только, что бабушкины это: прапрапрадедушка Илларион Смирнов, 1809 года рождения, прапрадедушка – его сын, Михаил

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Илларионович, родился в 1830-м, умер в 1911 году; был церковным старостой. Высокий, физически очень сильный мужчина, ходил на медведя, был очень строгой жизни. Жена его Екатерина Ивановна умерла в 1919 году. Прадедушка – его сын, Иван Михайлович, 1861–1939 годы. Добрый, справедливый; высокий, как отец. Председатель волостного суда, волостной старшина. Жена Комарова Александра Семеновна – 1860–1934 годы. Бабушка – его дочь, Александра Ивановна – 1900–1972 годы.

Прапрапрапрадедушка Алексей Комаров – 1789 года рождения. Прапрапрадедушка Фока Алексеевич, 1810 года рождения. Прапрадедушка Симеон Фокич, 1830–1898 годы. Его жена Анна Назарьевна.

Прабабушка Александра Семеновна, 1860–1934 годы. Жена – Смирнова Ивана Михайловича. Их дочь – моя бабушка. По дедушке знаю меньше. Прапрадедушка – Невский Никита Алексеевич, по уличному прозвищу «Боков», у него что-то с позвоночником было, он ходил "боком", 1850 года рождения. Его жена Екатерина Михайловна, 1852 года рождения, умерла после 1912 года. Прадедушка – Невский Михаил Никитич, 1872–1919 годы. Хороший Плотник, отходничал, жил в Петербурге, работал на Адмиралтейском заводе. Его жена – Матрена Федоровна, 1872–1943 годы. Дедушка – их сын, Невский Александр Михайлович, 1899–1958 годы.

У нас дома было ощущение, что все эти люди живы, о них много говорили, часто вспоминали.

Когда мы ходили на кладбище, а это было довольно часто, там пелись панихиды, опевали все могилы – и свои, и не свои. И вот это ощущение вечной жизни – оно присутствовало постоянно. Деревенские кладбища – это вообще особая статья.

– А кто пел панихиды?

– Бабушка и баба Варя, кто-нибудь из старушек, дедушка у меня рано умер, после его такой довольно тяжелой жизни, после Дмитровлага и ранения под Курском.

Мне было всего два года, когда он умер. Я его никак не помню, я помню только то, что он оставил после себя, – вот игрушки, нам сделанные, кровати для нас и прочее. Но остались фотографии, воспоминания и вот это ощущение, что человек все время присутствует. И даже сейчас, когда я по дому иду, особенно если идешь по повети, и тишина такая – на долю секунды вдруг покажется, что кто-то из них прошел. Вот как мамин брат Миша, который погиб на фронте,

бабушкин брат – диакон Владимир, дедушка и другие – судьбы этих людей сконцентрированы сейчас в одном доме, потому что старого дома нет, его в 1973 году, разобрали на дрова. Остался только наш дом, который дедушка и бабушка купили в 1929 году, когда отделялись от свекрови, от дедушкиной матери.

– То есть у *вас сохраняется ваш родовой дом в селе Матвееве?*

– Сохраняется. Пока благодаря моей маме он сохраняется. Полгода она там живет, но зимой там жить нельзя, потому что мужских рук нет, и он уже холодный, он очень сильно сел. При строительстве разных дорог все нарушено, что только можно, и подземные грунтовые воды меняют ландшафт, дома «плывут», двор наезжает на избу, дома садятся и т. д. Чтобы там жить, там надо, чтобы были мужские умелые руки, как раньше, и которых теперь просто нет.

– Вы сказали, что что-то забрать, что-то спасти возникло желание только у *вас, а почему у ваших родителей не было такого желания?*

– Не знаю. Наверное, просто желание войти в новую жизнь мешало любить и ценить старое.

– А казалось бы, при любви к своим историческим корням – дороги должны быть абсолютно все корни… У вас какая-то избирательность.

– Наверное, только потому, что на меня очень сильное впечатление произвели вот те люди, с которыми я жила. Они были вообще ни на кого не похожи в той жизни, которая меня окружала. Они читали книги, которые не читал никто, они пели песни, которые я до сих пор нигде не слышу. Например, новеллу Маттео Банделло, первоисточник шекспировской пьесы «Ромео и Джульетта», я прочитала именно в Матвееве, найдя ее в сундуке в горнице. Или замечательная по мысли и языку книга Федора Эмина «Путь ко спасению, или Благочестивые размышления о покаянии и непрестанном приуготовлении себя к смерти», которая начинается в «Размышлении 1» словами: «Опомнися, в светских роскошах погруженная душа моя!..» (Немного смешно представлять неведомые деревне «светские роскоши», но тем сильнее было впечатление от музыки слова.)

Книги Фаррара о жизни Иисуса Христа, святых отцов Церкви Василия Великого и Григория Богослова, издания Е. Богданович, И. Тузова о святых и Христа ради юродивых с цветными картинками, Новая скрижаль Л. Краснопевкова, Устав Никольского, Лествица, книга Софьи Снессоревой «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание Ее чудотворных икон» и другие – такие были книги.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Были издания классиков русской литературы в приложении к журналу «Нива»; сами журналы: «Нива», «Кормчий», «Родина», «Отдых христианина»; или совсем замечательные: «Жизнь святого Иоанна Милостивого, Патриарха Александрийского» графа Михаила Толстого; «Повесть зело душе полезна, выписана от древних летописцев из римских хроник», писана во обители чудотворца Кирилова монастыря Луки Евдокимовича Белянкина Повесть 17-го столетия»; «Врачевство для души, на дни болезней и на день смерти, в сие последнее и опаснейшее время», а также любимая детская книжка «Война и приключения оловянных солдатиков» С. Р. Минцлова в издании А. Ф. Девриена.

Очень любили разного рода стихи, особенно духовные… «Программным» стихотворением, которое читалось с назидательным воодушевлением, со слезами на глазах, было следующее:

Как упал Спаситель

Под Своим Крестом.

Не нашел участья

В воинах, ни в ком.

В это время с поля

Земледелец шел

И к Христу с любовью

Тихо подошел.

Воины схватили

Путника сего,

Возложив Крест

Спасов Силой на него.

То был земледелец

Труженик, святой,

Киринейский Симон,

Человек простой.

С радостью, любовью

Симон Крест понес,

А пред ним чрез силу

Тихо шел Христос.

В век да увлажится

Земледелец сей

От всех земледельцев

И от всех людей.

Симон Крестоносец —

Слава – честь крестьян!

Слава земледельцев

Всех веков, всех стран.

Труженик крестьянин,

Сотвори любовь;

Напиши ты в сердце

Трудный Крест Христов.

Крест тебе поможет

В тягостных трудах,

Он тебя утешит

В горестях – бедах.

Крест Христов осветит

Темный разум твой,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

А в часы напастей

Даст душе покой.

От креста, крестьянин,

Имя носишь ты,

Возлюбив Христов Крест

Крайней нищеты.

Крест неси безмолвно,

Не ропщи, но верь:

Крест тебе отверзет

Райской жизни дверь.

Там под сенью древа

Крестного в раю

Успокоишь душу

Скорбную твою

Там забудешь горечь

Всех твоих скорбей,

Как войдешь в собранье

Спасовых друзей.

В университете на 1 – м курсе, когда у нас был фольклор и нам рассказывали о том, что существует такая редкая песня, записанная в крепостном театре, «Во лесах охотник», я улыбалась от счастья, потому что я ее просто знаю, причем не только слова, а знаю, как она поется – у нас ее пели. Бабушка обладала замечательным музыкальным слухом, она очень хорошо знала службу и пела в церковном хоре, в свое время даже регентом была. У нее был большой диапазон – она могла петь разные партии, а у бабушки Вари был альт. Помню себя ребенком, сижу в зале на кровати за подушками, а они поют. Мне никогда не

надо было в жизни ничего большего и до сих пор не надо. Когда мы с мамой собираемся, я приезжаю летом, мы поем. Мама у меня поет прекрасно, у нее от природы поставленный голос. Вы знаете, это что-то совершенно непередаваемое. Мы сразу опрокидываемся в безвременье, забываем, сколько нам лет. А пели они духовные песни, например «Два Ангела парили над грешною землей и тихую беседу вели между собой» или «Ах ты келья моя, келья темная, ты лампадой одной освященная», «Гора Афон, гора святая», любимая пасхальная «Спит Сион и дремлет злоба, спит во мраке Царь Царей…», «В далекой стране в Палестине струится река Иордан», «Прошу тебя, угодник Божий, святый великий Николай! В житейском море утопаю ты руку помощи подай», и другие, но духовные песни – это вещь очень специфическая. «Гора Афон» и подобное – это святое, когда они пели это, разложенное на голоса, или когда они пели народные песни, разложенные на голоса, и городские романсы, тоже замечательные, – это было что-то совершенно удивительное. «Ехал пан, ехал пан…» Понимаете, голосом так сделать, что я вижу движение, но, может быть, у меня просто живое воображение было, как у ребенка, поэтому так на меня действовало. Это было сочетание вещей, которые кажутся несочетаемыми. Вот что писала в 1976 году мамина крестная Августа Кузминична Тараканова (ей в то время было 83 года): «Я большой книголюб, вот и просила у брата сочинение Достоевского «Обиженные и униженные»…

В этом есть для меня, например, что-то бесконечно трогательное. Все эти «книголюбы», вообще эта провинциальная «книжность», на которую мало обращают внимания. А я вот помню, например, журнал «Вестник знания» издателя В.В. Биттнера (как его ругал Корней Чуковский в известных печатных изданиях!). Может быть, Чуковский был и прав с точки зрения городской культуры, но для деревни этот «Вестник знания» имел колоссальное значение. Его наряду с Православной Богословской энциклопедией выписывал бабушкин брат. Это журнал освещал почти все отрасли знания и был, конечно же, не научный, но популярный.

У меня есть стихотворение, я не верю, что это сочинил мой дедушка в 15 лет. А 15 лет ему было в 1914 году, когда началась Первая мировая война. Стихотворение посвящено знаменитому казаку Козьме Крючкову, который потом так героически погиб в Белой армии. Я не думаю, что дедушка сам сочинил, но оно такое наивное, написанное от руки детским почерком, уморительное по орфографии и подписанное «Александр Невский», что мне хочется верить, что он сочинил сам…

– Вы не помните его на память?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Помню.

Впереди всей рати русской,

Впереди своих полков

Выезжают на разведку

Кучки русских казаков.

На коне ретивом едет

Бравый воин молодой,

Он Кузьма Крючков зовется,

Удалой казак донской.

Видит всадников вдали он,

В них германцев признает,

И один несется смело

Он на целый полувзвод.

Между немцами крутится

Он как страшный ураган.

Кровь казацкая струится

Из пятнадцати уж ран.

Вот еще немецкой шашкой

В пальцы ранен был герой.

Шашка выпала, остался

Воин с голою рукой.

Тут он силой молодецкой

Пику вырвал у врага.

Утекай, улан немецкой,

Если шкура дорога.

Девять немцев уж убито,

Вот еще один лежит.

Только трое удирают,

Полувзвод один разбит.

Прохворал герой недолго,

Излечился он от ран

И опять сражаться едет

За Россию и славян.

– Давайте проясним некоторые моменты. Вот, рассказывая о деревенском доме, вы говорите: «я сидела в зале». Что это за устройство дома такое? Мне сложно представить – где там зал? И родственники ваши выписывали книги, а кем они были? Возможно, мы что-то и знаем о «просвещенной деревне» XIX века, но скорее из русской литературы, чем реально. Складывалось такое впечатление, что скучающий учитель, разочаровавшийся врач, по ошибке и в «порыве молодости» поехавший в народ, и мог выписывать книги, но не крестьяне же! А здесь что-то другое. Так кем были ваши предки, чем они занимались профессионально?

– Не зал, а «зала» – это просто самая большая «парадная» комната. А профессионально они занимались крестьянским хозяйством. Мой прадедушка Иван, отец моей бабушки, был по выборной должности председателем волостного суда, но это не мешало ему пахать, сеять на своей земле. У него было пятеро детей. Две лошади, три коровы и большое количество мелкого скота и птицы. Управлялись они сами.

– А что он сеял?

– Я думаю, раз были лошади, значит, сеяли ячмень, овес, рожь. Хлеб там растет плохо. Я думаю, они продавали и в первую очередь себя обеспечивали. Деньги у него были, потому что он получал жалованье 5 рублей как выборное

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

должностное лицо, одно время замещал волостного старшину, эти выборные должности оплачивались.

У дедушки Ивана была трагическая любовная история, потому что когда он захотел жениться, то за невесту надо было давать выкуп. А невеста была из богатого дома. С нею он уговорился, а с родителями, видимо, нет. И когда речь вдруг зашла об изменении суммы выкупа, он обиделся, что он не стоит этой невесты, они рассорились, он пришел домой и сказал родителям: сватайте за любую. Его просватали, а это уже было связано и с рукобитием, и с договором, то есть это то, что уже нельзя разрушить, следующий этап – только под венец. Дедушка был 1861 года рождения, там женились в 20 лет, то есть это был где-то 1881 год. И он женился на моей прабабушке, ее тоже звали Александра. У нас вообще женские имена родовые – Александра и Екатерина. Почему меня назвали Мариной – это прихоть моей тети, которая решила, что имя модное и поэтому надо меня назвать так.

Ну вот. Они с бабушкой Александрой поженились, у них родился дядя Володя – бабушкин старший брат, и еще две девочки, они умерли. Жили они плохо и расстались. Девять лет они жили без развода, но каждый в своем родительском доме. Старики воровали дядю Володю друг у друга. А потом бабушка Александра решила, что так жить нельзя – не вдова, не мужняя жена, надо как-то обустраиваться. У нее сестра жила в Нижнем Новгороде, в белошвейках, и она решила к ней уехать. И для того чтобы ей уехать, надо было разрешение от мужа. Она пошла к дедушке Ивану, он ей разрешение не дал. Тогда старухи решили, что их надо мирить. Вот здесь сталкиваешься с тем, что называют колдовством. Я до сих пор приезжаю туда, и мне такое рассказывают… Так вот, они пошли к какому-то старичку, у старичка была книга «Цветник». Я все раньше думала: что это за «Цветник»? И уже сейчас в примечании к роману Роберта Бенсона «Князь мира сего» нашла, «Цветник духовный» – это собрание всевозможного рода назидательных благочестивых мыслей и добрых советов, извлеченных преимущественно из творений святых отцов и учителей Церкви (св. Иоанн Златоуст, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Августин Гиппонский). Однако в нем можно найти и цитаты светских мыслителей, и некоторых авторов дохристианской античности, как, например, Сократ, Цицерон и др. В России эта книга была обогащена выдержками из творений св. Димитрия Ростовского, св. Тихона Задонского, св. Филарета, митрополита Московского и мыслями некоторых русских писателей и светских деятелей: Карамзина, гр. Сперанского, гр. Блудова и др. Старичок, к которому они пришли, стал им говорить, что он может лишь «свести» брак, но не может «развести». И по этой книге «Цветник», как мне рассказывали, он им сказал, чего делать. Надо было что-то там подмешать в какую-то еду. Когда был какой-

то праздник и они у родственников в доме собрались, прабабушка что-то прадедушке подмешала, и тут как в сказке: он встал, взял ее за руку, и они пришли домой и постучали «мама, это мы», – с тех пор они стали жить вместе. И после вот этих девяти лет они народили мою бабушку, бабушку Варю и еще двух братьев. То есть такая была непростая история.

Дядя Володя, старший бабушкин брат (1884–1943) по внутреннему устроению и образу жизни был монахом. 1919 год извлек его из Галичского Паисиевого монастыря. В 1934 году он, по приглашению владыки Никодима (Кроткова), собирался на служение в сане диакона в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Крупениках в Костроме, но храм в это время был закрыт, позднее, в 1936-м, – разрушен. Сейчас на месте храма – телевышка. Дядя Володя остался в Матвееве, при окончательном разорении матвеевских церквей в 1937 году, претерпел гонения и уничижения, стал совсем тихим, в таком «умиленно-умалишенном» состоянии, как говорила бабушка Анна Торопова, и умер 24 декабря 1943 года, придя из Троицкой церкви с. Горелец, это 13 км от Матвеева.

– Перейдем к вашей собственной жизни. Вот вы закончили школу – городскую, и по окончании стали думать, кем будете в этой жизни…

– Как сказать, понимаете, «думать» – это слово ко мне не подходит. Я мало думаю, у меня только внутренняя убежденность. Я, например, понятия не имела, что такое исторический архив, но у меня было твердое представление, я даже девочкам-одноклассницам говорила, что я буду работать в историческом архиве. Когда я не поступила в первый год в педагогический институт, я пришла забирать документы и прочитала в институте объявление, что требуются работники в исторический архив, пошла и устроилась на работу. А потом мне мои одноклассницы сказали, что их приняли по полупроходному баллу, просто сказали не говорить всем, а если кто будет забирать документы – пусть забирает. Я считаю, что это рука судьбы, потому что если бы я кончила педагогический институт, я была бы гораздо хуже, чем я есть, это совершенно точно.

– Почему?

– Ну какой из меня педагог? Я, как выяснилось впоследствии, очень не люблю преподавать, не умею это делать и не люблю школу.

– Вы думаете, работа в школе вас бы испортила?

– Конечно. Развила бы чувство гордыни и безответственности от многодозволенности.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– И таким образом?

– Таким образом, я оказалась в Ленинградском государственном историческом архиве, который на меня произвел такое же почти впечатление, как моя «историческая родина», потому что я столкнулась с массой документов и богатейшей библиотекой. Я отработала там год и пошла штурмовать уже Ленинградский государственный университет.

– Вы на исторический поступали?

– Нет, на филфак. Я решила, пережив драму с рисованием, поступать на филфак, тем более что я хорошо пишу сочинения. Только потом поняла, что уметь читать – это не значит быть филологом.

– Вы хотели на русскую литературу?

– Да. Принципиально на русскую. И скорее всего, потому, что ничего другого не знала. Хотя очень быстро, буквально на первом курсе, поняла, что не филолог, что это абсолютно не мое.

– А что за драма с рисованием?

– Драма была обыкновенная… Я училась в очень хорошем месте, в городской художественной школе на углу улицы Ломоносова и канала Грибоедова. Там был замечательный директор Г. Антонов. Но я, видимо, была человек очень обидчивый и гордый, почему эта «трагедия» и произошла. Я жила в своем мире, и мне некому было помочь понять, что любое осознание своей бездарности в творчестве – это шаг вперед, что надо учиться и работать, что такое осознание – это движение, процесс, а не результат и жить в творчестве, да и в жизни, надо процессом. У меня все хорошо получалось с точки зрения рисунка, а еще лучше – живописи. Но у меня был совершенный ступор в композиции. И нам была задана композиция на тему сказки С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев». Я старательно писала и смывала, а ведь это же акварелью, мы же там не писали никакими другими техниками, только акварелью. Вот сижу, тружусь: костер, эти «месяцы» во всех видах сидят – ужас один, и чувствую, все какое-то «дубовое». А рядом со мной сидит такая Алена Иванова, замечательная была девочка, художник по существу. И я вижу ее работу: у нее на первом плане – не верхушек, не корней нет, просто стволы, вот как фотография, большой ствол без начала и конца, причем фактурно выписана кора, насколько акварелью эту фактуру можно определить, сосна, видимо, и как на картинах Жоржа де ла Тура, не видно источника света, а источник света – это костер на снегу. Я костер не вижу, но я вижу его свет на вот этих соснах, и больше ничего. Я тут же на всю

оставшуюся жизнь поняла, что я предельно бездарна, и перестала рисовать. После этого я решила, что теперь буду филологом.

– Но ваша сестра все-таки стала художником?

– Ну, она стала художником, как она сама смеется, потому что мы ее заставили. Хотя, конечно, были годы занятий, особенно когда она попала в училище Серова, когда оно еще располагалось у Смольного, – по уровню образования, по уровню внутренней наполненности это, скорее продолжение нашей городской художественной школы. Это было замечательное место, она его окончила, но побоялась идти в Академию художеств и поступила в Высшее художественно-промышленное училище имени В. П. Мухиной («Муху»).

– Я видела работы вашей сестры. В храме, где отец Георгий настоятелем, – две иконы. Икону из Матвеева, писанную под старый оклад…

– Да, в Матвееве в 2005 году на месте старых торговых рядов стараниями местного «олигарха», который вывозит лес, был построен храмик, такой деревянный, маленький, там народу сейчас мало, поэтому он кажется достаточным. Построен он вопреки всяким архитектурным нормам, крыша уже течет, дышать в нем нечем, в общем, со своими сложностями, но храм есть.

– А разве там нет исторического храма?

– Исторические храмы я могу показать на фотографии, как они выглядят, эти старые храмы. Когда речь зашла о том, что надо освящать новый храм, мы, посидев с мамой, вспомнили одну нашу семейную историю о том, что много лет назад, когда еще дедушкина сестра была жива и бабушка моя была жива, ей приснился сон: икона «Избавительница» афонского письма, спасенная при закрытии матвеевского летнего храма, сказала бабе Мане во сне: «Отвези меня в храм». Икона хранилась у нас дома, баба Маня испугалась и прибежала к бабушке. Бабушка говорит: повезли. И они повезли эту икону в ближайший храм. На саночках зимой 10 километров – в Ильинское. И эта икона благополучно там, в Ильинском, существовала. Но когда решили освящать наш новый храм, то мы подумали, что надо бы единственную сохранившуюся из матвеевских храмовых икон вернуть. С этим мы отправились к отцу Симеону в Ильинское. На обратной стороне иконы оказался большой штамп, в котором указывалось, что эта икона была принесена в дар матвеевскому храму. Оговорено название церкви и стоит дата – 1885 год. Эта дата для меня до сих пор загадка, потому что общее почитание образа «Избавительницы» у нас в России началось в 1889 году. Ей два праздника существуют – один апрельский, греческий, другой российский – в октябре. Думаю, что, видимо, кто-то из

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

матвеевцев был связан со старым Афоном, со Староафонским подворьем в Петербурге, или уж сам на Афоне побывал (у нас там были такие, кто и в Иерусалиме бывал, даже ветви пальмовые хранились оттуда). То есть икона сама по себе с историей. Костромской владыка эту икону вернуть благословил. Возвращение было торжественным, с крестным ходом, у меня хранятся фотографии.

– А как складывалась ваша жизнь дальше, после того, как вы окончили университет и получили специальность?

– Я училась на вечернем, продолжая работать в своем любимом Историческом архиве. Заканчивала просто потому, что на работе диплом филфака тоже признавался, но мне было там совершенно неинтересно. Знаете, у меня всегда было ощущение, что я всех обманываю: вот учусь хорошо, а мне неинтересно, вот диплом у меня университетский, а я ничего не знаю, написано в дипломе «филолог-русист», а я в действительности, наверно, даже не архивист, а старьевщик, как какой-нибудь татарин, ходивший по дворам с криком «старье берем». У меня был очень хороший научный руководитель (сейчас он уже умер). Очень интересный человек со своеобразной одинокой судьбой – Геннадий Владимирович Иванов. Мы с ним и двух слов не сказали, он был странный человек в смысле общения. Но у меня всегда было ощущение полного приятия и понимания, мне было у него очень интересно учиться и писать у него работы, он очень редко хвалил, но когда он мне сказал: «Вы можете учиться на филфаке», – это была похвала. Я не могла это всерьез воспринимать, я понимала: филолог – это что-то другое, это человек, владеющий массой гуманитарных знаний, я не говорю про языки, и вообще, из какой-то другой среды обитания… А я, какой из меня филолог?! Помню, мы поженились с отцом Георгием в тот год, когда оба заканчивали университет, 2 мая 1982 года венчались. Я в мае месяце прихожу совершенно вся в другой – новой жизни, сдаю свой диплом, мне Геннадий Владимирович говорит: надо думать об аспирантуре, а я отвечаю: не хочу в аспирантуру. Вы знаете, иной раз я жалею, что вообще существую – я полностью асоциальна. Но никогда в жизни не пожалела, что занимаюсь не своим делом. Никогда не пожалела. Я думала, что всю жизнь буду работать в любимом Историческом архиве. Это мое. Не зря у меня такая тяга к старым бумагам, документам, фотографиям, обрывкам и прочее. Это было всегда, с детства. И когда я себя обрела в архиве, я нашла свое место.

Когда мы поженились, отец Георгий поступил работать в отдел рукописей Публичной библиотеки, я оставалась в своем архиве, но через положенное время у людей рождаются дети. У меня появился Андрюша, и когда встал

вопрос, что снова надо выходить на работу, выяснилось – у нас ребенок не может ходить в детский сад. Мы не знали, с чем это связано, он такой, какой есть – не смог. Другие дети в детском саду – их на два-три дня отрывают от матери, они покричат, потом весело ходят. У меня не кричал и не плакал ни одного дня, но я помню прекрасно этот ужас, когда я его приведу, он повернется ко мне в дверях, так ручкой мне машет, а у самого личико подергивается оттого, что он слезы сдерживает. После этого я в нерабочем состоянии весь день. Этот кошмар длился две недели, плюс он в туалет не ходит, не ест, не спит, целый день в детском саду качается на лошадке-качалке. Я не могла не выйти на работу – нам не на что жить, потому что отец Георгий поступил в этот момент в духовную семинарию, а стипендия там была тринадцать рублей. Мы оказались в такой ситуации, что я без работы – тридцать пять рублей пособие, он – тринадцать рублей стипендии, и ребенок не может ходить в детский сад. Меня наш участковый врач долго держала на больничном, месяц, по моему, меня не увольняли, мы сидели на законных основаниях дома. И вот, в один ужасный день, ужасный в том смысле, что я веду Андрюшу в детский сад со справками, что мы болели, там медсестра его опять напугала, тем, что она его «посмотрит». Это было сказано таким тоном, что даже мне стало страшно, но я прихожу за ним вечером, он опять ничего не говорит, он полгода не разговаривал после этого садика, вообще ничего не говорил. Говорил только с нами. И тут приходит веселый отец Георгий и говорит:

«А мне дали работу». Я говорю: «Какую тебе дали работу?» А у нас была мечта: место псаломщика в Никольском соборе, и я думала, что речь идет об этом месте. Выяснилось, ему дают работу помощника заведующего библиотекой в Духовной Академии, это сразу освободило нас от детского сада. Мы сразу решили – больше не ходим в детский сад. Вопрос работы отпал сам собой. Раз ребенок не ходит в детский сад, значит, я больше не работаю.

– Расскажите, как вы познакомились со своим будущим мужем?

– Я никогда не думала, что это выльется во что-то. Сидела на пятом этаже в хранилище, обрабатывая какой-то фонд, забыла какой. Появился отец Георгий, мы с ним работали в разных отделах, он – в отделе хранения, а я в – отделе научно-справочного аппарата. Видела я, ходит какой-то молодой человек по архиву, мы никак не общались, а тут я сижу в хранилище и вижу, он пришел с конкретным вопросом: как ему с истфака перейти на филфак и стоит ли это делать. Я помню, очень долго его переубеждала, что не стоит это делать, потому что сама я в то время собиралась переходить в медицинский институт. Всячески его отговаривала и, видимо, отговорила, на филфак он не пошел. Наше знакомство началось с беседы о таких, самых обыкновенных вещах. Потом мы

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

продолжали общаться на работе, вызывая нарекания со стороны всех начальников, когда нас заставали в хранилище оживленно о чем-то беседовавшими, а беседовали мы всегда на высокоинтеллектуальные темы, что мне очень тяжело давалось: молодой человек такой развитой и умный, а я ничего не знаю. Мы продолжали так общаться очень долго, на работе. Потом отец Георгий, наконец, назначил мне свидание. Это было в Летнем саду…

– Через какой срок после первого разговора?

– Месяца через три. Но то, что меня поразило, не тогда, а потом – когда это стало системой, все свидания были только после часа дня. Я потом поняла в чем дело (дело было в том, что к часу дня заканчивалась литургия, он ходил на свидания после службы, и это было неколебимо), а тогда еще не догадывалась. Я помню очень хорошо, был февраль, довольно холодно, на сугробах наст. Одеты мы были замечательно: у меня была нелепая шуба в талию – серая, красная шапка и оранжевые сапоги, красота! Я помню, очень холодно, Летний сад пустой, я шагаю по сугробам взад-вперед, никого нет. Хожу, хожу, начинаю замерзать, себя ругаю – что я раньше времени пришла, а отец Георгий всегда опаздывал. Бежит отец Георгий, вид соответствующий, и мы так дружно говорим о чем-то высоком, по-моему, об Аксакове шла речь. Долго гуляли – замерзли. Он меня позвал: «Пойдемте, я здесь рядом живу, попьем чаю, согреемся». Я готова была пойти, а потом во мне сработали комплексы воспитательные – «как это не прилично», «только первый раз встретились, и я пойду к нему домой», и я не пошла. Теперь без смеха вспоминать об этом не могу. Но я пошла в другой раз, и мы замечательно пили чай с какой-то живой малиной, я впервые побывала у него дома в коммунальной квартире, это было сильное впечатление. Впечатление произвел сам дом, который я очень полюбила и люблю до сих пор. Так мы стали общаться, долго, до августа восьмидесятого года примерно, без всяких выяснений отношений. Хотя, конечно, я подозревала, но вообще я была очень в себе не уверена, мне не очень свойственны были чисто девчоночьи вещи.

– Кто кому понравился больше? Вы понравились вашему супругу?

– Я надеюсь, что понравилась.

– С чьей стороны произошел выбор?

– Не могу сказать, что с моей стороны это был выбор, во-первых, мне не из чего было выбирать, у меня не было широкого круга общения и опыта общения с молодыми людьми, но это было такое попадание, когда кажется, что иного и быть не могло.

– А «выяснение отношений» как произошло?

– Мы сидели во втором хранилище в переулке Пирогова, там неинтересное для меня хранилище – фонды заводов, я не любила там работать, но меня туда отправили, и вот мы сидим, и я позволила себе такую игривую вещь: написала стихотворение. Я уходила в отпуск, это был последний день работы. Тогда я очень легко писала стихи, тогда все рифмовали по случаю праздников, дней рождения и прочего, так было принято. Я написала ему вот такое стихотворение: «Мой друг, в далекой стороне/когда ты вспомнишь обо мне,/вкуси даров, тебе их плод,/вмиг утешенье принесет», завернула в перфокарту стишок и две конфеты «Белочка», положила ему незаметно в карман куртки и убыла в отпуск.

– Без подписи?

– Да, некоторая игривость мне, видимо, была свойственна. Потом он написал мне письмо, потому что я поехала к бабушке. Мы ведь очень долго на «вы» общались, буквально до самой свадьбы, конечно, я этих писем ждала, все было просто замечательно, но все равно, никакого объяснения я не ждала, не думала, что это все произойдет довольно быстро. Когда я приехала, был август и было очень жарко, я в тот день собиралась в театр со своей близкой подругой. Для меня поход в общественное место – это испытание, я была такая закомплексованная, и мне всегда было тяжело. Сборы в театр – целый день, надо настроиться, собраться, а тут звонит отец Георгий и говорит: «Надо срочно увидеться». Я не могу понять, в чем причина срочности, до меня многие вещи доходили как до динозавра. Но я поехала, и мы пошли в Таврический сад. И тут начинается знаменитый монолог на тему: он четыре года будет думать – будет он монахом или женится. Я все это слушаю, никак с собой не соотнося, потому что нет никаких слов, которые люди говорят в этих случаях. И здесь, видимо, он видит, что я ничего не понимаю, может, он обиделся, что я такая глупая, потом я начала что-то понимать и тоже почти обиделась. Нормальные люди как признаются в любви: слова говорят соответствующие. Я ничего не поняла, меня спасает моя замедленная реакция, я не обиделась, но у меня было нечто вроде шока, а он обиделся очень сильно. Все мои письма пихнул в карман, проводил меня на троллейбус…

– А что, письма – они у него с собой были?

– Да, видимо, решил на всякий случай взять, чтобы все сразу прервать. Когда мне вернули письма, вот тут я обиделась всерьез. Спокойно села в троллейбус и уехала в полном недоумении домой. Потом пошла в театр, был совершенно замечательный балет, мне очень понравилось, потом пришла домой, и тут до

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

меня стало доходить, что что-то произошло. Я не собиралась прекращать отношения, я ему позвонила, благо тогда существовали такие толстые телефонные книги по адресам, я нашла его адрес…

– Вы не знали его номера телефона?

– Нет, мы на работе все время общались, не было необходимости. Я ему позвонила, и после этого мычания-молчания в трубку – произошел уже какой-то перелом.

– А кто молчал в трубку?

– Я, конечно, я же первая позвонила и стала молчать. Кто-то из соседей взял трубку, я попросила, он подошел. Зная, что это он, я молчала, молчала, пыхтела…

– А он понял?

– Догадался, что-то сказал, к сожалению, я не помню что именно. Я помню, после этого мы стали общаться несколько иначе, стали ближе, но все равно оставались воскресные свидания после часа, каждый был очень занят своим: он – экстернатом, я – учебой. Экстернат у него был в университете, он потерял три года, когда пошел служить на флот. Однако что-то произошло, что отношения определило. Мы их не выясняли, но многое уже было понятно. Единственное, до чего мы договорились: что думать надо не четыре года, а два – чтобы мы закончили учебу.

– На что два года?

– На то, чтобы определиться. Мы продолжали общаться, и у меня как у девицы были обиды, когда, например, мы идем на службу, и я знаю, что ради меня он никогда ни с какой службы не уйдет. Предпочтение всегда большего – церкви, меньшей – мне. Сейчас меня это не мучает, а тогда порой бывало обидно. Я один раз даже вышла из Преображенского собора и пошла по Литейному, думаю: «Все, не могу больше».

– А как отец Георгий заявил вам, что он верующий?

– Я не помню, как-то случайно, мы говорили, говорили, рассказывали что-то друг другу, специально разговоров о вере не было, он вообще был очень деликатен в том плане. Он на меня не давил, не заставлял. Но дело в том, что раз я с ним, естественно, я иду и в храм. Иногда я уставала и начинала чувствовать, что неплохо бы на меня обратить внимание. Если бы я была ребенком из

последовательно церковной семьи, наверное, я бы так не реагировала. Но я была такая, какая была. И моя детская церковность только впоследствии стала во мне проявляться, когда я поняла, что она вообще-то и здесь существует, но в том окружении, в каком я была, я ее не чувствовала ни в университете, ни на работе, там не было людей воцерковленных. Вся воцерковленность у меня была связана только с миром, отсюда далеким, который находится за тысячу с чем-то километров. Мир церковной жизни здесь открылся мне благодаря ему, конечно.

– Вы узнали, что ваш молодой человек верующий, вас это обрадовало или огорчило?

– Мне сложно это выразить, мне казалось это естественным. Все мое знакомство с отцом Георгием связано с этим ощущением, что я втекаю, как ручей, во что-то такое, что было всегда. Прожив с ним довольно много – 27 лет вместе, сейчас могу сказать, что у меня всегда было ощущение, что я вернулась туда, откуда ушла. Я не берусь определить, что это такое. Например, я переписывала ему из бабушкиных книг тропарь на церковнославянском – Георгию Победоносцу, а у него был только на русском, вот с таких вещей начиналось, с мелочей. У него никаких книг не было вообще. Что-то брал смотреть, что-то брал читать.

– Значит, почти через два года прозвучало предложение руки и сердца? Или оно иначе было сформулировано?

– Оно не было сформулировано вообще. Мы просто решили, что нам надо идти в ЗАГС, а предложения не было.

– А два года прошли?

– Почти прошли, это был февраль 1982 года, учеба шла к концу. Я теперь иногда жалею: надо было и слова говорить. Но тогда было так: не надо мне никаких слов, я и так все вижу, мне и так хорошо. Мы просто конструктивно подошли к делу, пошли в ЗАГС. Мы пошли первый раз – там закрыто, отец Георгий: «О, я не туда посмотрел». Я вспомнила историю своей мамы, она пошла с папой в ЗАГС и забыла паспорт, она тогда подумала – какое дурное предзнаменование. Ее жизнь с папой не сложилась, они расстались спустя много лет. Я думаю – двери ЗАГСа закрыты, и вспоминаю мамину историю, без всяких параллелей. А потом я себя быстро отучила и от снов, и от любого суеверия. И жизнь, как правило, это подтверждает – не надо обращать на это внимания. Я не верила, что когда-нибудь выйду замуж, никогда не верила, я до последнего дня не могла поверить, что это будет. Мы пришли, высчитали, когда пост, когда Пасха, на 30 апреля подали заявление, и начались приготовления к свадьбе. Поначалу отец Георгий сказал: «Никакой свадьбы не нужно, все это

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

личное дело, а остальное ерунда». Но тут моя мама, она этого очень долго ждала, «восстала»: «Эта ерунда – не личное дело, а семейное… И не говорите ничего – я все беру на себя». Мама у меня – большой труженик, ею одной наша свадьба и была сооружена. Я только на подхвате, потом моя тетя приехала… У меня огромное количество родственников, и все собрались на нашу свадьбу.

– Свадьба была в день регистрации или в день венчания?

– Свадьба была в день регистрации. О том, что мы едем венчаться через день, мы никому не сказали.

– Сколько вам тогда было лет?

– 25 лет. Я была зрелая невеста. Я помню это метание, этот кошмар, связанный с магазинами, я понимаю отца Георгия. Но поскольку родственники сказали, что это важно – свадьба пусть будет свадьба. Слава Богу, не было кукол, машин, вальса Мендельсона, ничего этого не было. Все было тихо, спокойно, приятная женщина нас поздравила, мы расписались, где надо. Я надела кольцо, правда, при выходе из ЗАГСа у меня его отобрали и сказали, что надо снять, раз мы еще не венчались. И мы всячески тянули время: после ЗАГСа решили пойти домой к отцу Георгию, занести свидетельство о браке, потом зашли в магазин «Мысль», книги посмотреть, – так нам не хотелось шумного застолья. Пусть они празднуют, мыто здесь при чем. Впрочем, все было прилично и весело. И на следующий день мы уехали в Бежецк Тверской области, в Сукромны, где венчались.

– Почему там?

– Мы туда поехали, потому что там служил священником отец одной девушки, ставшей потом Андрюшиной крестной, с ней отец Георгий познакомился, учась в университете, и мы с ней подружились. Вот она и предложила поехать венчаться к ее папе. И мы с радостью согласились. Мы никого не оповещали, а если венчаться в городе, то инкогнито сохранить было бы невозможно.

– Вы предполагали, что выходите замуж с перспективой стать женой священника?

– Никогда не думала. Я уже говорила: не понимаю, что это за особая статья – жена священника. Для меня это непонятно до сих пор.

– Когда вы узнали, что ваш муж хочет идти в семинарию?

– Я сидела с Андрюшей дома, он приехал с работы и говорит: «Знаешь, я еду в метро, спускаюсь вниз на Техноложке и думаю, а зачем мне все это надо?» Тогда он писал диссертацию. «А не надо мне ничего этого, я иду в семинарию». Я знала только одно – он умнее, мудрее и мне надо только принимать, и все. Борений не было, но мне немного страшно было. Я человек маленький и плыть против течения, сейчас я, наверно, способна, когда мне уже за 50 и я в чем-то покрепче стала. Смолоду я конформистом не была, но боролась тихо – все время уходила в сторону. А тут он предлагал прямое противостояние, если бы я была одна, наверное, не выдержала. С ним мне было не страшно.

– Противостояние с кем?

– Обществом. Общество не агрессивно, оно открыто не пинает, но когда он поступил в семинарию, мы очень хорошо ощутили изгойство. Ты чужой. Давления не было, но было ощущение противостояния. Мы выпали сразу, у меня не было социума, я сидела с Андрюшей дома, и все. Весь мой социум – это Духовная Академия, а там мы себя чувствовали защищенными, как войдешь в Лавру, дойдешь до этих зеленых заборов, и все – для меня мир не страшен. Он и так был не страшен, он меня не трогал.

– Когда отец Георгий поступал в семинарию, он с вами не советовался?

– Нет. Что значит советоваться – это его решение, которое выливалось из его размышлений, желаний, поступков. Видимо, мы внутренне в чем-то одинаково устроены, потому нам и слов каких-то не нужно было лишних, каких-то объяснений.

– Когда люди начинают жить вместе, они сталкиваются с вещами, которые вместе они еще не преодолевали, денежные проблемы, на что жить, как тратить, конфликты…

– Вы знаете, мне никто не поверит, но конфликтов у нас просто нет.

– Почему?

– Не знаю почему, наверное, ума хватает у обоих.

– Бывает, что вы не согласны?

– Бывает.

– И что вы делаете?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Я сразу об этом объявляю.

– А дальше?

– А дальше по ситуации. Бывает, что меня приведут к согласию, убедят, что я не права, а бывает, мне удается убедить.

– Бывает, что приходится приступить к действию, не добившись согласия?

– Нет, если к согласию не приходим, действия нет. Но я скорее уступлю, даже если я не согласна, я уступлю.

– Такой отголосок «Домостроя», жена – готовит, муж – социально активный, так установилось и никто не против?

– У нас нет жесткой градации, вот отец Георгий может утром встать и сказать: «Сегодня я буду варить кашу», – и пойдет варить кашу. Он терпеть не может готовить и не умеет, но кашу варит очень хорошо, я лежу и думаю: «Как хорошо», – но чаще всего мне приходится вставать, готовить, провожать, так сложилось. Например, когда мы поженились, деньги были у меня, как в большинстве семей, я ему выдавала 15 рублей на две недели на обеды, на что-то такое. Потом, я помню, август месяц, в воскресенье мы едем в Павловск, мы очень любили Павловск, благо жили рядом с вокзалом. У меня жутко болел живот, я начинала подозревать, может, у меня кто-то в животе появился, смутные были подозрения. Мы сидим в электричке, и отец Георгий говорит: «У меня для тебя сюрприз». – «Какой?» – «Я накопил 70 рублей». Я спрашиваю: «Из чего ты накопил?» Оказывается, из тех 15 рублей, что я ему давала. Я обрадовалась страшно. Когда мне в понедельник были выданы 70 рублей, я пошла, купила ему свитер, он стоил баснословные 43 рубля, это было очень дорого для нас (я получала 115, он 120 рублей). Он этот свитер носил, я не знаю сколько лет, пока до дыр не износилось – он ему очень шел, я была рада, что могу купить ему приличную вещь, потому что, например, он ходил в такой шапке, что, когда его увидела моя сестра, она в прямом смысле слова заплакала. Это был конец августа – сентябрь, потом события стали развиваться так, что я поняла, действительно, у нас кто-то будет. Сходила к врачу, это подтвердилось. Я не помню, с какого момента, но распределение семейных денег перешло к отцу Георгию. Я не принадлежу к числу женщин, которые могут и умеют руководить, в этом смысле у меня совершенно традиционное стародавнее представление где-то в подкорке, для меня естественно, если мужчина руководит, я другого не понимаю. Я вижу разные семьи, где руководят женщины, и прекрасно живут, я не против, просто я этого не умею делать. Для меня нормально подчиненное положение. То же самое и с деньгами. Когда села

дома – мы и до этого жили, мягко говоря, не богато, а когда пришлось считать копейки, я бы просто не справлялась. Научилась бы, конечно, но с большими трудностями.

– В этот момент копейки считать стал отец Георгий?

– Это началось очень давно, еще Андрюша не родился. А когда родился, вообще не о чем стало говорить, я сижу дома, и мне выдаются суточные. Так и до сих пор.

– А как проходил ваш так называемый «культурный семейный досуг» после свадьбы?

– Это было очень смешно. Пока о детях речи не было, досуг был очень хороший: мы рано утром в субботу вставали и шли играть в Семеновские казармы в бадминтон, мы играли все лето – пока не образовался Андрюша. Утро начиналось замечательно, я никогда не чувствовала себя такой раскованной – чтобы я шла даже не в спортивных штанах, а в папиных рабочих брюках (ему выдавали на заводе), и в этих брюках, в футболке с ракеткой мы идем играть в бадминтон. Я сама себя не узнавала. Я была на верху блаженства. Потом мы решили развиваться культурно, купить абонемент в Капеллу (на Филармонию у нас денег не хватило). Мы пришли в Капеллу, выбираем абонемент, они все очень интересные по содержанию, но разные по цене. Я выбираю самый дешевый, администратор смотрит на меня и говорит: «Какая жадная». Мне так стало обидно, думаю: дурочка ты, я не жадная, просто у меня денег нет. Мы выходим из Капеллы, и там стоит бабушка и продает цветы, он мне покупает цветы, они похожи на старые каски пожарников, такие голубые, на больших длинных стеблях, по-моему, люпины, растут на каждой даче. Мы очень много гуляли и разговаривали, в этом заключался наш культурный досуг. Мы ходили в Эрмитаж, какие-то выставки посещали, но все это было фоном. А главное было общение, общение, общение, сейчас мне этого очень не хватает, его вечно нет дома, и когда я начинаю ныть, что вот, дескать, что это такое? Он говорит – я и так с тобой слишком много разговариваю. На этом все кончается. Мы ходили в кино, регулярно в «Аврору» ходили, благо жили рядом, но я не помню, что это имело какое-то решающее значение. Важными были поездки в Павловск, вечно любимый, и бесконечное гуляние по городу. Перед уходом в декрет я занималась очень интересным делом: участвовала в создании первого экспериментального выпуска архивных каталогов, подготовленного в рамках Автоматизированной информационно-поисковой системы, на комплекс документов по истории памятников архитектуры и градостроительства Ленинграда и пр., т. е., в частности, в подготовке межархивного каталога

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

документов, посвященных истории планировки и застройки Невского проспекта. И пока я занималась выявлением документов и их описанием, в мозгу у меня, естественно, что-то оседало, мы тогда много знали, и по городу ходить было очень интересно. Город имел двойное лицо, не то, которое мы видели реально, а то, что было подспудно, скрыто, как Атлантида. В гости тоже ходили, но мне всегда было достаточно о. Георгия, а потом – его и детей.

– Как вы скажете про себя: вы изменились, став замужней женщиной?

– Меня семейная жизнь научила тому, что любая замужняя женщина понимает – в ее жизни слово «хочу» почти не существует, существует только одно слово – «надо». В этом я все больше и больше утверждаюсь. Если раньше это было на уровне наследственном, то сейчас это стало осознанно. Но мне было легко, я была уверена – меня поймут, мне не надо добиваться каких-то вещей. Подчиненное положение для меня естественно, я не могу сказать, что это мне очень нравится, по-другому я себя не вижу, по-другому я не умею. В этом все дело. Я не умею настаивать на своем, когда я это делаю, результаты бывают плачевны. Я давно от этого отказалась.

– Были же у *вас семейные кризисы?*

– Мне нечего рассказать, у нас ничего не было. Самые легкие, самые беззаботные годы у нас были до 2000 года, потом наступил более тяжелый период, связано было это с Академией, это не могло не отразиться на жизни, плюс мы уже сорокалетние, а это усталость.

– Когда отца Георгия рукополагали, какие у вас были чувства?

– У меня было чувство такое – начинается новый этап жизни и во мне что-то должно измениться, я еще не знала как, но должно. Мне было легко, когда его рукополагали в диакона, на Благовещение 7 апреля 1988 года, а у меня через две недели Маша родилась, я могла первый год спрятаться за Машу, за грудного ребенка и не напрягать себя в этом смысле. Я не могу сказать, что сильно изменилась, – нет. Какие-то вещи для меня закрыты: я не рисую, я не пою, я ничего не могу, кроме как жить для моей семьи. Ничего эпохального не происходит – все спокойно.

– Но есть такая вещь, как самореализация.

– С годами я, к прискорбию своему, поняла – мне нечего реализовывать. Сейчас мне от этого очень обидно бывает, даже порой в печаль от этого впадаю. Понимаете, когда человеку есть что реализовывать, ему не мешает ничего, ни

дети, ни муж, который самореализовывается или общественно служит, ему не мешает ничего. Но я поняла, что если у меня ничего нет, это не потому, что я великая смиренница и что-то там в себе задавила, а по простой причине – мне нечего реализовывать.

– Отец Георгий изменился, когда стал священником?

– Первые годы он был таким, каким был до этого. По мере того как он вникал в клерикальную церковную жизнь, конечно, здесь появилась и суровость, и тяжелый юмор, мне это не нравится, но я не могу с этим бороться: ему надо каким-то образом себя оберегать, защищать. Мне далеко не все нравится, другое дело – я могу понять природу происходящего, а раз так, я не хочу ничего переламывать. Если понимаешь – можно перетерпеть, принять.

– Расскажите о своих детях. Сколько у вас детей, как их зовут и чем они занимаются?

– Двое детей, Андрюше 26 лет, он кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ. Маше 21 год, она на пятом курсе СПб Государственного медицинского университета им. академика Павлова. Соответственно Андрюша гуманитарий и занимается историей средних веков, а Маша собирается стать травматологом-ортопедом.

– Вы когда воспитывали дочь и сына, у вас была какая-то система воспитания или вы на кого-то ориентировались? Сейчас родители книжки читают или с кем-то советуются. Или воспитание – это что-то интуитивное?

– Я не знаю книг по воспитанию, они как-то прошли мимо меня. Но тяжелая ситуация с Андрюшей научила меня только одному, я поняла, что ничья житейская ситуация не тиражируется. Никакой опыт никому передать нельзя. У каждого не только своя ситуация, но и свое мироощущение, мировосприятие, чувствование детей – степень близости к ребенку – чувствуешь ли ты его полностью или не полностью или вообще не понимаешь. Я даже считаю, что книги по воспитанию вредны, масса людей механически переносит то, что они прочитают, на свою жизнь и тем самым только вредят. Они закрывают свои собственные уши, свое собственное сердце – литературой, пусть даже очень хорошей. Масса замечательных матерей и отцов совершенно не умеют свое педагогическое умение передать, рассказать о нем на бумаге, отсюда тоже накладки. Я считаю, что нужно слушать исключительно собственное сердце, собственные мозги включать, читать прекрасную литературу, слушать классическую музыку и никуда не торопиться. Больше ничего не надо.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Можно ли сказать, что ваши дети очень похожи на родителей? Хорошие родители – хорошие дети. Можно ли сказать, что вы ими довольны?

– Не берусь выносить оценки ни нам как родителям, ни нашим детям. Могу лишь сказать, что я рада, что они у меня есть, со всем хорошим и со всем плохим. Наши дети на нас похожи.



– Их профессиональный выбор вас устраивает?

– А мне все равно, кто они будут, главное, чтобы были хорошими людьми, спокойными, не агрессивными, разумными, такими, которые способны не только себя слышать, но и окружающих. Кем они будут по профессии – меня не волнует абсолютно, только бы их это устраивало.

– Вам хотелось бы, чтобы сын был священником, а дочка – женой священника?

– На этот вопрос я могу честно сказать – нет.

– Почему?

– Я считаю, что священников сейчас в избытке, а вот хороших, по-настоящему активных мирян, последовательных христиан, очень мало. Пусть он лучше пополнит малое стадо мирян. А дочка не может быть женой священника, потому что она хочет заниматься таким мужским врачебным делом, которое будет требовать полной отдачи. Она этому много сил отдает, и уже много лет. Мне не хотелось бы, чтобы у нее был внутренний конфликт в ситуации необходимого выбора между семьей и любимым делом. В любом случае женщина-врач все равно делает этот выбор, если у нее образуется семья и дети. Есть такие врачебные профессии, где врач днюет

и ночует при больных, это уже не профессия, а диагноз. Я таких врачей знаю, для них их работа – диагноз, а не образ жизни. Не едят, не спят, а только лечат, режут и шьют.

– Такой врач хороший?

– Очень хороший, но я не знаю, как он живет, а уж его жену себе и представить не могу.

– У священника все дети должны быть воцерковленными, детей это, наверное, сильно «напрягает», родители над ними «дрожат»: вдруг ребенок возьмет и перестанет ходить в церковь. У вас такое было?

– У меня такого не было, я очень давно интуитивно поняла, что я никого не могу духовно ничему научить, и более того – это не моя задача. У каждого человека своя задача – спасти себя. Если ты себя будешь спасать и делать для этого все, что положено, – глядя на тебя, может быть, твои дети захотят тебе последовать. Вслед за тобой идти туда, куда ты идешь. Могут захотеть, а могут и не захотеть. Надо себя уговаривать, надо быть готовым: к этому, к их свободному выбору. Если я сама себя не могу подвигнуть ни на какие духовные

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

высоты, я не хочу об этом говорить – это моя драма, – что я могу требовать от своих детей? Ничего.

Если я вижу, что у меня ребенок идет в храм, я просто тихо радуюсь, но я ничего не делаю для того, чтобы подпихивать их в эту сторону. Помню, когда Маше было лет 12, они у меня пошли на Благовещение одни, – мне было плохо, и я осталась дома, – я видела, как она не хотела идти, а поскольку она привыкла слушаться, она пошла, и более тяжелого праздника я просто не помню. Я тогда отступилась, дети учат многому, может, это позиция слабого – отступать, но мне бабушка так говорила, когда был какой-то конфликт: «отступись», – она всегда одной из сторон говорила «отступись», и кто отступал, тот, как правило, выигрывал.

Что значит воспитывать? Если они не видят моего родительского интереса к Церкви, к тому, что с Церковью связано, не будет и их интереса, не будет ощущения живой жизни. Если они видят родительский интерес к Церкви, к тому, что с Церковью связано, возможно, будет то, что наполнит и их жизнь. Даже если они по каким-то причинам в храм не идут или идут не так, как мне этого хотелось, я не лезу. Пока ребенок маленький, 3–4 годика, он тебя слушает, – он приходит с тобой и стоит у ноги, а когда вырастает, он видит и твое несовершенство, я не говорю про несовершенство мира, самое главное, когда ребенок видит – его родители далеко не идеальны. Когда он начинает это видеть, что ты можешь противопоставить? Ничего. Слова правильные, но если они не подкреплены твоей деятельностью, они мертвы. Пусть он лучше видит мою нищету духовную и мое карабканье куда-то и решает сам для себя. Ему надо или не надо, пока вроде надо. Я не считаю, что родители способны, а главное, обязаны детей духовно образовывать. Им это не по силам, даже если они считают, что могут это делать. Я убеждена – это родителям не под силу. Они же не Господь Бог, Который и питает и образовывает, воспитывает духовно все, что угодно. Мы сами не знаем, что может воспитать духовно: когда в духовной семье вырастают монстры и в абсолютно бездуховной – высоко духовные люди. Это тайна.

– Но когда ребенок маленький, нужно, чтобы он всю службу стоял или только прийти и причастить, – как вы решали?

– Сначала прийти причастить и не уйти, просто прийти попозже, потом постепенно расширять, это неизменное правило, здесь нет исключений. Я ни за что не поверю, что сейчас есть маленькие дети, которые умильными голосами в два года с утра до ночи молятся, и так продолжается всю их жизнь. Но я знаю другие судьбы детей, когда им в пять лет шили стихарики и объявляли их

будущими монахами, а сейчас эти дети, которым уже двадцать, они лет пять – восемь близко к порогу церкви не подходят. Таких примеров у меня перед глазами очень много. Нельзя младенцев кормить изысками, они должны начинать с молока и кашки. И в духовном росте должно быть так же. Все потихоньку, чтобы не напугать, не отвратить, это колоссальный труд, кропотливый.

– Сознают ли маленькие дети, что они дети священника?

– У меня осознавали слабо. Я сознательно никак не подчеркивала то, что они «дети священника», потому что высокую меру ответственности маленькие дети понести не могут, зато в них могут развиться дурные привычки иждивенчества, вседозволенности, какой-то «особости».

– Что читается дома? Есть ли специальный выбор литературы?

– Круг чтения широк. Книги по всеобщей и русской истории, по истории различных искусств, по церковной истории, душеполезная литература, литература философская, иногда стихи и художественная литература – это о. Георгий, Андрюша и я. У Маши это в основном «Микрохирургические реплантации фрагментов кисти», «Переломы шейки бедра», «Костная патология взрослых», «Клиническое исследование костей, суставов и мышц» и т. п., а также бесконечно любимый Диккенс и любимые детские книги.

Наверно, 27 лет – слишком все-таки маленький срок, чтобы говорить о традициях. Традиция в моем понимании предполагает то, что существует во времени вне зависимости от перемен, в нем происходящих. Когда дети маленькие, очень важны бытовые традиции. Но век их короток, т. к. дети вырастают, и порой традиция вступает в противоречие с жизнью. У нас в семье было принято наряжать елку в сочельник после всенощной.

Она ушла, и дело не только в том, что мы уходим теперь на ночную службу. Дело в том, что мы уже не можем не замечать того, что елки наряжают перед 31 декабря. Сейчас я не занимаюсь печением четверговой соли или крестов с жаворонками, когда дети были маленькие, я это делала.

Бытовая традиция может заменить живую духовную жизнь, это тоже страшно. Поэтому я спокойно отношусь к зарождению и угасанию бытовых традиций. Зажигание лампадок, чтение и обсуждение, например, канона ко Господу из последования утрени, приготовление пасхи и кулича, крашение яиц – для меня это не бытовая традиция, а живая жизнь души и живое присутствие Господа в моем доме.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– А какое участие в воспитании детей принимал отец Георгий?

– Очень сложно определить какое… Несмотря на то что его все время нет дома, его влияние на детей очень сильное. Для меня это тайна. Когда он был свободен, он никогда не отказывался с ними заниматься. А так как он сам большого ребенка сильно напоминает, ему не надо было надсаживаться, он тут же становился этим самым ребенком и играл во все игры, и сам Андрюше предлагал играть, и Андрюша ему предлагал, так они могли играть очень долго. Я помню, Андрюша тогда был уже не маленький, идем из Академии, еще отец Феодосии тогда был духовником, идем со всенощной, Андрюша берет какую-то палку и начинает этой палкой в отца Георгия тыкать – фехтовать, отец Георгий подбирает другую палку, и, наскакивая друг на друга, они таким образом передвигаются по дорожке, шпыняя этими палками друг друга. Идет отец Феодосии, обернулся, засмеялся на это зрелище. Это игра, если ребенка в элементарной игре не поддерживать, то с ним невозможно удерживать внутреннюю связь, внутренний контакт. Андрюше было три года, когда как-то отец Георгий приехал из Троице-Сергиевой Лавры, привез иконки – обычные, на оргалите – Сергий Радонежский и Серафим Саровский. Андрюша смотрит и спрашивает: «Что у них такое на голове»? Как ребенку трехлетнему объяснить, что такое нимб? Мое объяснение было простым, что они были очень хорошие, добрые, верили в Иисуса Христа, поэтому у них такой знак – кружочек. Он смотрит и говорит: «А почему у меня нет? Я тоже хороший и тебя слушаюсь». На такой вопрос я не могла ответить. Или он спрашивает: «Кому молился Иисус Христос?» Я так растерялась, и с этими вопросами к папе. Папа ему, с одной стороны доходчиво, с другой стороны сложно объяснял. Они привыкли вместе, папа живет тем, чем он занимается, это на детей сильное влияние оказывает.

– Разница в воспитании мальчика и девочки для вас какова?

– Нет разницы. Они росли в одинаковых условиях, только выросли разными.

– Когда ваши дети выросли, стали жить своей жизнью, какие для них появились новые реальности? Как они свой досуг строили и сейчас строят?

– Вы знаете, они не умеют досуг строить, его просто нет. Когда было немного досуга – они были поменьше, – это чтение. Чтение и рисование, причем рисование с озвучиванием, с игровыми моментами, написание романов, у меня до сих пор Андрюшин роман где-то лежит, написанный печатными буквами, где «Р» в другую сторону, «Я» в другую сторону. Роман «Краснокожий», где главные герои – он и Маша. Ни цирк, ни кукольный театр, ни даже драматический, не произвели на них в детстве того впечатления, когда хочется пойти еще раз. В Русском музее 4-летняя Маша и 9-летний Андрюша больше

всего любили те залы, где были картины на религиозные сюжеты. Например, картина К.Д. Флавицкого «Христианские мученики в Колизее». Дома потом они воспроизводили увиденное – в игре и рисовании. Очень любили Эрмитаж и проводили там много времени, несмотря на то что, когда Андрюше было 3 года и мы пришли в Рыцарский зал, предвкушая увидеть радость на лице ребенка, он заплакал от страха и убежал. Любили оперу и Михайловский театр. Самое любимое: «Пиковая дама» П.И. Чайковского, потом – оперы Верди. Много слушали музыки дома. Потому что когда-то мы собирали с отцом Георгием пластинки, классическую музыку, и было что слушать. А когда мы пошли в оперу, я получила такое наслаждение от 8-летнего ребенка, который эту оперу слушает, что, когда прошло столько лет и двадцать раз на нее потом ходили, первое посещение запомнилось на всю жизнь. Много в жизни нам помогла Академия, у ребенка с малого возраста сформировался навык к серьезной музыке, отсутствие привычки к слушанию всякой ерунды, отсюда нет тяги к ней. Почему он и оказался готов в третьем классе, когда мы пошли на «Пиковою даму». Когда как мы сели, – увертюра и Герман проходит вдоль решетки Летнего сада, он как замер у меня на руках и до половины двенадцатого – опера длинная, так и просидел как пришитый, мы даже в антракте не вставали. Ушли последними из зала. Такое было сильное впечатление, это был момент абсолютного счастья. Такое совпадение всего.

– А Маша такая же отзывчивая к художественным реалиям?

– Да. Но Машу сильно испортила музыкальная школа, и к тому же ее восприятие не так зациклено на нас – она живет в несколько ином мире. Андрюша этого долгое время не замечал, весь мир составляли – мама, папа и Академия. Когда Маша попала в Медицинский лицей, там ведь дети из другой социальной среды: и дети хорошие, и родители очень хорошие, но они живут иначе, и на Машу, видимо, это произвело сильное впечатление – люди живут по-разному, не только как мама с папой или ближайшие друзья. Есть очень интересные родители, например, у девочки родители – героические врачи, и понадобились усилия, чтобы сопрячь одно с другим. К моему стыду, моего участия здесь не понадобилось. Она справилась сама. Была опасность, что она противопоставит домашнее тому, что вокруг, – я не знаю, как ей удалось этого избежать.

– Вы считаете, это ваша ошибка, что так получилось, или вы правильно поступали?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Я не знаю. Не знаю, как это оценить, ошибка – то, что я никак не вмешивалась, с другой стороны, раз я не умею правильно вмешаться, с моей точки зрения, лучше никак не вмешиваться. Тогда еще хуже сделаешь.

– А может быть такая ситуация, что вам не нравятся друзья ваших детей?

– Я себя сдерживаю, меня пугают и пугали, но я себе говорю: «стоп», и все. Я не вмешиваюсь.

– Никогда?

– Никогда, ни разу.

– Никогда не жалели?

– Нет.

– Вы довольны тем, какими выросли ваши дети? Вы представляли, что они именно такими станут в будущем?

– Я их никак не представляла, мне не свойственно представлять конечный результат. Я не знаю, что будет, потому что, если я буду знать конечный результат, я обязательно ошибусь, буду давить, выстраивать и подгонять под конечный результат. Раз я его не жду и не вижу, значит, я буду более чуткая, более внимательная. Не жду результата, в глубине души я, наверное, пессимист, если что-то хорошее будет – это дар Божий, – двумя руками креститься и Бога благодарить. Я вижу столько примеров, когда прекрасные люди, энергичные, с большой отдачей и – с детьми не получается, и бывает наоборот, когда совсем ничего – и прекрасные дети. Мне близка фраза В. Набокова из книги «Другие берега»: «Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе», я бы выразила чуть-чуть иначе: любить всей душой, а в остальном доверяться Богу. Я не знаю, люблю ли я кого-нибудь вообще, но ведь любовь по апостолу Павлу, – это действие, долготерпение и масса еще другого. Я могу задекларировать все что угодно, но я не знаю, насколько я это подтверждаю жизнью. Это только будущее покажет, а я его могу и не узнать. Не люблю я эти слова: «Я люблю своих детей», – я же знаю, наверняка я для них чего-то не сделала, не хватило талантов, энергии.

– Вы выбирали школу для своих детей? Было желание отдать в православную школу?

– Школе я всегда не доверяла как системе, которая обречена нивелировать индивидуальность. У меня была к ней простая просьба: не трогать моего

ребенка, не воспитывать и развивать его, а только учить… Андрюше и выбирать не приходилось, мы жили около 206 школы, значит, мы в нее пойдем – это был 1989 год, еще не было свободы выбора. Потом так складывалась его школьная жизнь, что он четыре школы поменял, и самая хорошая была последняя – классы при институте Богословия и философии, это школа, где он учился, она ему очень много дала. Могу только с глубокой благодарностью вспомнить директора этой школы С. И. Левина, учителей Ю. А. Соколова, Т. Н. Щипкову, М. К. Иванова и др. Православная школа также встретилась на Андрюшином пути. Но, к сожалению, по сути она оказалась очень посредственной школой, где все находилось в той стадии, когда декларируются и бездумно насаждаются внешние приметы православного быта без проникновения в смысл православного бытия.

А Маша пошла в другую школу, мы переехали, здесь выбор небольшой, но мы остановились на женской гимназии 628, надо сказать, там была прекрасная начальная школа. Коллектив хороший работал творчески, такое хорошее было отношение к делу, к детям, она, конечно, оттуда выпадала все равно. Вот она идет из школы: «Мамочка, почему у меня нет никакого друга?» Как мне ей объяснить, что такая ты есть, ты выпадаешь?! Она привыкла: если сказали – надо делать, если надо делать – делать хорошо, к ней очень хорошо относились учителя, она была обучаема, хотела учиться. Но она терялась, когда оказывалась в коллективе на перемене или когда их гулять выводили. Она настроена играть, а там другой мир, ни хороший, ни плохой – другой.

– Смогла она адаптироваться в детском обществе?

– Она пыталась. Сейчас спрашивает: «Может, зря, мама, ты не отдала меня в детский садик?» Но какая я была тогда и какие были обстоятельства, я просто мысли не допускала отдать ее в садик, особенно после истории с Андрюшей. Она адаптировалась. Как? Нашла подружку, новенькую, которая пришла в третий класс, и они с ней общались, тем более она ходила в музыкальную школу, там был замечательный кружок по бисероплетению, который вел какой-то дедушка. Дед был замечательный, он был тихий, спокойный, приносил им разноцветный бисер – просто так раздавал. А потом она была очень послушная, это ошибка была моя, я не заметила в свое время – подозрительность послушания. Никогда конфликтов не было, все она делала: в музыкальную школу – значит в музыкальную школу, пошла в пять лет учиться музыке, еще до школы, это было самое лучшее время ее в музыке. Она ничего не знала и мало что умела. Но она откроет «Детский альбом» Чайковского и сидит, разбирает, не понимая в диезах с бемолями, кроме основных нот, и шурует, приходим к учительнице, она ей играет – музыка соответствующая. Учительница была

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мудрая женщина: «Ты, Маша, хорошо все сделала, ты молодец, что разобрала, но смотри, ты на это не обратила внимания, а это значит то-то и то-то, теперь послушай, как эта музыка звучит и насколько она отличается от твоей». И ребенок сидел у меня по три часа, не я ее заставляла, она дома сидела, никуда не ходила, можно сказать, «делать было нечего». Но она откроет ноты и по три часа сидит за пианино. У нее был другой подход к жизни. Я почему уважаю пианино и другие музыкальные инструменты, по одной простой причине: они могут не научить ребенка хорошо играть, но они научают ребенка работать. Это несомненное достоинство музыкального образования, даже такого тяжелого, как наши музыкальные школы. Она научилась работать и благодаря этому научилась переживать свои кризисы. С музыкой так было, и потом, когда она попала в Медицинский лицей. В школе ей было сложно, совершенно иная среда, и мы ей помочь не могли, потому что ничего в этом не соображали. Теперь в институте она совсем другая. Здесь она твердо стоит на ногах. Школа – специфическая вещь, там развиты все пороки общества, там важно, кто твои родители, важен твой статус. В институте это не имеет никакого значения, важно, что ты сам из себя представляешь.

– Как вы думаете, если семья священника – то круг общения детей должен быть связан с Церковью? У ваших детей именно так?

– Нет. Круг общения самый разный. Андрюша вообще специфический человек, он не очень контактный, но у них с отцом Георгием во многом общие друзья. А Маша общительная девочка, хочет, чтобы у нее было много друзей, и Медицинский институт к этому располагает. Может, это объясняется тем, что их школа стройными рядами переходит в институт и они друг друга знают с разных курсов, с разных потоков еще по школе. У нее есть масса друзей или приятелей, по-моему, на курсе человека два даже в церковь ходят. Я совершенно убеждена – среди медиков неверующих людей просто нет. Они об этом не говорят, они вообще мало говорят, те, которые стоят у рабочего дела, от которого все зависит. Хотя я знаю такого медика, который хотел повторить путь Луки (Войно-Ясенецкого): продолжать оперировать и при этом рукоположиться, – не знаю, чем это у него кончится. Что такое верующий человек? Можно сколько угодно декларировать свою веру, но и бесы веруют и трепещут. А врачи. Мне кажется, с крестом или без креста на шее, они спасутся через свое конкретное дело. И масса есть людей, которые в крестах, и декларируют себя верующими, и очень много говорят, посещают все службы, и малой толики не делают того, что делают эти люди. Я с годами подхожу к тому, что надо быть с Господом Богом один на один, а все остальное… Меня многое в нашей церковной жизни пугает, она как будто затмевает главное, затмевает Бога.

– Не получается ли так, что вы, понимая, что церковная обыденность, общение с церковными людьми, с клириками может отвратить от храма, сделать веру неживой, сознательно пытаетесь отгородить детей от этой обыденности и обрядоверия?

– Получается. Но вы понимаете, я не могу сказать, что делаю это сознательно, я их никуда не отодвигаю. Просто меня с годами все больше и больше занимают «примитивные» вопросы. Почему человек, мало знающий о Церкви, пусть крещеный, порой более способен на христианский поступок, чем я – и матушка, и с крестом на шее с пеленок, и в церковь хожу, и чего-то чуть-чуть знаю. Для меня это тайна. Тайны, конечно, нет, это говорит о том, что я слабая. Но меня подавляет эта ситуация, я чувствую себя в положении пыли, я ничего не могу, а тут я вижу людей, которые ничего не декларируют, а просто делают, а нам в Церкви, как я понимаю, этого не хватает. Есть чему поучиться.

Я очень люблю приметы ушедшей жизни и саму эту «старую» жизнь. Я люблю старые бумаги, книги, старые фотографии, но этого мало для настоящей жизни, если я хочу ее прожить. А не стилизоваться под… Я люблю, когда в церкви благолепно, пышно, а потом, я столько лет сталкиваюсь с церковью, где никого нет, ничего не благолепно, где батюшка косноязычный – служить не умеет и службы не знает, и люди ничего не понимают и понимать не хотят. Когда смотрю в деревне на этих людей… Кажется, это, письмо Хомякова Аксакову, где он пишет, как пытался объяснять литургию своим крестьянам и был в ужасе оттого, что они не только ничего не понимают, они и понимать не хотят. Прошло столько лет, а и сейчас под этим письмом можно подписаться. Когда бываю среди простых людей, иной раз раздражаюсь на них, а иной раз хочется перед ними на колени встать за то, что они способны в своей нищете на самые простые, человечные поступки, на которые ты, может быть, не способен. Это у меня выбивает почву из-под ног. Меня не испугает, если мои дети не будут любить акафисты, или не будут печь в четверг соль, или не будут петь духовные песни, меня больше всего пугает другое. То, что на самом деле уничтожает веру. Я над этим много думаю… Мы сейчас присвоили себе то, что нам не принадлежит, механически перенесли на себя опыт предшествующих поколений (игнорируя разрыв в 80 лет) и сочли вправе объявить себя продолжателями, наследниками и прочее. Совершенно не дав себе отчета в том, что эти 80 лет изменили нас, они нас сделали другими. Мы уже не те русские христиане, которые были до 1917 года и на нас это накладывает определенную ответственность: мы не можем прятаться ни за какую форму, ни за какие иконы, ни за какие облачения, вышивания, пения и прочее. Это, извините, не наше, мы это крадем, потребляем.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Начинать нам надо не с облачений, не с пения, не с православных мод, начинать надо конкретно с поступков. То есть уметь видеть и слышать, терпеть и прощать конкретного человека. Молиться помалу, быть может, но искренно и участно, а не болеть душой за Россию и Церковь, потому что это не наше дело. А печься о каждом дне и каждом человеке, который встретился тебе в этот день. Поэтому я бы и не стремилась к внешней форме. Есть она – слава тебе, Господи, нет ее – ничего страшного. Я не стремлюсь ее воссоздавать.

У нас в деревне три года как храм освящен, я приезжаю: «Таня, почему нет запрестольного креста, как у вас батюшка служит?» – «А разве надо?» Одна женщина, у нее сын служил в Осетии, участвовал в известных событиях, десантник – вся в слезах. Я ей говорю: «Люда, пойдем, я храм открою, мы с тобой помолимся, почитаем, тебе полегче станет, пошли», – я пою, они ревут, я реву, пение как у козлов – кошмар. Дала ей молитвослов, вот Александр Невский, стой, молись, не буду тебе мешать. Все замечательно, душевно, все справили, священника нет, пошли домой. А мы рядом живем, метр от калитки храма, выходит Люда и выводит своих коз. И куда она их прикрепляет? – к ограде храма. Вот это вечное чувство: «годится – молиться, не годится – горшки покрывать». Только ты у храма в слезах валялась, ты тут же своих коз будешь пасти. Это меня всегда поражает в людях. С другой стороны, я знаю, эта Люда способна на такие поступки, на которые я, что-то знающая, не способна. Я могу перед ней только шляпу снять, это меня обезоруживает. Я умолкаю на тему «христианин – не христианин», «соблюдаешь – не соблюдаешь». Может, я не права, но я так ощущаю.

– В связи с тем что отец Георгий с 1988 года преподает в Духовной Академии, у *него до 2005 г. не было своего прихода, были лишь окормлявшиеся* у *него в храме Духовной Академии прихожане, и вот появился приход. Изменился ли отец Георгий, изменилась ли ваша внутрисемейная жизнь с по явлением прихода?*

– Стало тяжелее. Тяжелее в том плане, что он меньше стал бывать дома. И даже когда – дома, он все равно не дома – не умолкает телефон, или кто-то приходит. Он прекрасно понимает ответственность, как легко потерять голову на приходе. У батюшки своя боевая за дача: как бы не одуреть и не «уехать» куда не надо. А на приходе находясь, особенно если ты один, это очень просто. На глазах столько повредившихся через любовь народную батюшек, что первое время, как появился приход, я была в ужасе и очень не хотела. Мне было бы спокойнее, если он был бы пятым, десятым священником где-нибудь… Да и я так хорошо прижилась в Лавре в моем любимом Троицком соборе, и так мне не хотелось ни на какой приход. На самом деле не столько батюшка воспитывает прихожан,

сколько прихожане батюшку воспитывают. У нас очень хорошие прихожане – здоровые на голову, поэтому объяснять ничего не надо, и все попытки превратить батюшку в гуру пресечены самым решительным образом и не мной, а прихожанами, за что я им очень благодарна. А попытки были у некоторых эмоциональных людей.

Я прихожу в храм, который пока на храм не похож, я помню мысль свою, когда стояла на освящении, – какое здесь все не намоленное, и вдруг понимаю: наша задача просто нарабатывать. С точки зрения эстетики храм абсолютно некрасивый, не осмыслен духовно, но потом я и этому нашла объяснение, подумала – куда я лезу, если мы с нуля, так и тут все с нуля – пожалуйста. Только то, что наработаем, – то в нашем храме и будет. Нам не за что прятаться, и в этом смысле наш храм более выигрышный, чем Никольский собор и Смоленская церковь, где так легко прятаться и творить иллюзии – какие мы хорошие, верующие и т. д. А у нас в храме никаких иллюзий родить нельзя, я ему теперь даже благодарна, хотя мне хотелось бы и фрески другие, и иконы другие, и в другом порядке, но я говорю себе – «стоп». И привожу эту свою мысль справедливую, хотя и обидную.

– *У матушки есть место в приходе?*

– Никакого места у нее нет вообще, хорошо, когда она не ходит на тот приход, где муж служит. У нас так сложилось потому, что мы привыкли всегда быть вместе. У матушки место, как и у всех: стой и молись. Если матушка поет – у нее свое место на клиросе, это понятно, а если она ничего не умеет – стой и молись.

– *Есть ли моменты, когда прихожане раздражают вас, досаждают священнику, звонят в час ночи с глупыми вопросами?*

– Это зависит от того, кто звонит. Сама я ни к кому не лезу и вопросов не задаю, как правило, но бываю в курсе каких-то житейских обстоятельств прихожан. Когда люди звонят, я знаю, кто звонит, и я могу эту ситуацию регулировать, научилась к старости. Просто сказать: «Извините, он спит», – раньше у меня язык бы не повернулся, по причине деревенской деликатности. Теперь я подразвилась и могу это сказать. Когда звонят те, кого я знаю или кому очень нужно, я всегда зову. Когда звонят пустозвоны, одно время были журналистские звонки, я могу завернуть спокойно, даже сказать, что дома нет. А из прихожан у нас просто так никто не звонит. Как правило, таких нет, чтобы звонили и начинали душеспасительные беседы по сорок минут.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Есть сложность в том, что священник больше принадлежит духовным чадам, чем своим собственным детям, своей жене?

– Я сложности не вижу, мы занимаем свое место, прихожане свое.

– Проблема, стоящая перед многими священниками в наше время, – как не превратиться в хозяйственника, она стоит перед отцом Георгием, перед вами?

– Мне кажется, масса священников все это естественным образом сочетают, нам же не о чем говорить, отец Георгий никогда не занимался хозяйственной деятельностью, у него не было такого опыта. В нашем храме нет хозяйственной деятельности, храм домовой. В Академии он вообще не касался хозяйственных вопросов. Вот если бы он оказался на строящемся храме, был бы какой-то предмет для разговора, а сейчас проблемы нет.

– Кроме занятости, приход как-то изменил вашу семейную жизнь?

– Ничего не изменилось. Отец Георгий меняется с годами, это не связано с настоятельством, он стареет, устает, становится резким, но это связано с тем, как он реагирует на общую ситуацию. Наоборот, приход его радует, радует, что он служит один. Бывает тяжело, когда люди разные на одном приходе, а когда ты один – ты свободен.

– Последний, глупый и шаблонный вопрос – ваш рецепт семейного счастья.

– У меня рецепт на все случаи жизни только один: не торопиться принимать решения, смотреть, слушать и слышать. Больше рецепта нет. Если ты другого человека видишь, слышишь и не торопишься в решениях, тогда можно преодолеть любые подводные течения, если ты настроен на семейное счастье. Если ты не настроен, тогда ничего не поможет. Женщины – существа более эмоциональные, им свойственно сразу ощутить и претворить в действие, а потом оказывается, если бы ты подумал – сделал бы иначе или вообще не сделал. Вообще, все знают, рецептов не существует, потому что ничего не тиражируется. Церковь нам все время об этом говорит: каждый человек уникален, а мы этого не слышим.

Ольга Юревич



Протоиерей Андрей Юревич (р. 1957) – помощник председателя Синодального отдела по взаимодействию с вооруженными силами, служит в Москве в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке. До 2011 года – настоятель Крестовоздвиженского собора г. Лесосибирска, благочинный Енисейского округа Красноярской епархии, председатель попечительского совета православной гимназии г. Лесосибирска. Архитектор, до рукоположения – руководитель архитектурного бюро. Основатель Музея современного христианского искусства в г. Лесосибирске.

Ольга Юревич (р. 1957) – архитектор, окончила МАрхИ. Растит семерых детей

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Москва – Лесосибирск: путь вверх «Тогда уж являйся и мне!»

Я москвичка. У мамы с папой одна. Они у меня инженеры и старались дать единственной дочке все самое лучшее, что только могли. Я всю жизнь мечтала о братьях и сестрах, но так и осталась единственной, потому родительскую заботу делить мне было не с кем. Так и вышло: закончила московскую немецкую спецшколу, художественную школу, на пианино меня научили играть. Потом поступила в Архитектурный институт. Жизнь была насыщенная и вполне светская. С батюшкой я познакомилась еще до института на подготовительных курсах. Мы, вообще, очень рано поженились: ему было 19 лет, а мне только-только 20 исполнилось. На последнем курсе, за 10 дней до защиты диплома, родила Катюшечку, и когда ей было полтора года, мы с батюшкой поняли, что больше в Москве не выдержим. И в начале 1980-х годов решили уехать куда глаза глядят. А глаза у нас особо никуда не глядели, потому что мы были москвичи и вообще не знали, есть жизнь за МКАДом или нет. Батюшка любил рассказывать, что родился в Сибири, говорил: «я сибиряк». Он меня как раз этим покорил, когда мы познакомились. Я чуть не упала: в Москве сибиряк! А потом оказалось, его папа был там на практике после медицинского института, вот он там и родился, а в 4 месяца его из Сибири вывезли. Вот такой сибиряк. Ничего не помнит. И мы написали друзьям его отца, они ответили: нужны архитекторы – приезжайте. И мы раз – и поехали. Буквально за месяц собрались и так оказались в Сибири. Лесосибирск тогда был молодой город, мы его даже не смогли найти на карте. Только знали, что где-то севернее Красноярска.

В Сибири батюшка стал главным архитектором города, я вторым и последним. Нам нравилось: мы были молоды, простор для творчества широкий, потому что архитекторов в Сибири очень мало. Года четыре мы отмокали от столичной шелухи и совершенно не думали ни о Боге, ни о вере. Жизнь налаживалась. Вторая дочечка родилась. Потом в перестройку батюшка ушел в свободный полет: организовал архитектурный кооператив, вполне востребованный, у нас появились деньги, мы купили первую машину – подержанный «Москвич».

И все в нашей жизни было так, как нам хотелось. Все устоялось и было хорошо: и любовь, и детки, и домик. Мы переехали из пятиэтажки в деревянный дом: 2 комнатки и кухня, и огородик вокруг. Все-все наши мечты исполнились.

И тут нам стало как-то не по себе. Мы почувствовали, что все хорошо, а что-то плохо. Но что? В душе плохо, чего-то не хватает. Как в Сибири говорят, «нехватат».

Помню, на Пасху я испекла кулич. И батюшка сказал, что надо его освятить. У нас в городе церкви никогда не было, даже до революции в этом месте была

разбойничья деревня. И мы поехали в Енисейск и увидели там отца Геннадия Фаста. И мы с ним разговорились, но о вере особенно не говорили. О Льве Толстом, о Горьком, я помню, говорили, в общем, о том, что нам интересно было. Мы, если честно, скучали там по интеллектуальным разговорам, люди там попроще немножечко. А отец Геннадий нас поразил, потому что у нас было очень такое репинское представление, что поп должен быть с красным носом, с налитыми кровью глазами, жирный. А тут отец Геннадий, такой эрудит. Он – физик по образованию. В Томске он закончил университет, а потом аспирантуру, но защититься не успел, где-то на последних годах аспирантуры его выгнали за веру. Мы были поражены, что человек верующий может быть таким интересным и развитым. Потом я уже поняла, насколько отцу Геннадию было трудно после ночной пасхальной службы сидеть весь следующий день, чтобы разговаривать с теми, кто приходил. У меня батюшка с тех пор на каждую Пасху днем сидит в храме, ждет, встречает людей.

После этой беседы целый год мы мечтали о следующей Пасхе, о встрече с этим священником, о беседе с ним. И через год опять на Пасху (я была беременна третьим ребеночком) мы поехали уже с четкими планами позвать его в гости и как следует дружить. Позвали, он приехал с матушкой. И мой батюшка вцепился в отца Геннадия, а я вцепилась в матушку. Потому что увидела женщину, какой раньше нигде еще не встречала. Я была потрясена, это был взгляд в другой мир. И когда они уехали, я укладывала детей спать, они и говорят: «Мама, ты слышишь, как у нас в доме тихо?» Я говорю: «Как это тихо?» Они мне в ответ: «Ну, послушай». И вдруг я поняла, что у нас в доме какая-то атмосфера не такая, какая была. Это было удивительно. Потом-то я это поняла, а тогда была ошарашена. И батюшка буквально на следующий день уехал в Москву с подаренной отцом Геннадием Фастом маленькой книжечкой Евангелие от Иоанна. Уехал и возвратился через пару недель-месяц, я точно не помню, уже верующим человеком. Это было явное рождение свыше. Я чуть с ума не сошла. Думала: был муж, было все, и вдруг совершенно чужой человек приехал с такими светящимися глазами. Работать он уже перестал, и стал пропадать в Енисейске. Сначала он ездил к отцу Геннадию с большим списком каких-то вопросов о жизни, о вере. А я родила Сенечку. Я с тремя детьми на руках, с ним не езжу, в духовных спорах не участвую, ничего не понимаю. Мне звонят и говорят: «А как же заказ наш, проект?» Я говорю, не знаю, куда он делся и что делать. А он уезжал буквально на неделю, потому что там служба за службой, и он как-то быстро там стал пономарем, чтецом, вел воскресную школу.

Это было очень тяжело, конечно. Я себя чувствовала брошенной, причем в высоком смысле. Не то, чтобы меня променяли на какую-то другую женщину, а

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

просто меня бросили ради какой-то идеи, которую я совершенно не принимаю. Я понимала, что тогда модно было верить. Ну и что? Из-за этого нужно что-то менять в жизни? Для меня это было дико. Вот только что было все хорошо, только на душе было плохо. А тут стало плохо вообще все: мужа нет, денег нет, я одна с тремя детьми. Он даже в другом городе: туда ехать час на автобусе, мне с тремя детьми это сложно.

И я не ездила, потому что новорожденный ребеночек, совсем маленький, я только-только родила. Это было, конечно, ужасно. А батюшка повесил первые две иконы (тогда же икон еще не было совсем), привез Иисуса Христа и Богородицу. В очередной раз я ему крикнула: «Или я, или отец Геннадий». У меня это вышло очень красиво, театрально. А он молча уехал, даже ничего не ответил, как будто через меня переступил. Просто молча на меня посмотрел и уехал. И осталась я у разбитого корыта.

Наверное, мы все пережили момент рождения свыше, когда ты на самом деле немножко выпадаешь из жизни, из практики, немножко блаженным становишься, совсем невменяемым. Вот он немножко такой и был. То есть с ним даже невозможно было поругаться, он не ругался. Одна, удрученная, я решительно пошла к этим иконам (я помню, что я была совершенно неверующая) и даже не со злостью, а с каким-то отчаянием уже сказала: «Знаешь, Господи, если Ты есть, то давай, являйся и мне. Что такое, в конце концов?! У нас все было хорошо, была семья, а теперь я брошенная, и у нас все плохо. Раз так, тогда давай являйся и мне!». И вот я не помню, в какой момент, не то, что я прям сразу засветилась и крылья у меня выросли, не было этого, но очень быстро я уверовала. Я когда батюшке через год об этом рассказывала, как я уверовала, он говорит: «Как ты могла так нагло к Господу!» Я говорю: «Так получилось. Я в Него не верила, просто требовала. Я понимаю, что так нельзя». А он говорит: «Знаешь, Господь к тебе как отнесся? Как к ребенку». Когда ребенок иногда: мам, мам. Мы же его не гоним, говорим: «Что у тебя?» Вот Он ко мне так отнесся. Не наказал, не щелкнул по носу, а дал такое счастье. Я очнулась верующей, и там дальше куда-то покатилось, полетело.

Наверное, все это было так задумано Богом, потому что у нас никогда не было церкви и все наши верующие ездили в Енисейск. А у меня батюшка такой человек интересный, он идет во всем до конца, не может он половинку, четвертинку, он не глядя идет до конца. Вообще, иногда жестко очень. Но я думаю, что Богу в основном такие и нужны. И он, естественно, пошел до конца, и уже буквально через полгода стал вести воскресную школу – первую в крае, кстати, это было 20 с лишним лет назад. А потом он очень быстро стал собирать вокруг себя единомышленников. Вот в воскресенье или в праздник мы съездим

в церковь в Енисейск (я уже ездила с детишками, с горшками, пеленками), и вернувшись домой, пообедав, собираемся изучать Библию и беседовать.

И батюшка на своем первом горении, на горячности этой, стал проводить первые беседы. Мне они очень нравились. Они были для меня очень важны. Я то с детишками, то оставлю их с кем-нибудь – бегу на эти беседы. Так сложилась небольшая общинка, человек 15–20. И как-то обсуждали, что нам надо бы свой храм, в Енисейск не наездишься. И вдруг все единогласно выдвинули батюшкину кандидатуру на священство. Отправили письмо епископу: «Просим организовать у нас приход и предлагаем в священники из нашей среды Андрея Юревича». Он всегда говорит: «Я – выбранный священник»

И кстати, когда в общине начинали что-нибудь ворчать, батюшка говорил, что они сами его выбрали. Для меня все это было как сон, потому что свершилось очень быстро это все. Летом я уверовала, потом крестилась. А уже в октябре как-то приезжает муж из Енисейска и говорит, что завтра едет в Красноярск. Я его спрашиваю: зачем, а он отвечает – рукополагаться.

Конечно, на хиротонии я не была. Он уехал в Красноярск, его рукоположили в дьякона, через неделю – в священника. Тогда не было сотовых, и я ничего не знала: приедет – не приедет, отпустят – не отпустят. Отец Геннадий только иногда звонил. И где-то в понедельник полседьмого утра у нас приходит поезд, часов в семь батюшка звонит в дверь, я открываю, пытаюсь броситься ему на шею и вдруг вижу, что он какой-то уже другой.

По вопросам веры: Полевая, 5—1

Он переродился полностью! Я его, конечно, и тогда любила, мне вообще казалось, что у нас такая любовь, что так никто не любит. Сейчас смешно сказать, потому что истинная любовь началась с веры и начала развиваться, и впереди до смерти у нас будет еще много этих развитии, но я почувствовала, что такое любовь, только потом уже. Ну и все.

Во дворе нашего дома стоял сарай шлаковый типа гаража. Прежние хозяева держали там 14 свиней: и печка там стояла большая – кормокухня. И мы решили этот бывший свинарник вычистить, навоз вывалить, сделать косметический ремонт и обустроить там храм. Сделали маленький алтарик. Стоял престол, и когда нужно было вокруг престола кадить, батюшка ходил бочком, и мы видели, потому что стояли вплотную.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

И начались у нас там службы. А когда думали в честь чего приход, решили, что в честь Крестовоздвижения, потому что в этом разбойничьем селе никогда не было креста. Таким был наш первый храм, мы там прослужили почти год. Когда подходишь к этому свинарнику, там маленькая дверка низенькая и стоят спины, и еще на улице толпятся спины. Настолько тесно, что просто причастить ребенка было невозможно. Я в спины говорила, чтобы передали ребенка. И ребят передавали поверху. Я там и пела, и просфоры пекла. А некому было это делать, никто не умел. Я-то не умела, но все равно, как матушка, должна везде, в каждой дырке затычкой быть. Все, что нужно было, я делала, пока не появлялся человек, который может меня заменить. Потому что у меня через полтора года уже Лизочка появилась (каждые два года рождалось по ребенку). Воскресную школу вела тоже. Условия, конечно, были ужасные. Мы дали объявление в газету: по вопросам веры приезжайте: Полевая, 5–1. И люди пошли. Кто-то говорил: что мы тут, в свинарнике, будем молиться?! А батюшка отвечал: «Господь пришел в вертеп, скоты там были, такой же навоз, солома. Он к вам пришел, Он вами не брезгует, а вы ходите, брезгуете». И люди оставались. Община росла. Мы с самого начала стали оглашать, крестили бесплатно, у нас до сих пор крещение бесплатно.

И вообще, надо понимать, что служение есть служение. У нас все батюшкины дела – это наши дела. У нас общие дела, Божьи дела. Жили мы, конечно, не всегда просто: иногда хлебу были рады. Физически, по-земному, я чувствовала себя плохо. Это точно скажу, потому что даже не так важно, если голодно, а физически тяжело очень, потому я не приучена была: и детей много, и печку топить я не умела, меня батюшка учил: тут лучинки, тут чиркнешь, тут то, тут се. А мне было страшновато немножко. Правда, вода была. Холодная, но была. И никаких помощников: мамочек, тетушек – никого. Все в Москве осталось. Это было тяжело.

Внутренне у меня было такое ощущение, что я на жертвеннике, меня Господь положил туда. Вот этим держалась. Господь не говорил, что будет легко. Есть люди, которые в храм приходят после горя, тяжестей. А я-то пришла от хорошей жизни. «Кто хочет идти за Мной, возьми свой крест» – ну вот он крест. Все как надо, как написано, так и иду. Я не ждала ничего хорошего тогда. В смысле, что легче будет, лучше, сытнее. А жили мы с того, что продавали книги, у нас была огромная библиотека. Еще детские пособия были. Примерно 35 рублей. А когда батюшка стал священнослужить, бабушки стали потихонечку приносить нам панихидки: то хлеба, то кусочки масла приносили. Тогда ведь все было по талонам. На месяц было 100 граммов масла на человека, одна банка сгущенки и кило мяса. А все остальное, что вырастишь, что где достанешь, купишь.

Мне еще свекровь звонила и говорила: «И что, ты берешь, что приносят?!» Я говорю: «Мам, беру. Мы служим Богу, нам люди приносят, почему мне не брать? Мне не стыдно». А тем более если не брать, то точно с голоду погибнем. Так что начали нас немножко подкармливать и начали приносить старенькие вещи, вплоть до трусов. Покупать не было возможности, я эти трусики отпаривала. Так мы и жили. А когда Катя уехала учиться в Свято-Тихоновский в Москву, я помню, она приехала на каникулы на Рождество в новой юбке. Я говорю: «Кать, это что за юбка?» Она говорит: «Мам, это первая моя юбка в жизни, которая мне по размеру и которая мне нравится. Я заработала, на клиросе пела, регентовала». Я говорю: «Катюшенька, представь себе, какое счастье тебе Господь послал. Ты же испытала счастье?». Она говорит: «Мам, представляешь купить вещь, которая мне по размеру, которая мне нравится, за собственные деньги!» Она у нас ни копейки не брала на учебу, мы пытались ей помочь, а она говорила, нет, вам нужнее. То есть в Москве она жила на свои деньги. И вторая моя девочка так же живет. А дальше у нас, конечно, и деньги появились, мы могли тратить. Чем дальше, тем больше.

Сначала нам дали бывший кинотеатр «Октябрь», после того, как мы год прослужили в бывшем свинарнике. Большой кинотеатр деревянный. Мы туда ходили в кино, когда еще была киносеть. А потом его бросили и нам отдали. И ровно через неделю, как нам его отдали, там случился пожар. Говорят, что его подожгли. Пожарники сказали, что не может такого быть, чтобы сразу так вспыхнул с четырех сторон. И выгорело все внутри, остались стены и крыша. Так интересно было: те люди, которые говорили, что вот, кинотеатр, мы сюда на дискотеки ходили, а теперь будем тут молиться, а мы им отвечали, что у нас все выгорело, все очищено. Слава Богу за такое посещение, потому что к погорельцам на Руси всегда относились очень отзывчиво. И нам столько всего натащили, кто чего мог: и холодильники тащили организации, светильники, просто деньгами давали, лесом давали, чтобы мы отремонтировали. Мы очень быстро своими силами отремонтировали все, оборудовали. Сейчас это гимназический храм имени Иоанна Кронштадтского. Он действующий, там все время службы. Очень славный храм, он нам казался очень большим после свинарника.

Потом гимназия открылась, сейчас ей уже 16-й год. И стали строить новый храм, уже каменный, большой, Крестовоздвиженский. Так что чем дальше, тем было легче, приход рос. Община росла. Трудов прибавлялось, а в принципе стало легче жить намного. Я все время, когда мне люди говорят, что вот, тяжело, отвечаю: «Ищите прежде Царствия Божия, я на себе это испытала». Господь не оставил, мы сыты, обуты, одеты, у нас есть где жить. Около нового храма большой двухэтажный дом, правда, церковный. И пока мы там служим, у

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нас есть жилье. Я первое время даже не могла понять, как можно жить вот в таком большом доме. Утром боялась глаза открыть, думала, что открою и окажусь опять в нашем старом домике. Мы там вдевятером жили, две комнатки маленькие и проходная кухонька с печкой. К нам раньше, когда кто-нибудь приезжал, всегда говорили: «Что у вас везде нары, нары». А я отвечала: «Интересно, а где нам спать?» Так что Господь не оставил, мне на что жаловаться. Со всех сторон я счастливый человек.

Лялечки

Детям, конечно, было непросто. Приходилось объяснять, когда они говорили, что у них нет того, что у всех есть. Тогда я задавала вопрос, а у кого в их классе есть шесть сестер и братьев? Ни у кого. А если ни у кого, то зачем сравнивать? Они делят на одного, на двух детей, а мы делим на шестерых, семерых. Сами подумайте: у них

мама с папой работают, а я-то не работаю, все, что я делала в церкви и до сих пор делаю, – бесплатно. И они все понимали, не было у нас никаких истерик. Один раз только, я помню, как сыну захотелось кроссовки. У всех появились кроссовки, а у него не было. Это было для нас еще время бедноватое. Я говорю: «У меня нет денежек на кроссовки, так что ты как-нибудь потерпи, будут попозже». Он что-то «нуу-му». И мне, видимо, надоело, и я, чтобы это все прекратить (а я была с животиком), говорю ему: «Хорошо, будут тебе кроссовки, но не будет следующей девочки». Так жестоко ему сказала. Ему было лет 7, он в школе учился. Он тут же замолчал, выпучил глаза на меня. Говорит: «Нет, пускай будет лялечка». Все, больше у нас не было вопросов. Я не могу пожаловаться, что у нас были проблемы. Я думаю, что это зависит не от детей, что дети такие необыкновенные, дети-то обычные. Мне кажется, очень важно, когда они видят, что родители полностью чему-то служат, – в нашем случае не чему-то, а Кому-то. Для них это было настолько важно, что они даже детским своим умом не находили оправдания своим запросам. Хотя, я думаю, что они и завидовали, переживали, но нас они этим не мучили. И в общем-то, сейчас они уже все взрослые, моей последней девочке, Марфочке, 12 лет. Я считаю, что у меня маленьких давно уже нет, они все взрослые. Я могу сейчас, увидев, как и что получилось, уже сказать, что вот здесь вот у нас проблем не было и обид они ни разу мне не высказали.

Я была как вдова, только каждые 2 года рожала. Папа у нас жил вот в этом вот сарайчике, а когда переехали в другой храм, то в этом сарайчике осталась его постель, где была печка, и он там спал и жил. Просто в доме не было места для него и не было возможности хотя бы молиться. Потому что крик, шум, беготня, теснота. У меня мама, когда приехала, она ходила медленно, раздвигая руками

воздух. Я говорю: «Мам, ты что плывешь-то все время», а она отвечает: «Да как тут можно иначе ходить, они же все время тут мельтешат». У нас было все очень строго, посты были по монастырскому уставу, без постного масла. И для детей тоже. И они в субботу и воскресенье ждали постного масла, что я что-нибудь им пожарю. Это было, конечно, ужасно. Так смешно вспоминать! Но, я думаю, этот опыт все равно нужно пережить каждому, даже просто для того, чтобы знать, что он есть. Это было интересно. Дети выжили. Телевидения у нас не было и до сих пор, кстати, нет. Мы как уверовали, телевизор тут же с рук спустили за какую-то цену: я дала объявление, и уже через час человек пришел и унес его. И все. Радио нет, телевидения нет – ничего нет. Книги только православные, и никакой беллетристики. Тогда, кстати, и не было православной художественной литературы, только «Цветник духовный», «Илиотропион», жития, первые детские Библии, «Моя священная история».

Я очень читать люблю и детям тоже. Катюшка у нас книгочей, говорит: «Мам, давай это купи, то достань». Мы достали Льюиса, Толкиена, Честертона, потом Вознесенскую, а потом я стала уже выписывать со всех краев. Мы набрали очень большую христианскую библиотеку. Вообще-то, проблем сейчас нет: хочешь приключения, хочешь фантастику, хочешь путешествия, сказки, исторические, военные есть повести христианские. Сейчас все есть. Сейчас в принципе по-христиански воспитывать очень легко. Не обязательно разжижать чем-то нехристианским. DVD у нас, конечно, появился. Сначала мы купили все мультики советские, смотрели только документальные фильмы, потом у нас потихонечку появились и игровые.

Потом какие-то старые фильмы: «Доживем до понедельника» и т. п. А сейчас уже куча совершенно христианских фильмов: молодежные, сказки христианские, есть уже какие-то мистерии христианские, даже фильмы ужасов христианские. Мы, правда, не смотрели, потому что у меня дети боятся всего этого, но, по крайней мере, они есть. И когда мне говорят: «Ах, как воспитывать сейчас ребенка?» – я говорю, что сейчас вообще проблем нет.

То есть во всех смыслах у деток моих вначале было спартанское воспитание. И Катя у нас все это выдержала стоически. Я поражаюсь. Она смеется до сих пор, и мне смешно тоже на нее смотреть. А вот Ася уже по-другому воспитывалась.

Разница вроде небольшая между первыми детьми – пять лет, но в воспитании – качественная. Потому что у нас перед глазами были какие-то очень неприятные примеры воспитания детей в такой строгости. Дети, которых заставляли жить так, как считают нужным родители, лет в 15–16, и даже в 14, вырывались на волю и кидались во все тяжкие. Хуже, чем неверующие. А они просто ждали

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

момента, когда можно будет освободиться от родительской власти, а своей-то личной веры, крепости у них не было. И когда мы увидели одно падение, второе, третье таких деток, то и подумали, что нам нужно что-то другое.

Во-первых, мы с батюшкой задумались, что самое важное в воспитании детей? Самое важное, чтобы они встретились с Богом и отдали Ему себя полностью, обрели этот момент рождения свыше, который мы пережили-то в сознательном возрасте. И я им стала говорить: «Детки, то, что вы рожденные в Церкви, то, что вы крещеные, ходите на каждую службу, поете на клиросе или пономарите, и то, что вы исповедуетесь, причащаетесь, – это все очень хорошо. Но это не все. Самое важное у вас впереди, когда встретишься с Господом один на один. И когда ты добровольно скажешь: Господи, отныне, с этого дня, с этого момента, с этого часа, с этой минуты я Тебе посвящаю свою жизнь. Вот это называется моментом рождения свыше, который папа пережил, я пережила, а вы еще не пережили. Просто вас попытались воспитать в Православии, в чистоте, как мы это понимаем. Но важнее всего, когда один на один – Бог и ты».

Как-то после этих разговоров Ася чего-то там набедокурила, и я говорю: «Как ты можешь это делать, ты верующий человек или нет?» Она говорит: «Мам, а я еще не рождена свыше, что ты от меня требуешь». Я думаю: «Слава Тебе Господи, значит, человек об этом думает, мечтает». Они стали об этом молиться. У них не появилось ощущения собственной исключительности, что иногда бывает. Я это часто вижу, дети церковные, они ходят такие все особенные, и тут их очень легко, между прочим, тем же злым духам поднебесным уловить. А ребенок, который ждет: когда же я окажусь с Богом-то? Вот этот ребенок как раз защищен, потому что понимает свое несовершенство.

«…мало ли у Господа бруц»

Молитва – это очень важно. А детям непонятно, о чем мы молимся. В храме им ничего не понятно. Они зазубривают все, и мы умиляемся, ах деточка «Царю Небесный» поет, деточка то поет, се поет, особенно если на клиросе с нами. А что в этом важного-то? Это только что для нас умилительно. Это, между прочим, наша гордыня, показать, какие у меня благочестивые деточки. А потом, когда ему уже лет 12, мы удивляемся, откуда взялось плохое, ведь молился же? У меня просто был такой случай: у Сени была любимая молитва на ночь: «В руце Твои, Господи, предаю дух свой, Ты же меня спаси и помилуй и живот вечный даруй мне, аминь». И вот он как-то заболел, лежит, а мы молимся около кроватки, я и говорю: «Кто-нибудь знает Сенечкину любимую молитву? Прочитайте, а то он сейчас в полубредовом состоянии». И Лизочка, которая моложе Сени только на полтора года, говорит: «Я знаю». – «Ну давай,

начинай». Она: «Бруцы Твои, Господи». Я говорю: «Какие бруцы?» А она: «Мам, ну мало ли у Господа бруц». У меня чуть волосы на голове не зашевелились. Я думаю, Господи, что же мы творим!

Во-первых, я в молитвослове детском перевела все на русский язык для того, чтобы они разобрались, что говорят, поняли какой смысл. А во-вторых, мы ввели молитву своими словами. Я спрашивала: «Вот тебе хочется поговорить с Богом?» – «Хочется». – «Ну и говори. Ты же подходишь к папе и рассказываешь, вот то-то и то-то сегодня, меня Сашка обидела, а я то-то. Есть вам что рассказать Богу?» – «Есть». Оказалось, у них столько есть. Для меня это было моей учебой, моей семинарией. Мы на коленочках сидим, чтобы не уставать, кто как хочет, так и сидит на коленочках, я не настаиваю. И вот я сидела на ковре, слушала их, их разговоры с Богом и понимала – «Будьте как дети». Вот это разговор. Я не могу двух слов связать, мне кажется, что так коряво получается, не по-настоящему. А они как дети: все что-то Богу объясняют, говорят, потом чего-то просят, потом обсуждают с Ним. Так они меня учили молиться. Главное, им самим понравилось. Они стали с Ним разговаривать. Сейчас они взрослые, разговаривают по-взрослому, но они разговаривают. И такой прямой контакт с Богом, мне кажется, так важен. Я им говорю: «Не надо вечера ждать, когда с Богом говорить. Вы говорите все время». Я сейчас часто вижу, мы что-то делаем, и какой-то ребенок может в разговоре вдруг сказать: «Господи, ну Ты же видишь, я же объясняю». То есть он переключается с одного собеседника – видимого, на другого – Невидимого, и нет у него разделения – в храме он или нет. Вот этот непрестанный разговор с Богом, это и есть молитва. Они у меня стали меняться как-то, они живые стали, они в храме стали что-то понимать и стремиться в храм, они вообще храм очень любят. А потом, конечно, это постоянные занятия с ними в доме. У нас каждое воскресенье, иногда, если есть возможность, на неделе или викторина, или какой-то концерт, разные конкурсы мы подготавливаем. Для того чтобы им не казалось, что вот у всех дискотека, кинотеатр, что-то еще такое, а у них этого нет. Они говорят: да у всех это есть, ладно, а у нас есть то, чего нет ни у кого. Это, конечно, такой труд, иногда почти целую неделю я готовлюсь, нахожу минуты времени между ведром супа и всеми остальными делами. Но главное, чтобы им было интересно.

Мы каждый вечер собираемся на общую молитву. Утром не удается, потому что кто когда уходит. А вечером перед сном удается собирать всех вместе. Причем тоже не все время. Когда кто в 15 лет, кто в 16, кто в 14 отходит, говорит, что будет молиться один, я не настаиваю, отпускаю. А Дуня, ей сейчас 17 лет, она до сих пор с нами молится, ей нравится.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Они никогда не рвутся у меня из дома, и у них нет нецерковных друзей. Я иногда даже говорю: «Пойди, погуляй», а они отвечают: «Да что там делать?» Им все время дома интересно, потому что у нас всегда что-то происходит.

У нас есть домашний театр. Дети сами пишут маленькие пьесы какие-нибудь, или я им помогаю. Роли, костюмы, музыкальное сопровождение, все сами. Их зрители – мы, иногда приходят к нам гости, но в основном мы с папой сидим. И они нам делают такие чудесные спектакли, которые у нас все, кроме одного, записаны. Я всегда думала, вот где бы показать хотя бы для родителей. И еще: у нас очень интересные конкурсы. Я один раз придумала конкурс декламации. Для детей учить стихотворения – хуже нет наказания, я говорю: «Дети, учить не надо. Возьмите и прочитайте стихотворение, но только так, чтобы это было как маленькое выступление, как спектакль». Они целую неделю готовились, выбирали стихи (у нас огромная библиотека). И вот они все выбрали чудесные стихотворения, музыку нашли, костюмы сделали. Сеня выбрал стихотворение Татьяны Зотовой о следах. Как Господь идет рядом с человеком по жизни, а за ними вьется две цепочки следов. Вдруг глядит, а в самом трудном месте одни следы. «Вот в этом трудном месте я шел один?!» А Господь отвечает: «В этих трудных местах тебя, дитя, Я нес на руках». Сеня не знал, какой сделать костюм. Вырезал следочки из бумаги и об этой тропиночке рассказал. Я просто проплакала все это время. Но это они делали сами, я только дала идею. Они столько классической музыки прослушали, когда ее подбирали. Причем тот, кто сидел на музыке, делал то погромче, то потише, в соответствии со сценарием. И еще у нас очень много библейских викторин, потому что изучать Библию просто так для них тяжело. Мне нужно, чтобы им было нескучно. А нескучно – это какая-то игра. Мы садимся, и я задаю по 5 вопросов каждому, причем вопрос не как на экзамене, а поставлен он весело. Например: какая супружеская пара была первыми миссионерами

в таком-то городе? Участвуют все, нас 8 человек без меня, папу сажаем, он тоже отвечает с нами на самые трудные вопросы. Это получается 35 вопросов. Каждому не только по его возрасту, но и по способностям; потому что все разные, например, у меня Дуня с хорошей памятью, она, может, что-то не понимает, но зато все помнит, а у Сени понимание есть, зато память хуже. Мне приходится смотреть, кому, какие вопросы задавать. И обязательно в конце каждому подарочек: за самый оригинальный ответ, за самый быстрый, за самый вдумчивый, за самый длинный, кто думал дольше всех. Или по шоколадке какой-то, либо надувной шарик, заколочки. Я смотрю у кого чего нет. То трусики, то носочки – не важно что, главное, что у них праздник. Или у нас концерт. Дети учатся в музыкальной школе, Сеня играет на гитаре, а остальные все на фортепиано. Иногда поем. Девочки любят танцевать. Нам часто отдают

старую одежду, и вот в этих платьях они какой-то балет танцуют. Последнее время даже танец живота нам один раз показали, мы чуть с батюшкой не упали. Такой интересный танец. Саша, наш зять, под песню «Если б я был султан» в чалме танцует, а вокруг девочки наши все. А потом он засыпает и как бы во сне видит их танец. Катенька, старшая, вообще у меня была не как дочка, а как главный помощник в семье. Она мне всех вынянчила, везде была советчицей, какая-то уж очень разумная. И потому мне так трудно было, когда она собралась замуж. Все на Илюшу своего смотрит. Я: «Катя, Катя», – а вижу только ее косичку сзади. Растила, растила, была Катя, и все, только спину я ее вижу, только на Илью, как на солнце, смотрит. Как-то батюшка приходит, а я плачу. И он мне говорит: «Чего ты плачешь?» – «Да вот была дочка, и нет, как будто я ее и не растила, как будто это не моя дочь». Он говорит: «Конечно, не твоя. А почему ты считаешь ее своей?» Я говорю: «Как? Я ее родила, я ее воспитывала, я ее люблю». Он говорит: «Это Божье дитя, Он дал тебе ее, разрешил воспитать. А теперь отдай, Он ее создал не для тебя, а для Ильи. Он разве для тебя ее создавал?» Я говорю: «Нет, конечно, для мужа». – «Ну раз для мужа, так отдай». И на душе так легко стало, как будто свалились какие-то цепи. После этого я была очень рада, смотрела на них, радовалась. Я сама ее так воспитывала, что самое главное – это твоя будущая семья. Это не семья папы и мамы, а твоя собственная. И второй раз, с Асей, для меня уже было легче намного, я уже не мучилась. К тому же зять Саша у меня в гимназии был любимый ученик. Я теперь, когда двоечника какого-нибудь спрашиваю, хочу двойку поставить, а потом думаю, у меня же еще 5 дочек осталось, а вдруг это тоже мой зять будет. И я ему тройку ставлю, ладно, иди с миром.

Мы ориентируем детей на то, что избранник должен быть обязательно верующим. И дочерям, и в семейном клубе, и на уроках в гимназии девушкам я всегда рассказываю, что нас Господь создал не просто так, а создал Он любую девочку для кого-то одного. Например, Таню для Васи, Лену для Саши. И наша задача в жизни, это дожить до того момента, когда Бог тебя подведет к тому самому человеку, для которого ты создана. И к каждому зятю я так и отношусь, что Господь показал и соединил. Мои представления о зятьях своих могут быть какие угодно, а у Господа свои мысли о них. Например, сейчас мы уже 12 лет молимся о муже для Марфы. Мы знаем, что этот муж есть, он где-то живет, мы просто его не знаем еще. Мужа Аси знаем, мужа Кати знаем, а мужа Марфы еще не знаем. Я просто молюсь об этом человеке, чтобы Господь сохранил его от соблазнов этого мира, сохранил его в здравии, чтобы он углубился в вере. Я его еще не знаю, а когда он появится, то я ему скажу: здравствуй, я с тобой уже знакома, я о тебе 20 лет молилась. Поэтому мне мои зятья очень нравятся. Прекрасные ребята, верующие, один священник, другой на него учится.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Радостная лесенка

Детям должно быть интересно в христианстве, не скучно. Ведь Бог не скучный. Почему мы показываем все время Бога скучного? Чтобы они скисли и завидовали тому, у кого Его нет?



Этого не должно быть, это, по-моему, самое страшное, что может быть в воспитании детей: когда им скучно, когда им не радостно. Вот, например,

Великий пост. Я задумалась, что детям тяжело поститься, даже если с маслом, но все равно им тяжело. Первые три дня мы вообще ничего не едим, маленькие детки воду с сухариками едят, а взрослые, кто как хочет. Кто ничего не ест, кто водичку пьет, кто изюм ест – я ничего не варю. А я когда не варю, я не знаю, что мне дома делать. Я настолько привыкла, что у меня готовка от завтрака до обеда, от обеда до ужина, то есть я занята постоянно. А в промежутках я убираю, стираю и прочее. И вот в первый же пост я взяла большой ватманский лист, нарисовала страшный-страшный ад, крепости, морды всякие, огонь, черти с трезубцами, антенны телевизионные. Смешно немножко, но страшно. Потом начертила ступеньки и наверху приклеила из какого-то календаря голубое небо, зеленую травку и красивые храмы вдалеке. И объяснила: детки, давайте вот это будет ад, и мы сейчас начинаем восхождение к нашей Пасхе, а на протяжении поста нам надо дойти до рая по ступенькам. Хорошее дело – ступенька вверх, плохое или грех, ступенька вниз. И я нарисовала фигурки из картонки и булавкой их, как бабочек, прикрепила в этот ад. И они у меня сразу бежали что-то делать, чтобы поскорее выбраться на первую ступеньку. Дети были увлечены. Лесенка эта у нас до сих пор, испачкается, я следующую рисую на несколько лет. Сейчас у меня уже третья висит. «Лесенка поста» они называют.

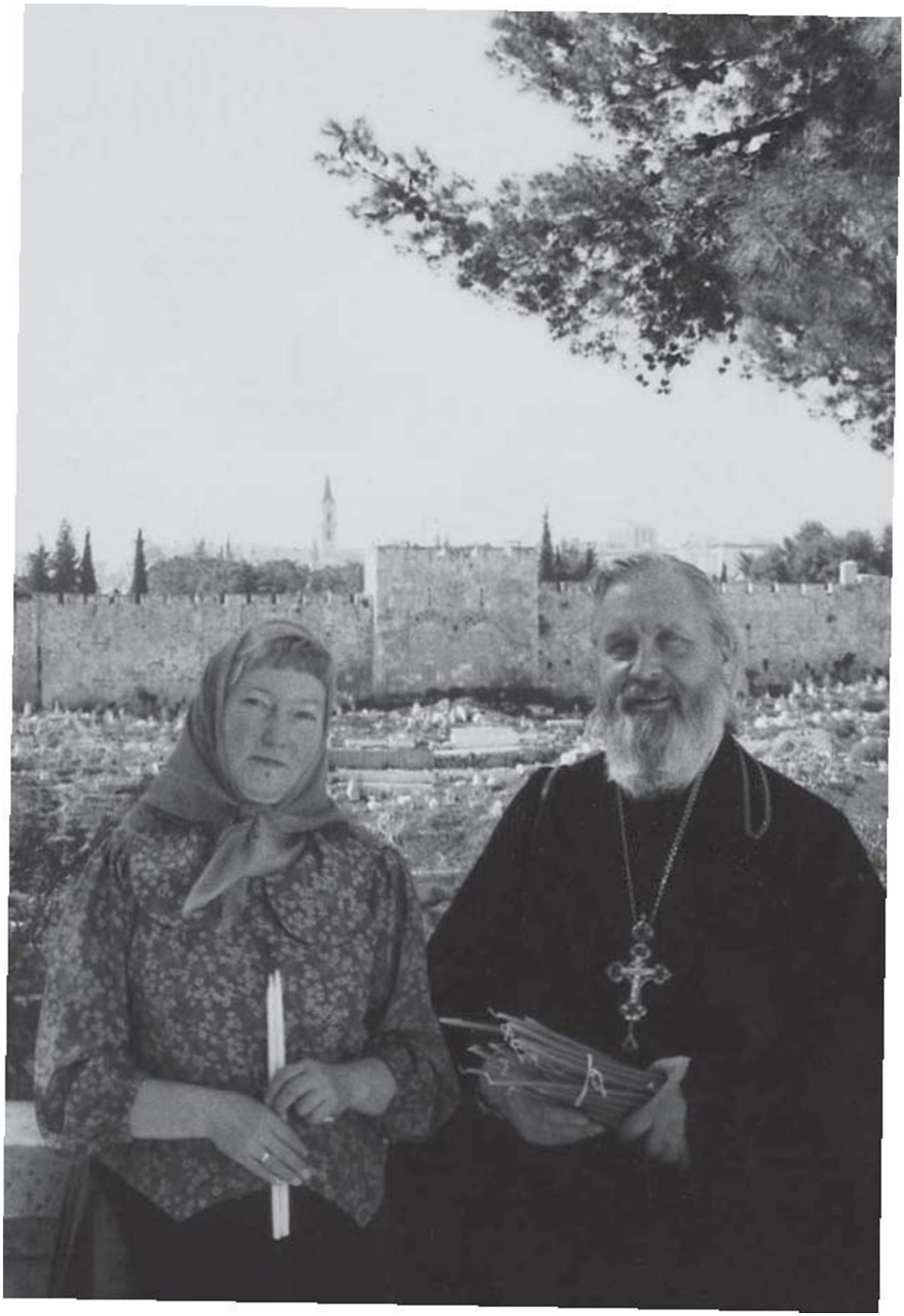
Есть одно условие: фигурку на следующую ступеньку ставлю одна я. У меня есть свои критерии. Я говорю: «Вы мне доверяете?» Они отвечают: «Да». Потому что начинается: «Ну, я вот столько делала, а у меня одна ступенька, а она всего чуть-чуть тут убралась, и ей тоже ступенька!» Я говорю: «Если доверяете, то принимайте, потому что иногда ей убрать немногое труднее, чем тебе пропахать целый зал». А были у нас грандиозные совершенно «падения». Один ребенок первый шел, а потом с ним кое-что случилось, и батюшка настолько рассердился, что его в самый низ опустил. А до Пасхи где-то полторы недели. Ребенок плачет, все плачут, у нас семейная трагедия. А ведь могли быть рады, что теперь первые, но нет, плакали все. А меня это очень поразило. И все дети начали ему помогать. Сами что-то делают тайком, а ему ступеньки отдают. Все у меня замерли на тех ступеньках, на которых стояли, и перестали продвигаться. И каждый вечер на нашей молитве: «Господи, пусти его в рай». Так переживали! Уже перед ночной службой пасхальной я их кладу спать и делаю белые, светящиеся фигурки. Это все, кто успел в рай. Успевают всегда у нас все. И я никогда не забуду, как ночью перед службой встала Анечка, ей лет 5 тогда было, бежит к лесенке и говорит:

«Господи, спасибо Тебе за то, что он в раю!» Она на себя даже не посмотрела. Я подумала, вот это да! Я такое даже придумать сама не могла, только Господь.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В Рождественский пост я тоже придумала интересную вещь: «Скоро у нас будет день рождения Христа, а на день рождения надо приходить с подарками. Что мы будем дарить Христу? Давайте сделаем так: вот у вас пост 40 дней». И я им нарезаю из коробок от каши, конфет, чего угодно квадратики, с одной стороны красивенькие, а с другой стороны пустые. Доброе дело сделали, допустим, подмели пол на кухне, на квадратике написали. А я к себе в стол складываю эти квадратики. И у каждого собирается кучка квадратиков, и накануне Рождества, они нанизывают свои картоночки на нитку. У каждого получается разноцветная гирлянда, которую на Рождество вешаем под потолком. Дети смотрят, у кого гирлянда больше, но в принципе это не важно. Мы не меряем и не считаем, просто вешаем, и получается украшение к Рождеству, весь дом в гирляндах. И это их подарок Христу. Они у меня радостные все время, мне это очень нравится. Один раз мы были на Рождественском фестивале, который устраивает городской отдел культуры. И один раз туда попал огромный хор пятидесятников. Наши дети стояли в кулуарах, ждали своего выступления и разговорились с хористами. Те спрашивают: «А вы кто?» Девочки отвечают: «А мы православные». Они: «Да бросьте вы!» Девочки: «Почему?» А они: «Ну вы улыбаетесь, такие радостные». И девочки мне потом говорили: «Мам, ты представляешь, им кажется, что все в Православии нерадостные». А я молчу, но думаю: «Вообще-то да, видок-то у нас еще тот». Посмотришь в храме, я даже женщинам в храме говорю: «У тебя что-то дома случилось?» – отвечают: «Нет». Я говорю: «А может, что-то с мужем?» – «Да нет». – «Ребенок болеет?» – «Да нет». – «А что ты такая стоишь? Тебе радостно?» – «Радостно». – «Так радуйся». – «А как?» – «Ну встань и радуйся, я вот посмотри какая». – «Да, матушка, вы всегда радостная». – «Ну а что? У меня, что, проблем нет? Но у меня же Бог есть, мне и радостно, вот и ты так радуйся». У нас когда люди приезжают с экскурсиями, то говорят, а что у вас тут все такие радостные? А я отвечаю, почему бы нам не быть радостными, мы же православные!

Наталия Бреева



Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Протоиерей Георгий Бреев (р. 1937) – настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском, один из старейших клириков Москвы (рукоположен в 1967 году), духовник Московской епархии, кандидат богословия. В 1990–2009 годах восстанавливал и был настоятелем храма в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Царицыно.

Наталия Бреева (р. 1947) в 1960-х годах пела в знаменитом хоре Богоявленского Елоховского собора под управлением Виктора Комарова (голос – сопрано), в 1960-1980-х пела в левом хоре храма Святого Иоанна Предтечи на Пресне. В 1990-х участвовала в восстановлении храма в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник» в Царицыно и возрождении приходской жизни. Вырастила двоих детей.

История семьи

Истоком жизни каждого человека является детство. В детстве происходит зарождение того духа, который остается в человеке на всю жизнь и укрепляется по мере взросления.

Я очень хорошо помню образ жизни нашей семьи, тихую организованность быта в доме, мирные взаимоотношения не только между членами семьи, но и с соседями. На первом месте у нас всегда было самое главное – жить по законам Божьим, ничего не предпринимать без молитв, почитать и соблюдать с истинной радостью воскресные дни и все православные праздники. Моя детская душа чувствовала правильность такой жизни, ее строгость и теплоту. По рассказам матери и бабушки я узнала, что дух православия в семье был заложен моей прабабушкой Анастасией Абрамовой. Она же поведала своим детям о том, что наш род по материнской линии уходит во времена крепостного права и что предком нашим был барин, женившийся по любви на крестьянке. Жили они под Ельцом скромно: у них было душ сто крепостных – немного по тем временам, – но все же в дальнейшем это послужило основой для безбедной жизни моих прабабушки и прадедушки.

От прабабушки, которая была очень верующей, в нашем роду повелась традиция – по воскресным дням и по большим праздникам выставлять длинные столы с угощением для нуждающихся, нищих и убогих. Она сама пекла пироги и готовила еду для страждущих. Моя мама уже в советское время в Москве, помня бабушкино милосердие, так же собирала нищих и помогала бедным. Она их и кормила, и одевала иногда, и что-то давала им в дорогу.

Когда я стала матушкой, то продолжила эту традицию, и мы с батюшкой собирали людей по праздникам сначала в своем доме, потом, когда стало

возможно, – при храме. Своей дочери я советую сохранять это заведенное предками правило любви и милосердия, и она тоже иногда принимает гостей. Значение этой семейной заповеди состоит в том, чтобы люди не только услаждались едой и разговором, но и чувствовали душевное единение в Господе. Когда открылись оба наших храма – в Царицыне и потом в Крылатском, – мы с батюшкой решили, что у нас не будет так, как было раньше – все по отдельности, – мы будем обедать все вместе за одним столом: и батюшки, и прихожане, и работающие в храме, и все, все, все.

В истории нашей семьи были очень тяжелые времена. С приходом советской власти прабабушка с мужем и младшим сыном были раскулачены, их погнали в Караганду, в степи. Единственное, что они успели взять с собой, это шубы: знали, что днем в степи жара, а ночью сильный холод. Там они рыли ямы, что-то вроде землянок, и в них жили. Много людей тогда умерло от голода, холода и болезней. К прабабушке часто приходили люди за утешением, и она им говорила: «Так надо. Потерпите». И такое у нее было лицо радостное, будто ничего не случилось. Однажды удалось сбежать их сыну, но его поймали, и когда его вели под конвоем обратно, он увидел шествие – человека хоронят. Люди шли со свечами и пели, потому что народ весь был православный. Он увидел в процессии знакомую и спросил: «Кто умер?» А ему говорят: «Это ваша мама, Анастасия». Так он попал на похороны своей мамы, моей прабабушки.

Моя мама, Анна Дмитриевна, рассказывала мне о своем детстве, когда семья бабушки жила еще под Ельцом. Девочкой мама любила петь, и голосок у нее был красивый. В храме тогда пел наш семейный хор, «хор Абрамовых», и ее иногда звали туда петь соло «Отче наш» напевом, который в народе назывался «птичка». Эту «птичку» иногда и сейчас, но редко, поют на венчаниях – это красивое соло. Мама часто прибегала к храму и бегала вокруг него и как-то раз услышала разговор двух старичков на церковной лавочке. Они говорили о том, что наступит время, когда все люди попадут в сети. Девочку семи-восьми лет это удивило, и она сказала себе: «А я не попаду, я вырвусь, я из-под них вылезу!» Вот она и вырвалась, как показала ее дальнейшая жизнь, вырвалась к Богу.

В Москву бабушкина семья переехала уже в 1930-е годы, потому что преследовали крестьян, всех, кто жил на земле. Мама была очень активная, энергичная, комсомолка, готовилась поступать в институт иностранных языков на немецкий язык, но начался голод. Ей пришлось окончить курсы и стать воспитателем в ведомственном детском саду Военной академии им. Фрунзе. Вскоре она познакомилась с ленинградцем, они поженились и уехали в Ленинград. Там она тоже устроилась работать в садик. Жили обычной жизнью,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

родился сын Славик. Мама не могла не крестить сына, а это был 1937 год, самый суровый, но несмотря ни на что мама пришла в один из петербургских соборов. Храм был большой, пустой: там были только старенький батюшка-священник и около него старушка – он служил, а она пела. Когда мама принесла ребенка крестить, они так удивились! «Миленькая моя! – сказал батюшка. – Как же ты пришла? Ну, запомни, Господь тебя не оставит».

В 1939 году у нее родился второй сын. Здесь я хочу рассказать об удивительном сне, который приснился маме, и хотя в нашей семье никогда не придавали значения снам, этот странный сон мама запомнила. Она видела старца, который, как она говорила, был «весь в крестах». Одной рукой он держал ее мужа и младшего сына, стоящих на земле, а ее саму со старшим сыном Славиком он держал другой рукой, и они стояли на море. Старец ей сказал: «Запомни: 12 часов 1 минута». Мама целый месяц не могла успокоиться, все думала об этом сне. Днем на работе забывалась, а ночью к ней приходила соседка, они разговаривали, иногда мама брала гитару, играла и пела – в те годы она только так могла себя утешить, потому что еще не была верующей. После 12 часов 1 минуты соседка уходила. Через месяц объявили войну, мама забыла об этом сне. Начались бомбежки и блокада.

Блокада

Когда мама вспоминала о блокаде, она всегда плакала. Она рассказывала, как люди от голода падали на ходу и умирали. И если человек падал, он просил: «Поднимите меня!» – но проходящие мимо не могли его поднять, потому что от слабости и сами могли упасть. Людей поднимали военные, у них все-таки были хорошие пайки.

Мама была молодая и не хранила ничего впрок, как это делали раньше старики. Когда началась война, маминому мужу предложили пакет муки, крупу, а она отказалась: «Ну, как же мы возьмем бесплатно муку, крупу?» И не взяла.

Потом, конечно, она горько пожалела об этом, говорила: «Если бы я хоть по пять крупинок могла своим детям давать!» У них было только по 125 граммов хлеба в день. Мама этот хлебушек на печке-буржуйке сушила, чтобы он дольше не таял во рту. В надежде принести детям хоть что-то мама ходила на рынки. Дети от слабости всегда лежали в постели, накрытые чем только можно, и когда слышали, что мама пришла, вытаскивали ручки из-под одеяла и протягивали их за едой ладошкой вверх, но не всегда удавалось что-нибудь положить в эти ладошки.

Старший сын Славик до войны хорошо ел, очень любил рыбий жир, прямо пил его, был пухленький, и это его спасло. А младшему сыну Володе было два с половиной года, он стал как совершенный скелетик и тихо умер у мамы на руках – посмотрел на нее, вздохнул и умер. И тогда мама впервые в жизни взмолилась: «Господи! Оставь нам жизнь! Когда я приеду к родителям, я Тебе свечку поставлю!» Вот почему сейчас, когда люди приходят в храм просто поставить свечку, я радуюсь и говорю: «Вот, хорошо, что вы пришли. Очень хорошо! Хорошо, что не прошли мимо, а все-таки зашли поставить свечку, значит, Бог вас призывает, ваша душа хочет зайти, и вы услышали этот голос». Я всегда эту свечку мамину вспоминаю.

Во время блокады мама продавала вещи, чтобы хотя бы маленькую сушечку или кусочек сахара принести домой. «Однажды, – вспоминала она, – одна женщина принесла очень дорогую шубу продать, и у нее эту шубу купили за половину буханки черного хлеба и бараночку». И так некоторые, у кого был запасец продуктов, там наживались.

Мертвых на улице подбирали и складывали штабелями на грузовики. Мама вспоминала, как однажды мимо нее проехал грузовик, в котором лежала замерзшая девушка с рыжими золотыми волосами, они спускались почти до самой земли. В городе не было отопления, воды – всё замерзло. Чтобы сберечь силы, мама не носила воду из реки, просто брала снег. Дров не было. Взрывались дома от бомбежек, но мама не ходила прятаться в подвалы, оставалась в своем доме. Чтобы хоть что-то поесть, подержать во рту, варила клейстер и даже кожаный пояс, и они жевали его.

В блокаду умер мамин муж, отец моих братьев. Как-то он упал прямо у своего подъезда и начал замерзать. Мимо шел военный и услышал: «Поднимите меня! Вот моя дверь!» Он его поднял, завел в дом, поставил к стенке, и так по стенке он шел на второй этаж. Руки у него замерзли – кровь не грела. Через две недели он умер. Мама вспоминала, как обрядила его в хороший костюм, который у него был, из буклированной ткани, а пятилетний Славик ползал по нему, отрывал шерстяные катышки-букле и ел…

У маминого мужа была сестра, и ее семья не голодала, так как муж ее занимал высокий пост, но только пару раз она помогла маме, а потом перестала. После войны она к нам приезжала и так рыдала, что не поделилась со своими племянниками и родным братом едой. Она не могла снять с себя эту боль, постоянно плакала, потому что крупа осталась, а брат и его сын умерли. Она не могла жить с этим, такое у нее было отчаяние, и мама ее уговаривала: «Ты должна идти в церковь и покаяться. Бог снимет с тебя этот грех, и тебе будет

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

легко». Но поскольку она была неверующей, она долго не могла войти в храм, и только в конце пятидесятых годов она это сделала и покаялась.

В то время не было почти никакой возможности эвакуироваться, все дороги были закрыты, кроме Дороги Жизни, куда трудно было попасть, достать и оформить документы на выезд. И вот тогда муж сестры, который занимал высокий пост, сделал им разрешение на выезд. Им выдали паек в дорогу – целую буханку хлеба, сухую колбасу и еще что-то – не помню. Однако много людей умерло в дороге оттого, что они ели всё сразу. Мама видела многие жуткие вещи и всегда говорила: «Слава Богу, что Он не отнял у меня разум!..» Она брала по маленькому кусочку от этой буханки себе и сыну. Отправились они в конце марта, когда Дорога Жизни уже закрывалась, так как лед ломался, и нельзя было ехать. Мама выбрала автобус, потому что она понимала: если они сядут в открытый грузовик, то замерзнут. И люди замерзали. Она последняя садилась в автобус, Славик уже сидел внутри, а мама никак не могла поднять ногу, не хватало сил. Шофер спешил, и тогда ей помог один человек, еврей. Он протянул ей руку и втащил ее. Она всю жизнь о нем молилась и говорила: «Он мне так помог! Я ему до конца жизни благодарна!» Ехавшая перед ними машина провалилась под лед. Но они все-таки доехали. На другом берегу крестьяне выносили им морошку, клюкву. Люди брали ягоды в рот, а рот был белый, одеревенелый, он уже не открывался и не закрывался – слюны не было. Им клали морошку в рот, и он становился красный и оживал.

Мирная жизнь

В Москву нельзя было проехать, так как она была закрытым городом, и мама попросила оформить ей документы до Серпухова, откуда уже можно было добраться до Москвы. Она вспоминала, как в Серпухове прохожие просто немели при виде их, похожих на скелеты. Когда мама со Славиком добрались до подмосковной станции, до дома, где жили бабушка с дедушкой, они были сильно удивлены тем, что в доме есть мука, все ходят, улыбаются. Они совершенно отвыкли от этого, и когда мама через месяц впервые засмеялась, Славик заплакал: «Мама, ты не смейся!» А потом, когда Славик наконец засмеялся, мама заплакала. Конфетки, которые ему давали, он ел прямо с фантиками. Так вот было.

В народе у нас есть такая традиция: когда кто-то где-то далеко умирает с голоду, кормят кого-то ближнего нуждающегося. К моим бабушке с дедушкой приходила одна нищая, которую они кормили, чтобы их дочь и внук в блокадном Ленинграде выжили. Я помню, как эта женщина продолжала иногда приходить к нам и после войны, потому что она была нам уже как своя.

Когда прошли эти суровые времена, мама, не забывавшая об обещании Богу поставить свечу, пошла в храм возле метро «Парк культуры», купила свечку, прошла вперед, поставила, повернулась и увидела на стене того самого старца «в крестах» из своего довоенного сна! Мама спросила у свечницы: «Бабушка, кто это?» Она ответила: «Ой, миленькая моя, это великий чудотворец Николай Угодник!» Много позже, когда мама стала верующей, она объяснила себе этот сон. Муж с младшим сыном стояли на земле, что означало «из земли еси и в землю отыдеши» – и они умерли. А море – это житейское море, жизнь, где остались она и ее старший сын.

Конечно, ни о каком поступлении в институт не могло быть и речи, так как она поняла, что являлось в то время самым главным – еда. Она пошла учиться на повара и вскоре стала работать шеф-поваром в столовой. Она была очень хорошим шеф-поваром, так как старалась при скудном провианте военного времени создать вкусную еду, проявляла фантазию, отдавала этой работе всю душу. Людям нравились ее обеды, и они были ей благодарны.

В эту же столовую в последние годы войны и чуть позже приходил за обедом с судочками инженер, в 1926 году строивший Московский телеграф, – Николай Михайлович Остапенко, будущий игумен Савва и будущий духовный отец нашей семьи. Это мы узнали в конце 1950-х годов. Батюшка Савва был у нас в гостях и рассказывал об этом, а мама сказала ему, что в то время работала в этой столовой шефом.

Вскоре после войны мама встретила моего отца – он был военный, родом с Украины. Он погиб в самом начале 1947 года, и мама опять осталась одна, без мужа, и так прожила уже до конца своей жизни.

Церковная жизнь

После того как мама поставила свечу в храме Николая Угодника в Хамовниках, она успокоилась – ведь она выполнила свое обещание Богу. Но спустя четыре года по приезде в Москву она снова видит сон: два человека в сияющих одеждах говорят ей: «Приходи к нам» – «А кто вы?» – «Мы Петр и Павел». В это время рядом с нами жила в семье своего брата одинокая женщина, верующая – Любовь Николаевна. Она отвела маму в храм Петра и Павла у Яузских ворот. Мама стала постоянно туда ходить, даже перед работой: еще двери закрыты, а она уже стоит. Все мое раннее детство также прошло в этом храме. В то время здесь служил удивительный священник, архимандрит Симеон. Он был очень молодой, говорил обличительные проповеди о том, что люди потеряли Бога, что они должны вернуться, просить прощения. И говорил

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

он это во всеуслышание, не боясь. И народу так много стояло в храме, что не пройти, стояли даже снаружи у окон и дверей, вокруг храма.

В 1950 году отец Симеон исчез. Все плакали, очень переживали. К тому времени там образовалась приходская община: мама и еще несколько прихожанок очень подружились, стали друг другу духовными сестрами. Незадолго до своего исчезновения архимандрит Симеон сказал им: «Меня может уже и не быть здесь. Вы не плачьте. Езжайте в Троице-Сергиеву лавру. Я буду молиться за вас, и Матерь Божия даст вам духовника вместо меня».

Когда после его исчезновения они поехали в Лавру, там им встретился иеромонах и спросил: «Что вы плачете?» Мама ответила: «Да вот, у нас нет духовника. Мы не знаем, где он. Кто говорит в Болгарии, а кто – в застенках». На что иеромонах отвечает: «Да, отец Симеон меня предупредил, чтобы я взял вас всех в духовные чада». Звали его отец Савва (Остапенко). Так моя мама с подругами оказались его первыми духовными чадами. До 1955 года они ездили к нему в Лавру, а потом его перевели в Псково-Печерский монастырь, и они стали ездить к нему туда. Я с одиннадцати лет жила там с мамой каждый год в течение месяца. Потом мы уже ездили туда большой семьей и с моей двоюродной сестрой Танечкой (одних лет со мной), которая стала мне любимой подругой. И моя первая племянница Мария появилась на свет в печорском роддоме в ночь под праздник Успения Пресвятой Богородицы. И ее сын Дмитрий тоже родился там (Мария с мужем так хотели).

Хочу рассказать о происшедшем со мной в детстве утешительном событии. Мне было тогда лет восемь или девять. Моя мама уехала в отпуск в Псково-Печерский монастырь (у нее там были дела: она помогала восстанавливать монастырь, в то время даже стены монастыря были в плохом состоянии). Прошло время, и я затосковала по ней, да так сильно, что в один из дней стала безутешно плакать. Я думаю, что с каждым ребенком в его жизни это происходит. Мои братья стали уговаривать меня, а мне становилось еще хуже. Тогда я подошла к иконам и стала молиться вслух и говорить: «Матерь Божия! Где же мама? Что с ней? Когда она приедет?» На следующий день утром мама стояла на пороге. Все удивились, ведь она должна была приехать намного позже. Что такое? Она отвечает: «Вчера батюшка Савва увидал меня и говорит: «Анна! Немедленно поезжай домой! Там Наталия плачет и просит Божию Матерь – когда же приедет мама!» Вот так духовный отец болеет, жалеет, молится о вверенных ему чадах. Даже слезный плач не совсем маленькой девочки он услышал, вот почему так много было и есть благодарных сердец. Он говорил, что будет молиться о нас всегда, – в этом тоже есть наше упование.

Когда я была девочкой лет четырнадцати-пятнадцати, к нам иногда приходил один старец по имени Георгий. Он был из тех монахов, которые в годы гонения на Церковь служили тайно – в лесу, в землянках. Жили они в Москве на квартирах, а в лес ездили совершать богослужения. Это была так называемая «катакомбная церковь», но мы там никогда не бывали.

Он приходил к нам вечером, и всю ночь мы сидели при свече, потому что он не мог появляться явно. Когда к нам приходили люди и спрашивали: «Кто это к вам приходит?» – мы отвечали: «А это наш родственник. Дедушка». Старец Георгий прошел Соловки и все эти ужасы, он носил вериги. Рассказывал, как на Соловках потопили людей на пароходе, бросая их в воду через люк. О пытках рассказывал, как усы рвали. Начало шестидесятых годов – время хрущевских

гонений на Церковь, храмы и монастыри закрывались. Как-то старец нам сказал: «Сейчас закрывают, а скоро откроют храмы». Мама спросила: «Отец Георгий, я-то увижу это время?» «Нет, Анна, ты не увидишь. А вот Наталья увидит». И действительно мама умерла в 1985 году. И еще он добавил: «Какое счастье тому, кто в это время придет в храм. И не отложит. Потом могут быть непростые времена».

Детство

Наша семья всегда была открыта для мира, все знали, что мы верующие. Мама этого не скрывала, и когда я пошла в школу, все также знали, что я верующая. Несмотря на это, ребята в школе относились ко мне хорошо. Я, конечно, ничего никогда об этом не говорила, но все видели крестик. Мы жили в небольшом подмосковном городке, где многие друг друга знали. Я не чувствовала себя уж очень ущемленной. В четвертом классе нас принимали в пионеры, и я сказала, что не буду пионеркой, чем очень напугала учительницу. Мама мне ничего не навязывала, но, будучи к тому времени глубоко верующим человеком, она молилась за меня. Мы всегда по утрам вместе молились, читали по главе Послания апостолов, Евангелие, а вечером после молитвы с нами, она молилась одна. Я помню, как мы, дети, лежа в постели, видели маму стоящей на коленях перед иконами и молящейся. Мы чувствовали, что это была наша защита, и нам было так спокойно и хорошо.

Когда я была маленькая, очень любила танцевать. Для меня это было как молитва. Мы жили в деревянном доме. Я помню свое ощущение необыкновенной радости, когда выбегаешь на улицу, а навстречу тебе солнце, небо, великолепные большие тополя! Кругом птицы, цветы: у нас во дворе розы росли, цвели вишни. Когда я видела все это, мне хотелось петь: «Господи!» Я много в то время сочиняла таких песнопений, пела Господу, Матери Божией.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Больше же всего я любила танцевать. Весь восторг жизни выражался у меня в движениях, в танце. Часто люди на нашей улице собирались вместе, отмечали праздники и непременно звали меня: «Наташа! Иди, станцуй нам!» Мне было тогда лет семь-восемь. Я начинала танцевать и уже не видела ничего вокруг – так вся уходила в танец, словно летела куда-то и сама себе пела. Мне хлопали, угощали конфетами. Знакомые советовали маме не пропустить этот талант и отдать меня в балет. Но мама мне внушала: «Как ты можешь думать о балете? Представь себе, что завтра служба, праздник, а тебе сегодня вечером танцевать: ведь это же большой грех – танцевать под праздник! Нельзя этого!» Сейчас, когда я вспоминаю свои переживания и даже страдания по этому поводу, я понимаю (и понимала тогда!) что все же самым главным для меня была вера в Бога. Чем оправдаюсь? Только верой! – по слову апостола Павла.

С Юрой, будущим отцом Георгием, дружил мой старший брат Вячеслав. Юрина семья жила в соседнем переулке, в котором кроме русских жили и евреи, и татары. Хочу отметить, что в то время, после войны, люди жили очень дружно, часто вместе радовались, пели песни, никто не думал о том, что у всех разные национальности, разное положение в обществе. У меня была подруга татарочка, помню, зайдешь к ним, а у них дедушка старенький сидит на полу, молится, и у него свиток висит на стене. Я у порога встану и понимаю, что он молится, и от этого становится так хорошо. Рядом жила еврейская семья, их мальчик играл на скрипке. Его мама всегда звала сына: «Вовочка, иди играть на скрипке!» Когда он долго играл, я его жалела, мне казалось, он устал. Напротив дома, где жил Юра, проживал священник, а рядом с домом священника жили татары.

Родители Юры, вся их семья были неверующими. Отец был коммунистом. Но Юра с детства был другой, и дружил с моим братом. Когда моего брата начинали дразнить за его крест и задевали Бога, то брат не выдерживал и начинал драться. Юре именно то, что он за Бога дерется, в нем и нравилось. Юра приходил к нам играть в шахматы, вместе они ходили заниматься шахматами к мастеру спорта и в оркестр народных инструментов.

У моего брата был абсолютный слух и очень хорошая память, в том числе музыкальная, и однажды руководитель оркестра предложил маме обучать Славу на солиста, ездить с оркестром на гастроли по стране и за границу. Тогда мама с этим и с моим балетным вопросом поехала в Киево-Печерскую лавру к известному старцу (не помню его имени). Она вошла в его келью, он стоял лицом к иконам и пел молитвы, потом повернулся к ней и, не дожидаясь ее вопроса, сказал: «А детей на сцену не пускать!» В этот момент к нему пришел послушник, принес судочки с первым и вторым. Он взял и первое, и второе, смешал, оставил немного себе, а остальное всё передал маме: «Ешь!» Она поела

и говорит: «Батюшка, я больше не могу!» – «Нет, ешь!». Это было послушание, и она съела. Так вопрос с нашим музыкально-танцевальным будущим был снят раз и навсегда. Мой брат Вячеслав потом станет насельником Троице-Сергиевой Лавры, игуменом Питиримом.

Родилась я очень маленькой, меня выхаживали. Когда мне было около года, Слава вынес меня из дома и посадил там, где бегали дети. И мальчик Юра (ему тогда было одиннадцать лет) подошел ко мне и сказал: «Ой, какая же ты худенькая! Какая ты несчастная! Как мне тебя жалко! Но ты не волнуйся: я вырасту и на тебе женюсь». А когда Юре было пятнадцать лет, а мне пять, и я играла в песке, он проходил мимо и снова сказал: «Ой! Какой же я большой, а ты еще совсем маленькая!» Но об этом мы узнали после свадьбы.

В подростковом возрасте Юра очень сильно болел. У него было осложнение на ноги после ангины, он даже ездил в инвалидной коляске полгода. Врач сказал ему, что если он не будет себя развивать физически, то останется полным инвалидом. Тогда Юра стал тренироваться, поднимать тяжести, нашел какую-то тяжеленную железную крестовину (или крест), она у него была вместо гантелей и штанги.

Тем временем, я училась в школе, и мне иногда занижали отметки, видимо, потому что я из церковной семьи. Одноклассники спрашивали учителя: «А почему Наташе поставили тройку? Она же хорошо ответила». Я как-то вся сжималась, недоумевая, и долго не могла понять, почему мне занижают отметки.

Ребята в школе называли меня «богородицей» – дразнили беззлобно. Могли крикнуть: «Эй, богородица!» Мне и моему брату это не нравилось, но мы ничего не могли поделать. Я бы не стала это рассказывать, если бы однажды не произошел такой случай. Мы, послевоенные дети, были шустрые и бесстрашные. Однажды под вечер я с девочками пошла на горку. В нашем парке были очень высокие ледяные горки, и мы с них любили съезжать на ногах – это было такое удовольствие! И вдруг подошла компания чужих ребят, шпана. А тогда шпана была самая настоящая – и ограбить могли и сделать все что угодно. Они схватили нас, стали угрожать и рвать пуговицы. Я как закричу: «Матерь Божия, спасай нас!» Кто-то из тех ребят узнал меня и сказал: «Тут богородица, не трожьте их!» Видимо, он учился в нашей школе и узнал. Они отпустили нас и ушли.

А потом пришла пора вступать в комсомол. Директор школы пришел к нам домой с каким-то молчаливым человеком в черном кителе. Был Чистый четверг, мама красила яйца. Директор ей говорил, что она не думает о своей дочери, что

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

если я не вступлю в комсомол, то меня не возьмут ни в одно высшее заведение. Она ответила: «Мы надеемся на Господа». Она говорила с ним очень хорошо, у нее было радостное настроение. Вскоре они ушли. И потом уже мама поехала к отцу Савве и стала ему об этом рассказывать. Он ей ответил: «Анна, всё оставляйте. Пусть она шьет, как Матерь Божия шила. Пусть она учится шить. И пусть так шьет, чтобы людям нравилось». А батюшка любил, чтобы все было красиво и аккуратно.

В 48 лет мама заболела и не могла работать – блокада все же дала о себе знать. Кроме Славы и меня мама воспитывала еще одного ребенка. Еще в Ленинграде после смерти младшего сына Володи она решила, что возьмет одного сироту. Вот как раньше люди открывались добру! Мама считала, что мы еще должны потрудиться, чтобы заслужить Божью милость. Мамин родной младший брат погиб на фронте под Смоленском. На его последней открытке (я эту открытку очень хорошо помню, потому что моя бабушка, когда брала эту открытку, над ней всегда плакала) был нарисован пингвинчик и рукой моего дяди написано: «Дражайшие родители! Уважаемые Дмитрий Иванович и Федосья Петровна! Прошу Вас, не оставляйте только моего сыночка Володеньку». И как только мама начала работать и встала на ноги, она забрала своего племянника Володю к нам, а ему уже было лет четырнадцать-пятнадцать, и он стал жить у нас. Пришел он к нам неверующим, избалованным своей бабушкой, связался с какой-то компанией. Но постепенно выровнялся и женился, когда мне было лет тринадцать, на очень хорошей девушке Евгении. Они ездили вместе с нами в Псково-Печерский монастырь, встречались с батюшкой Саввой и стали его духовными чадами; иногда ходили с нами по воскресным дням в церковь. Своих четверых детей она также воспитала в вере и любви к церкви.

В восемнадцать лет я пошла работать в первоклассное ателье на Кутузовском проспекте. Там обшивались иногда и жены дипломатов. Юрий к тому времени учился в Духовной Академии. До этого он отслужил в армии в закрытом городе Сарове (Арзамас-16). После армии он решил поступать в Духовную семинарию, подал документы и поступил. Это тут же стало известно московским органам, и Георгия без его ведома лишили московской прописки (в то время власти чинили всяческие препятствия тем, кто собирался стать священником). О том, как нелегко было восстановить прописку, отец Георгий вспоминает: «Разыскав юриста из Патриархии, я рассказал ему, что без моего ведома меня выписали из домовой книги. Свои документы: паспорт, военный билет, я всегда носил с собой, опасаясь, что родителей смогут уговорить воспрепятствовать мне учиться в семинарии. Возле Белорусского вокзала находилась полувоенная организация, которая рассматривала грубые нарушения паспортного режима. Там я предъявил паспорт и военный билет, в которых сохранилась отметка о

моей законной прописке. Военный юрист сказал, что это явное беззаконие, и выдал мне приказ о восстановлении моей прописки. Однако, когда я принес этот приказ чиновнику в чине полковника, он со злобой сказал: «А как ты разыскал это закрытое учреждение? Ну что ж, мы обязаны подчиниться приказу, но запомни: ты для нас идейный враг номер один. Лучше бы ты был вором или преступником, тогда бы мы тебя оправдали, и ты трудился бы со всеми на равных, а врага народа нам нельзя простить».

Тогда было такое время, что сотрудники внутренних органов могли подойти к любому молодому человеку прямо в храме. Ко мне также подошли однажды и предложили выйти. Я ответила: «Нет, со службы я не ухожу». Иногда даже не давали войти в храм, особенно на Пасху.

Предложение

Однажды, когда Юре было уже 29 лет и он учился на предпоследнем курсе Академии, он прислал маме телеграмму: «Анна Дмитриевна, прошу Вас приехать в Лавру на Покров». И мама поехала. Мы с бабушкой стали плакать и на коленях молиться: «Боже мой! Наверное, Юрий идет в монастырь. Это так ответственно. Укрепи его, помоги ему пройти эту трудную дорогу, этот путь монашества!» Он жил в Лавре, постоянно находился на монастырских службах, помогал в просфорне, дышал, можно сказать, монашеским воздухом русского православия и, естественно, мы так и подумали, что он собирается стать монахом.

Вечером приезжает мама домой с Георгием. Я открываю дверь, мама на меня странно молча смотрит, глаза у нее такие испуганно-удивленные. Он тоже входит молча, раздевается. И вдруг меня кольнуло в сердце, я смутилась, в душе появились сомнения. Это состояние похоже на то, какое испытывала Наташа Ростова, когда Андрей Болконский сватался к ней. И вот Юра встал рядом со мной, а мама говорит: «Юра… Юра сватается к тебе». Я ответила: «Нет, я не могу сейчас». Он очень огорчился. Мама напоила его чаем, и он ушел. Я вышла в другую комнату и плакала там от грусти, была не готова и не могла это принять. Раньше я и помыслить не могла об этом. Между нами десять лет разницы. Он был для меня взрослый человек, друг брата, друг семьи. Потом он не раз еще приезжал к нам. В январе мой день рождения. И он написал мне стихотворение со словами «будешь ли помнить». Спустя еще какое-то время он приехал к нам и позвал меня погулять в парк, и мы беседовали уже серьезно. Будучи очень цельным человеком, он сказал мне, что если я окончательно отказываю, то у него один путь – в монастырь. Я стала на него смотреть, и вдруг в моей душе появилась такая боль, такая жалость к нему – такое новое чувство! Я подумала: «Боже мой! Как я могу себя так вести! Человек страдает, мучается,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

а я веду себя так недостойно! Я должна его пожалеть. Ну, что ж, если ему не понравится, он уйдет в монастырь». Я была еще практически ребенком и рассудила так, что он всегда еще может уйти в монастырь. Вскоре отец Савва прислал нам благословение, и на Красную горку мы обвенчались в храме Николая Чудотворца в Хамовниках.

Первые годы совместной жизни

Впереди у Георгия был еще целый год учебы в Академии, защита диссертации, и в течение этого времени он находил возможность регентовать в хоре храма Петра и Павла на Солдатской. На Покров его рукоположили в дьяконы, а уже на Варварин день состоялась хиротония в священство.

Ректором Московской Духовной Академии был тогда нынешний митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Он близко дружил с протоиереем Николаем Ситниковым, помощником настоятеля храма Иоанна Предтечи на Пресне. Отец Николай попросил прислать хорошего священника, и владыка определил отца Георгия в этот храм. Первое время, приходя со службы домой отец Георгий говорил: «Что мне делать? Столько народу идет! Так все просят!» Мы же с мамой радовались за него: «Ой, как хорошо! Да, да! Там будь! Будь с народом!» Нам это напоминало служение Иоанна Кронштадтского, которого в нашей семье очень почитали. Тогда он еще не был канонизирован, но мама всегда его поминала, он шел у нас первым в помяннике. Отец Георгий с полной самоотдачей окунулся в приходскую жизнь и прослужил в этом храме 22 года.

После свадьбы я еще год проработала в ателье, но потом сильно заболела воспалением легких и долго, трудно выздоравливала. Работа в ателье была напряженной, и я сильно уставала. Мне пришлось уйти с этой работы, а поскольку у меня было музыкальное образование, отец Георгий устроил меня в хор Елоховского собора. Там был великолепный хор под управлением Виктора Степановича Комарова. У меня был тонкий, нежный и несколько мальчуковый голос. Именно это понравилось Виктору Степановичу. Это был известный мастер церковного пения. Он еще мальчиком пел в хоре Успенского собора Московского Кремля. Люди даже неверующие приходили в Елоховский собор слушать этот хор. Мы как-то пригласили Виктора Степановича к себе домой, и он нам рассказал, как Сталин приглашал его руководить Государственным хором СССР. Комаров ответил, что он может петь только в церкви, и предложил кандидатуру своего друга Александра Свешникова, который и руководил Государственным хором СССР долгие годы.



С большим уважением и теплотой вспоминаю о Викторе Степановиче Комарове. Как сейчас вижу этого 77-80-летнего человека с вдохновенным лицом, живыми, ясными голубыми глазами. Наш хор стоял наверху, на балконе. Перед пением Литургии Верных он всегда становился на колени и молился, потом быстро вставал и говорил нам, певчим: «Молитесь!» – и наши сердца трепетали. А сколько сердец трепетало там, внизу, в народе! И в райских селениях он так же славит Господа.

Через четыре года у меня родилась дочь Маша и я уже не могла петь в хоре, но как только она чуть подросла, меня пригласили в хор храма Воскресения Христова в Сокольниках (регентом там был Борис Петрович Иванов, сын репрессированного священника), где я пела до рождения сына. Когда сын подрос, по праздникам я приходила с детьми в Предтеченский храм и пела в хоре.

Взаимоотношения с прихожанами

Хотя приходские общины и существовали в то время, но в храмах не могло быть никаких собраний, за этим следили. Поэтому мы с батюшкой собирали

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

народ у себя дома разговляться на Пасху, Рождество и в другие праздники. Людям необходимо общение, православное единодушие во имя Господне. Мы с мамой готовили угощение и расставляли большой стол. Собирались наши друзья и молодежь, которая была вокруг отца Георгия. Были разные люди, в том числе и нецерковные.

В 1989 году отцу Георгию по благословению Его Святейшества Патриарха Алексия II дали восстанавливать храм «Живоносный Источник» в Царицыно. В храме по распоряжению Министерства культуры помещался небольшой завод по изготовлению деревянных окон и дверей для театров. Там были установлены пятнадцать станков. Первое время расчищать помещение храма и территорию вокруг него приходилось силами прихожан храма Иоанна Предтечи и наших друзей. Вскоре к нам присоединились и жители ближних районов. Люди сами демонтировали станки, трубы и прочее заводское оборудование. Постепенно происходило возрождение церковной жизни, начались ежедневные службы.

С осени 1998 года отец Георгий приступил к восстановлению храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском. Все было очень непросто, но помощь Божия была видна во всем.

Особой нашей с отцом Георгием заботой было создание церковного хора, как в Царицыно, так и в Крылатском. Ведь церковное пение – это та же молитва, которая должна твориться не только голосом, но и сердцем. При умилительно-молитвенном пении душа народа радуется и очищается. Не даром в предпасхальной стихире есть такие слова: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити».

Думаю, что в такие нелегкие моменты отношение жены священника к храму и прихожанам должно проявляться в первую очередь в постоянных сердечных молитвах за успех богоугодных дел в храме, за создание добросердечной обстановки в приходе и в отношениях между людьми. И все-таки я считаю, что на приходе матушка не должна быть вторым лицом после батюшки. Она не может претендовать на какие-то привилегии и должна быть даже позади его духовных чад.

Самоощущение матушки

Мне иногда кажется, что молодым матушкам, тем, кто может и хочет, полезно ходить на епархиальные собрания, скромно посидеть там в сторонке, послушать и посмотреть. Ведь от чего чаще всего бывают разногласия в священнических семьях? Оттого, что матушка чувствует себя «соломенной вдовой». У меня тоже

было порой такое ощущение, что я все время одна: даже в храм с детьми – и то иду одна.

Естественно, молодые матушки начинают выговаривать мужьям: «Почему тебя опять с нами нет?» А так пришли бы на собрание и увидели, какие Святейший Патриарх ставит задачи социального служения. Кто же всем этим заниматься-то будет? Я думаю, что люди, конечно, должны понять это и помочь священникам. Матушка – первая поддержка. И если она увидит и услышит на собрании, как много приходится взваливать на себя одному священнику, тогда у нее не будет протеста, что мужа всегда нет дома. Наоборот, у нее появится жалость. А где жалость, там и сочувствие, и любовь, и помощь.

Недавно созданы викариатства. Может быть, имеет смысл приглашать туда на собрания матушек, где бы они могли познакомиться друг с другом, как-то организоваться для общего дела и обсудить насущные церковные проблемы.

Я думаю, что от самой матушки много зависит, от того, как она себя поведет. Ей надо не опускать руки и падать духом, а просто понимать, что всё зависит и от нас лично, от каждого человека. Ведь все равно я сама буду отвечать за себя перед Богом.

Мои дети

Мои дети росли в советское время. Маша училась в немецкой школе и была отличницей (она воплотила мечту своей бабушки, моей мамы, и стала переводчиком с немецкого). Ее учительница в школе уговорила меня не противиться ее вступлению в пионеры. Я, к сожалению, послушала ее, потому что мне дали обещание, что Маше не придется произносить никаких клятв, только повяжут галстук в общем потоке, но оказалось, что отмолчаться там никто не мог, и ей пришлось произносить «торжественное обещание юного пионера». Она до сих пор переживает и говорит: «Мама, ну почему же ты тогда не оставила меня дома?» И мне нечего на это ответить. А Коля уже в девяностые годы учился в православной гимназии.

Библия нас, родителей, учит: «Держи руку свою на сыне твоем». Это значит поддерживать, помогать и вести своего ребенка по пути жизни, но при этом апостол Павел говорит: «Не раздражайте детей ваших». Здесь надо найти ту грань, которую нельзя переходить, чтобы не довлеть над душой ребенка. Послушание – это основа воспитания, поэтому очень важно не давать ребенку много времени на ничегонеделание. Ребенок должен быть чем-то занят: если не книгой, то каким-то другим занятием спортом, футболом, или хотя бы погулять и побегать тоже хорошо. Когда я видела, что ребенок болтается без дела, я тут

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

же что-то предпринимала, старалась найти к нему такой подход, чтобы он как бы сам придумал, чем себя занять.

И всегда следила за чтением и давала детям книги. Библия, Евангелие, послания, Псалтирь, молитвослов – эти священные книги должны быть с нами всегда, от начала и до конца дней наших. Жития святых, рассказы и воспоминания о святых людях и, конечно, наша русская классика, стихи, сказки, басни Крылова – это кладезь русской мудрости, все это помогает также открыть маленькому человеку красоту жизни.

Маша очень любила в летние каникулы учить стихи. В одиннадцать лет я дала ей прочитать «Хижину дяди Тома», где она узнала об удивительной верующей девочке с большим любящим сердцем. А Коля очень любил книжки о природе, он читал их с шести до десяти лет. Потом я дала ему читать «Лето Господне» Ивана Сергеевича Шмелева. Он эту книгу даже клал под подушку, ложился и вставал с ней, и уже не мы, а он читал нам выдержки из этой чудной книги, иногда и наизусть. Так детское сердце наполнялось любовью к православию. Уже к двенадцати годам я дала ему читать Чарльза Диккенса, его романы о несчастных детях, переносивших и страдания, и голод, и тяжелую жизнь со стойкостью и терпением. Он перечитал все его произведения. Думаю, что и рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни» нашим детям уже к двенадцати-пятнадцати годам тоже обязательно надо прочитать.

Самое главное для меня в жизни наших детей, внуков и правнуков – сохранение православной веры, любви к Церкви, ее иерархам, священникам, людям, ко всем, кого объединяет наша Церковь, любовь к Отечеству и людям, которые живут на этой большой земле. Вот что я им желаю в дни их именин. Это мое им завещание.

Бог определил нам жить именно на этой земле, и наша забота – любить ее и хранить.

Бог нам иногда что-то говорит, и мы должны быть очень внимательны в своей жизни. Он говорит через какие-то простые вещи. Конечно, если бы мы молились и подвизались, как великие подвижники, мы, может быть, больше видели, но нам все подается через маленькие знамения, которые надо уметь разглядеть и воскликнуть вместе с псалмопевцем Царем Давидом: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!»

Примечания

1

С Гребневским приходом связана история жизни нескольких поколений священнической семьи Соколовых. Дьякон Петр Соколов (1886–1940), служивший в Гребневе, был арестован в 1939 году и умер в тюрьме. Его младший сын Владимир женился на Наталье Николаевне Пестовой, дочери известного духовного писателя и богослова Н. Е. Пестова (Николай Евграфович Пестов и его супруга Зоя Вениаминовна похоронены на Гребневском кладбище недалеко от храмов). Отец Владимир принял сан, служил несколько лет в Гребневе, а затем – в храме свв. Адриана и Наталии в Москве, за свое пастырское служение был удостоен многих церковных наград.

2

Протоиерей Николай Кречетов (родился в 1934 году), Благочинный Москворецкого округа г. Москвы. Протоиерей Валериан Кречетов (родился в 1937 году). За долгие годы своего служения имел возможность общаться со многими выдающимися пастырями, в том числе с отцом Николаем Голубцовым, отцом Иоанном (Крестьянкиным), отцом Николаем Гурьяновым. Сейчас является духовником Московской епархии и настоятелем Покровского храма села Акулово Одинцовского района.

3

Соколова Н. Н. Под кровом Всевышнего (под общей редакцией Преосвященнейшего Сергия (Соколова), епископа Новосибирского и Бердского).

4

Сейчас митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

5

Интервью состоялось в церковном доме при храме Феодоровской иконы Божией Матери, где некоторое время жила семья отца Александра Сорокина, в этом же временном доме находились все прихрамовые службы, лекторий и т. д.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)